

Б196

К. М. Байнаков

**По следам
древних
городов
Казахстана**

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

К. М. Байпаков

По следам
древних
городов
Казахстана
(Отрарский оазис)

АЛМА-АТА

«Наука» Казахской ССР

1990

02.6(58)
5 186

T4(2)357.1 + T492.32

Байпаков К. М. По следам древних городов Казахстана : (Отрарский оазис). — Алма-Ата: Наука, 1990. — 208 с.

Книга рассказывает о древних городах Отрарского оазиса, обнаруженного археологами в среднем течении Сырдарьи. В результате работ, проводимых здесь многие годы учеными Академии наук Казахской ССР, обследованы городища Отрар, Куйруктобе, Кок-Мардан, Куюк-Мардан, собрани большие коллекции керамики, изделий из стекла, металла, кости, дерева. Вскрытие кварталов городской застройки, сотен жилищ, мечетей, бань, ремесленных мастерских позволяет представить картину архитектурно-планировочных особенностей средневекового города, его ремесел, торговли, культуры, проследить связи городской цивилизации Казахстана с культурами кочевников, а также народов соседних стран.

Для научных работников, студентов вузов, а также всех интересующихся археологией, историей, культурным наследием народов.

Ответственный редактор

кандидат исторических наук

С. М. АХИНЖАНОВ

628 4 93

Б 0502000000—097
407(05)—90 10.90

ISBN 5—628—00636—X

© Байпаков К. М.,
1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сырдарья погоняет ленивые желтые волки.
Белый город Отрар, где высокие стены твои?

О. Сулейменов

Каждую весну из Алма-Аты разъезжаются по Казахстану археологические экспедиции. Их маршруты проходят по изрезанным быстрыми реками предгорьям Заилийского и Джунгарского Алатау, выжженным степям Центрального Казахстана, заросшим кедрачом распадкам Алтайских гор, пустыням Прибалхашья, берегам могучей Сырдарьи и вдоль небольших чинков Устюрта. Палаточные лагеря археологов можно увидеть у желтых стен Саурана и грандиозного некрополя Борижары, рядом с руинами древних мавзолеев и у покрытых рисунками черных скал Каратау. Всякий раз, отправляясь в путь, эти люди надеются на открытие тайн, предвкушают радость познания нового. Благодаря исследователям все меньше и меньше остается белых пятен на «археологической карте» республики, все отчетливее высвечиваются драгоценные страницы далекого прошлого.

Из наиболее впечатляющих открытий казахстанских археологов особенно известны находки из сакского захоронения в кургане Иссык и раскопки древних городов — Отрара и Тараза, изучение цивилизации эпохи бронзы в Центральном Казахстане, находки каменных орудий, которым почти миллион лет, в Каратау...

Представляет интерес история одного из крупных земледельческих районов Казахстана, игравшего важную роль в политической, экономической и культурной жизни Казахстана и Средней Азии. Этот район, расположенный в долине Сырдарьи при слиянии ее с Арысью, в науке известен как «Отрарский оазис», его древнее название — округ Фараб, или Отрар. Центром был город Отрар, известность которого пережила века.

Географическое положение оазиса совпадает с территорией современного Кызылкумского района Чимкентской области. С запада оазис ограничен Кызылкумами, занимающими огромное пространство между речью двух великих среднеазиатских рек — Сырдарьи и Амударьи¹.

¹ Древнее название Сырдарьи — Яксарт, Амударьи — Окс.

Часть территории правобережья Сырдарьи, входящая в оазис, — это плоская или слегка волнистая поверхность с бедной однообразной флорой, заканчивающаяся у горного хребта Каратау, из ущелий которого вытекают Бугунь, Боролдай, Чаян, Арыстанды и другие быстрые речки.

Сероземам Отрарского оазиса соответствует и растительность: в степи — жантак, полын, солянка, в низовьях Арыси — в большом количестве дармина², в пойме Сырдарьи — луговые травы, а вблизи самой реки — густые тугайные заросли из лоха, ивы, тамариска, туранги и камыша (в которых совсем недавно обитал тигр). Всегда здесь водились заяц, олень, лисица, волк. Разнообразным был мир пернатых — фазаны, различные породы уток, гусей, журавли, цапли, голуби, а в реке много рыбы — сом, сазан, усач.

В жизни Отрарского оазиса особое место занимала Сырдарья, о которой в книге известного историка XV—XVI вв. Рузбихана мы находим восторженные оценки. Он писал, что ни в одной стране мира нет такой многополезной реки, как Сырдарья, что по обилию густых трав, растущих по берегам, и диких птиц не найдется ей равной, что она очень полезна для всякого рода животных. В то время по берегам простирались непроходимые «даже для ветра и духов леса», заросли можжевельника. Сырдарья протекала среди туркестанских городов, которые, по словам ученого, «как высокие деревья на берегу Дарьи, тянутся к небу»³.

Но река была не только кормилицей. Она могла быть злой и коварной. Резко континентальный климат сказывался на ее режиме. Морозы до —27 °С в начале декабря заковывали ее в льды до марта, а весной Сырдарья (да и Арысь) выходила из берегов, затопляя обширные территории... Еще Али ибн ал-Хусейн ал-Масуди⁴ в географическом сочинении 947—950 гг. писал о наводнениях в Отрарском оазисе, когда «во время половодий река заливала пространство шириной более 30 фарсах⁵, и тогда деревни и поместья, расположенные на вершинах холмов, сообщались при помощи лодок»⁶. Развалины Отрара говорят нам о том, что люди здесь издавна боролись с рекой: строили заградительные дамбы, сооружали специальные искусственные бугры, на которых возводили жилье. Они не оставались в накладе. Плодородный серозем, обилие воды и солнца — все это оборачивалось дарами: хлебом, хлопком, фруктами, виноградом.

Удобным было стратегическое положение Отрарского оазиса в Южном Казахстане. Через Отрар шли караваны, поэтому город упоминают почти все средневековые арабские и персоязычные авторы. Его находим мы в списке городов Сырдарьи и неоднократно в реестре городов Семиречья. Однако, читая книги древних авторов, невольно задумываешься... о существовании «нескольких Отраров». Из одного источ-

² Лекарственный вид полыни, из которой вырабатывается сантонин.

³ Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-йн Бухара: (Записки бухарского гостя) / Перевод, предисл., примеч. Р. П. Джалиловой. М., 1976. С. 73—74.

⁴ Али ибн ал-Хусейн ал-Масуди — арабский ученый, географ (род. 956 г.).

⁵ Фарсах — мера длины на Востоке, равная 6—8 км.

⁶ Цит. по: Бартольд В. В. Сочинения. М., 1966. С. 3. С. 224.

ника, например, узнаешь, что Отрар стоял при впадении Арыси в Сырдарью, занимал выгодную позицию как центр обширных плодородных земель, из другого — что Отрар вблизи предгорий Каратау был одной из опорных крепостей кочевников, из третьего — что от Отрара по Бугуни и Арыси шли дороги к Таразу, Баласагуну и далее в Восточный Туркестан... Но Отрар был один, а его «вездесущность» объясняется расположением на стыке различных географических ландшафтов, буквально в узле многих дорог, в том числе тех, что шли по Сырдарье на юг — в Шаш, Согд и далее к Мерву, Нишапуру, Рею, на север и запад — через Хорезм в Приаралье, Поволжье, Причерноморье и на Кавказ. Трудно, как заметил известный советский археолог и востоковед А. Н. Бернштам, найти в Средней Азии более выгодное и более опасное положение...

Действительно, выгодное и опасное. Тысячелетия, пронесшиеся над городом, наполненные стихией и завоевательными войнами, сделали свое дело: сейчас на месте некогда цветущего города остались заросшие травой руины. Человек, впервые попавший сюда, невольно останавливается, потрясенный видом застывших грандиозных развалин городов и селений, замков и сторожевых башен. Высохшие поля пересекают глубокие магистральные каналы, растрескавшиеся от жары, русла которых вот уже сотни лет не получали ни капли воды. Этот своеобразный музей под открытым небом молчаливо говорит нам о жизни наших далеких предков.

В Отрарском оазисе, охватывающем и территорию левобережья Арыси, археологами открыто несколько городищ, из них крупнейший Кок-Мардан, а в пойме левого берега Сырдарьи — Кауган-Ата и Бузук, которые являются ровесниками Отрара, а также развалины крупного торгово-ремесленного центра Мейрамтобе, остатки крепости Кумиян. На северо-востоке, где граница оазиса проходит по нижнему течению Бугуни, обнаружены три городища: Бузуктобе (или Актобе), Кшитобе и еще одно Актобе. Каждый холм, который образовался на месте древних поселений, сейчас имеет свое название: Алтынтобе, Джалпактобе, Куйруктобе, Мардан, Пчакчитобе... Когда-то их именовали иначе, однако поскольку местные предания связывают названия поселений с теми функциями, которые выполняли якобы древние города-спутники оазиса по отношению к Отрару, то мы имеем Алтынтобе как бывшее поселение ювелиров, Пчакчитобе — оружейников, Куйруктобе — мясников. Нам известно, что большинство городов и поселений, окружавших в древности Отрар, запустело еще в X—XII вв., поэтому не приходится удивляться отсутствию их исторически достоверных имен. И лишь название древней столицы до сих пор носит самое крупное городище оазиса — Отрар.

Вполне объяснимо его особое место среди средневековых городов Казахстана. Если Тараз, Испиджаб и Кулан, стоявшие на Великом Шелковом пути, во многом зависели от караванной дороги, а в жизни их немаловажную роль играли купеческие колонии (в основном согдийские), то Отрар всегда оставался для жителя степи своим городом: там, за стенами, находились его родные, друзья — его народ. Когда скрещи-

вались острые сабли и пели стрелы, когда жарким пламенем полыхали селения, а смрадный дым затмевал солнце, и у кочевника, и у горожанина появлялся общий враг. И вместе на башне отбивались от влезшего на бруствер с кинжалом в зубах непрошенного гостя и кузнец, потушивший огонь в своем горне, и пастух, оставивший свое стадо. На протяжении веков к Отрару прикасались и длинные кангюйские мечи, и кривые тюркские сабли... Отрар — это город, где родился великий мыслитель средневековья Абу Наср Аль-Фараби.

Что же нам известно об Отраре спустя многие века? Какие источники могут поведать о нем?

Прежде всего, у нас есть сведения древних авторов: историков, географов, путешественников, дипломатов, купцов и авантюристов — современников расцвета и упадка Отрара. Наиболее важные свидетельства о городе VIII—XII вв. находим в географической арабоязычной и персоязычной литературе, бурный взлет которой наблюдался в IX—XII вв. Достаточно назвать несколько наиболее ярких имен из плеяды великодушных ученых того времени.

Ибн Хордадбех⁷ долгое время служил при дворе багдадских халифов, занимая должность начальника почты и осведомительной службы (сахиб ал-барид ва-л-хабар) в провинции. Для облегчения работы своего ведомства он составил (в 80-е годы IX в.) один из первых в мире почтовых справочников, в котором описал маршруты торговых перевозок в различных частях халифата, указал важнейшие и второстепенные города и селения и расстояния между ними, свел воедино наиболее специфические сведения об отдельных областях и районах, назвав свой труд «Книгой путей и государств». Справочник был настолько полным для своего времени, что все последующие арабские географы в той или иной мере были вынуждены цитировать его, так как именно в нем находили нужные сведения о далекой северной ойкумене мусульманского мира, о городах на Сырдарье, среди которых назывался и Отрар.

Еще одно имя — Мухаммед ибн Ахмед ал-Макдиси⁸, величайший арабский географ, уроженец города Иерусалима. Он объездил многие мусульманские страны и почти обо всех оставил описания очевидца. Его сочинение «Золотые луга и россыпи самоцветов» (985—989 гг.), содержащее сведения о климате, торговле, монетах, мерах и весах, нравах, податях и повинностях каждой страны, принадлежит к важнейшим источникам по истории восточной культуры. Достоинство этого труда в том, что автор, кроме личных наблюдений, привел здесь критически осмысленные географические сведения своих предшественников⁹.

Есть факты об Отраре и в анонимном географическом трактате «Худуд ал-Алам» («Границы мира»), написанном на персидском языке около 982 г., а также в трудах ал-Истахри, ибн-Хаукаля, Махмуда Каш-

гарского, ал-Самани, Якута ал-Хамави, Ибн ал-Асира, Джувейни. Упоминает об Отраре и знаменитый среднеазиатский ученый ал-Бируни¹⁰, оставивший богатое научное наследие, из которого до наших дней, к сожалению, дошло около двадцати.

О событиях позднего средневековья (XV—XVII вв.) можно узнать из сочинений, написанных по-тюркски и по-персидски Масудом ибн Усманом Кухистани, Мухаммедом Салихом, Бенаи, Рузбиханом и другими историками и общественными деятелями того времени. Однако письменные известия об Отраре отрывочны, носят общий характер и в полной мере историю города не освещают. Что же касается позднесредневековых авторов, то они в основном повествуют о военных походах, генеалогии отдельных феодальных правителей и почти ничего не сообщают об экономической жизни Отрара и других городов Казахстана. Поэтому остается один основной источник, который может воссоздать нам историческую картину жизни Отрара, — археология.

...Огромные бугры развалин Отрара давно привлекали к себе внимание. Слухи о сокровищах древних царей, о горах золотых монет и драгоценностей, погребенных в земле, казались вполне правдоподобными: счастливицы время от времени находили здесь то обломок серебряного браслета, то удивительной формы сережку с потускневшим камнем, то рассыпавшуюся низку бирюзовых бус. Наиболее дерзкие пробовали отыскивать клад, врубаясь в толщу размытых и осыпавшихся крепостных стен. Но в большинстве случаев кетмени вместо кружков желтого металла выдавали черепки глиняной посуды, ржавые обломки железных изделий, кости животных и черепа людей, заставлявших правоверных мусульман в испуге шарахаться от этих мест. Особенным упорством прославился один из таких «старателей», некий ходжа, постоянно живший на развалинах городища вместе с группой грабителей, удача которому явно не сопутствовала.

Первые археологические раскопки на Отраре относятся к 1905 г., когда члены Туркестанского кружка любителей археологии¹¹ А. К. Кларе и А. А. Черкасов отправились сюда в экспедицию. Но что можно было найти в прорытых траншеях, кроме черепков посуды, осколков стекла, костей животных, глазурованных кирпичей и десятка медных монет при отсутствии у энтузиастов определенных навыков археологических изысканий? Раскопки на этом были прекращены. Спустя почти полвека, в пятидесятых годах, Южно-Казахстанской археологической экспедицией Академии наук Казахской ССР, возглавляемой ленинградским профессором А. Н. Бернштамом, а затем казахстанскими учеными Е. И. Агеевой, Г. И. Пацевичем, проведены разведочные работы: сняты топографические планы ряда памятников, заложены небольшие шурфы, собран подъемный материал. Исследования были положены в основу книги, написанной этими учеными в 1958 г., о городах Южного Казах-

¹⁰ Его полное имя — Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни (X — середина XI в.). В списке его трудов за десять лет до смерти насчитывалось 105 названий.

¹¹ Кружок был организован в Ташкенте в 1895 г.

⁷ Его полное имя Убейдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех (род. в 820 г.).

⁸ Или ал-Мукаддаси (947—1000 гг.).

⁹ См.: Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. I. С. 57.

стана, в которой, в частности, есть раздел, посвященный Отрару и памятникам оазиса.

Более широкие исследования здесь начались в 1969 г. Отрарской археологической экспедицией АН Казахской ССР под руководством К. А. Акишева при участии начальников отрядов К. М. Байпакова, Л. Б. Ерзаковича, М. С. Мерщичева. В первые же два года работы этой экспедиции был снят топографический план развалин со всеми видимыми подробностями. Так как появилась возможность использовать для археологических целей авиацию, то древний город был запечатлен и с высоты птичьего полета, и с двух километров. Проводилась плановая аэрофотосъемка (по вертикальной линии) и перспективная (с разными ракурсами). Теперь археологи получили набор фотографий, ставших предметом изучения, помогавших выявить детали городской планировки, неразличимые на земле. Раскопки, которые велись параллельно, преследовали узкие и конкретные цели: выяснить стратиграфию городских развалин, т. е. разрезать бугор городища до материка — до древней поверхности почвы, на которой построены самые первые жилища Отрара, в вертикальных срезах раскопа проследить по культурным напластованиям основные хронологические периоды жизни города.

В 1971 г. Отрарская археологическая экспедиция была переименована в Южно-Казахстанскую комплексную и с тех пор ведет планомерные раскопки города на большом массиве. Проводятся раскопки городищ оазиса и его периферии (памятников самых различных исторических эпох — каменного века, периодов бронзы, раннего железа и средневековья). Изучаются не только поселения и городища, но и древние кладбища (могильники), рудные разработки, петроглифы (на скальные рисунки), казахские зимовки и система древней ирригации.

...Историк в поисках истины всегда пристально вглядывается в фольклор, являющийся отражением народной памяти. Предания, легенды, сказки, песни сохранили такие символы, за которыми стоят реальные факты и события. Так, упоминаемая в легендах многих народов исцеляющая живая вода приоткрыла тайну народной медицины — врачевания талой водой, а, скажем, сказочный золотой петушок, предупреждающий сказочного царя о начале войны, оказался образом реальных костров на сторожевых курганах... Археологи, работающие на Отраре, всегда стараются разговаривать с местным населением оазиса, особенно со стариками, предполагая, что люди с исключительной прозорливостью в общих чертах восстанавливают некоторые события прошлого, удерживая в памяти дошедшие от прадедов предания; они по-своему осмысливают те или иные памятники, связывая их с историей своего села, реки, канала, порой в форме легенд, сказок. Мы тщательно изучали, анализировали народные предания, бытующие у местного населения оазиса, в частности, о подземных ходах, о древних памятниках Чольтобе, Дур и Костобе. Раскопки показали, что подземные ходы, о которых так любят говорить в этих краях, действительно существовали. Правда, в легендах их гиперболизировали, делали настолько длинными, что по ним якобы можно было из Отрара попасть в Туркес-

тан или Сайрам. На самом деле это были тоннели для потайного водопровода. Часть тоннеля, обнаруженная в Отраре, «сообщает» нам о том, что он начинался у древнего водохранилища и вел к центру города. И только. Тоннель, у стены которого были проложены два ряда керамических водопроводных труб, прослежен всего на двадцатиметровом участке. То есть к поиску отрарских подземных ходов археологи подтолкнули народные предания, важный и постоянный источник изучения исторического прошлого любого народа.

На сегодняшний день состояние изучения Отрарского оазиса дает удовлетворение. За двадцатилетие установлены хронологические пределы жизни Отрара с IV—VI по XVII—XVIII вв. Мы имеем представление о планировочном и архитектурном облике Отрара XVI—XVII вв., характере домостроений, культовых зданий и различных мастерских, интерьеров жилищ, культуре и образе жизни населения. Раскопки Отрара представили богатейший материал для работы этнографов, лингвистов, нумизматов, почвоведов, гидромелиораторов.

Сведения письменных источников, археологические материалы — все это послужило источниковедческой и фактологической основой для написания книги, рассказывающей об истории городской культуры одного из крупнейших средневековых регионов — Отрарского оазиса.

„Верстовые столбы, истории Отрарского оазиса

Сыны отражены в отцах:
Коротенький обрывок рода —
Два-три звена, — и уж ясны
Заветы темной старины...

А. Блок.

Там, за воротами народной памяти,
Кангюй...

Авеста, известный памятник истории мысли Востока¹, для рассказа об Отрарском оазисе интересна наиболее ранним упоминанием о *Канге* (в Авесте — *Кангхе*) — древнем городе и стране. Именно от *Канги* тянутся исторические нити преемственности к тому, что сейчас принято называть Отраром... Так, в Авесте говорится, что один из древних героев иранцев — «могучий вонитель Туса, восседающий на крупе коня», попросил богиню-покровительницу о помощи в победе над сыновьями Вайсака у «врат Хашатросука, выше всех расположенных в *Канга*, высокой и священной». В эпизоде, воспроизводящем момент межплеменных войн *туров*² и *иранцев*, относящихся примерно к II—I тыс. до н. э. *Канга* выступает в роли резиденции туранских вождей³.

В 138 г. до н. э. из столицы Танского Китая в неведомые страны Запада вышел посольский караван императора У Ди. Князь Чжан Цянь, поставленный во главе каравана, возвратившись из путешествия через 13 лет, составил докладную записку. Она содержала в себе сведения, из которых Китай узнал о неизвестных для него городских цивилизациях и кочевых государствах. Чжан Цянь поведал и о государстве *Кангюй*, в ставке правителя которого побывал лично. Столица находилась в 2 тыс. ли⁴ к северо-западу от ставки усуньского гуньмо⁵ на берегах Иссык-Куля. В науке твердо установлено расположение владений

¹ Авеста — древне-иранский религиозный памятник, в зороастризме — собрание священных книг (II—I вв. до н. э.)

² Турами (туранцами) называли жителей Турана, страны кочевников, расположенной к северу от Ирана. Границей между авестийскими иранцами и туранцами (саками) была Сырдарья.

³ См.: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964. С. 167—170.

⁴ 800—900 км.

⁵ Гуньмо — титул правителя усуней.

усуней — Семиречье, а значит, локализация государства Кангюй могла быть в среднем течении Сырдарьи.

Упоминания города *Канга* в Авесте и государства Кангюй в записке Чжан Цяня, относящиеся к одному времени и ориентирующие их местонахождение в сырдарьинской долине, позволяют отождествлять эти названия и считать *Кангу* столицей туранских вождей. А о том, что она находилась на средней Сырдарье, есть свидетельства не только в приведенном китайском источнике, но и в знаменитой «Шах-наме» великого Фирдоуси. Свод сказов и исторических повествований, обобщенных им в поэтической форме в IX в., дает нам представление о множестве военных сцен, относящихся к территориям Восточного Ирана и Средней Азии. Так, в сказании о Сиявуше Фирдоуси называет *Кангу* в качестве столицы царя Афрасиаба⁶, расположенной, согласно повествованию, по ту сторону реки Гульзариюна⁷ за Шашем и Испиджабом⁸, и сообщает, что после заключения мира с Сиявушем Афрасиаб удаляется в *Кангу*:

Бухару и Согд, Самарканд и Шаш,
Испиджаб и ту страну, Трон слоновой кости,
Освободил он и отправился с войском в Кангу.

Из приведенного отрывка можно заключить, что *Канга* по поэме Фирдоуси локализовалась к северу от Испиджаба⁹ на средней Сырдарье.

Казалось бы, вымышленные географические названия, пристально сопоставляемые при глубоком изучении, однако, указывают на реально существовавшие населенные пункты, реки, горы... Исследователи географии полагают, что если даже то или иное название, встречающееся в поэме «Шах-наме», пока и не может быть приурочено к какому-то конкретному месту, то это в большинстве случаев обусловлено или искажениями переписчиков или недостаточностью проделанной в этом направлении работы.

Следуя китайским источникам, можно полагать, что Кангюй был большим государством. Его власть простиралась до северных берегов Каспия. Населяли его кочевые племена. Но государство имело и города, окруженные глинобитными стенами. И когда возникает вопрос, какой же из них был столицей и где ее следует искать, на помощь приходят древнетюркские рунические надписи в честь Бильге-кагана и Куль-Тегина¹⁰. В этих памятниках в качестве западной границы Тюркского каганата в период его наивысшего могущества, достигнутого во время победоносных войн первых пятнадцати лет VIII в., названа местность *Кангу Тарбан*, рассматриваемая как самостоятельное территориальное

⁶ Афрасиаб — легендарный царь туров. Его именем названо городище древнего Самарканда (Мараканды).

⁷ Древнее название Сырдарьи.

⁸ Шаш и Испиджаб — название крупных средневековых областей и городов.

⁹ Район нынешнего Чимкента.

¹⁰ Бильге-Каган — «великий каган» восточных тюрков (716—734 гг.); Куль-Тегин, его брат, полководец.

и политическое образование, расположенное в среднем течении Сыр-дарьи.

Однако в то же время из арабоязычных источников известно, что Тарбан был столицей государства Шаш. У историка ал-Белазури так описывается эпизод завоевания арабами в 712 г. Самарканда: «И окружил Кутейба людей Самарканда, и несколько раз встречались они и сражались. И написал царь Согда царю Шаша, а тот жил в Тарбанде»¹¹. В отрывке *Тарбан* назван *Тарбандом*, но в других арабских источниках встречается написание того же города как *Турарбанд*. Это натолкнуло исследователей на мысль, что Тарбан, столица Шаша, был тем городом, который в те же годы называли Отраром. Приведем, например, слова арабского географа XIII в. Якута, взятые из его знаменитого географического словаря: «Турарбанд... город за Сейхуном»¹², из самых отдаленных городов Шаша, примыкающих к Мавераннахру»¹³. Народ этой страны по-разному произносит это имя, и они говорят *Турар* и *Отрар*»¹⁴.

По-видимому, если столицей *Кангу* Тарбана в VIII в. считать *Тарбан* (*Отрар*), то вполне вероятно, что в более раннее время, в период существования государства *Кангу* (*Кангюя*), резиденция его владельца также находилась в этом городе...

Политическая история Кангюя почти неизвестна. Немногочисленные сведения сообщают о его борьбе с гуннами, усунями. Известно также, что в середине V в. на месте могущественного государственного объединения существовали мелкие владения.

Сложным, также входящим в круг «кангюйской проблемы», остается в науке этнический характер населения Кангюя. До сих пор нет единого мнения о его языке. По А. Н. Бернштаму, кангюйцы были тюркоязычным народом, по сведениям других авторов — принадлежали к кругу северо-иранских скотоводческих племен, которые лишь в середине первого тысячелетия под влиянием переселения на Сырдарью тюркских племен стали менять свой этнический облик и язык. Один из крупных советских исследователей Б. А. Литвинский относит кангюйцев к потомкам ираноязычных саков, ибо *Кангюй*, по его мнению, можно истолковать как название одного из сакских племен, переводимого как «люди в кожаных одеждах (доспехах)».

Очень важный материал об этносе Кангюя дали археологические исследования последних лет, позволяющие представить внешний облик кангюйцев. Исследователи теперь имеют и рисунки тех времен, дошедшие до нас в виде гравированных изображений на костяных пластинках, некогда нашивавшихся на кожаную основу. Обнаруженные при раскопках кочевнических курганов рубежа первых веков вблизи городища Курган-тепе в Самаркандской области, они проливают свет не только на физический тип людей, но и на одежду и военное снаряжение.

Наиболее выразительны, на наш взгляд, два подобных рисунка,

¹¹ Цит. по: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. С. 157.

¹² Сейхун — тоже название Сырдарьи.

¹³ Мавераннахр — буквально «то, что рекой» — так называлась территория Средней Азии и Казахстана восточнее Амударьи.

¹⁴ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. С. 158.

приводимые здесь: они как нельзя лучше передают характер батальной и охоты того времени.

Как видим, изображения на пластинках, по мнению ученых, сделанных по заказу племенной знати городскими мастерами, говорят нам и о внешних атрибутах воинов, и позволяют почувствовать атмосферу напряженности сражения.

Сражение воинов кангюйцев: рисунок на костяной пластинке первых веков (Кургантепе)

Все участники — и конные, и пешие витязи — принадлежат к единому этническому типу: вытянутая заостренная к макушке голова с невысоким лбом; волосы зачесаны наверх, у висков убраны назад за уши; глаза ромбовидные; нос крупный с небольшой горбинкой; энергичный подбородок; свисающие до подбородка усы и когтевидная борода. Воинские защитные доспехи из нашитых на кафтан пластинчатых, полуовальных либо чешуйчатых пластин, округлые шлемы, бронированные воротники, облегающие штаны, натянутые стрипками под ступнями — все это свидетельства мощи и силы воинов. Оружие типично для древнего исторического периода: длинные копья с ланцетовидными наконечниками; длинные двулезвийные мечи, ножны которых крепятся к поясу двумя ремешками; сложносоставной лук, стрелы с трехгранными наконечниками; длинный трехчастный колчан (приточанный к седлу коня)

с широким отделением для лука и двумя узкими — для стрел, овальный щит, обитый пластинами; у одного из воинов — боевой топорик-клевец. Бронированные всадники сидят на незащищенных доспехах конях, гривы которых подстрижены, а челка, оставленная между ушами, собрана в пучок...

Охота лучников кангюйцев: рисунок на костяной пластинке первых веков (Кургантепе)

Начиная с середины первого тысячелетия, стала меняться этнополитическая ситуация в районе средней и нижней Сырдарьи из-за вторжения тюркоязычных племен, когда формировалось феодальное объединение Кангу Тарбан (в период раннего средневековья).

Осенью 712 г. жители Самарканда подняли восстание против захвативших город арабов, но, оценив свои силы как слабые, согдийцы попросили помощи у тюрков, которые не замедлили прислать свои отряды. Древнетюркские рунические надписи, описавшие ход военной кампании, сообщили о тяжелом поражении тюркской армии, когда неожиданно в тылу у них восстали *тюргеши*¹⁵ и пошли войной на *кенгересов* — союзников тюрков.

Кто же такие *кенгересы*?

За разъяснением обратимся к сочинению византийского императора

¹⁵ *Тюргеши* — одно из тюркских племен. В первой половине VIII в. существовал Тюркешский каганат.

Константина Багрянородного «Об управлении империи», написанному в первой половине X в. В этом политическом трактате обобщен военно-дипломатический опыт отношений константинопольского двора с соседями. В нем наряду с славянами, болгарами, сербами, франками, арабами и русами описываются *печенеги*. Константин Багрянородный назвал древнее имя печенегов, которое они носили до переселения в южнорусские степи, — *кангар*. Он писал: «печенеги также называются *кангар*, но не все, а народ трех округов: Иабдирти, Куарциур и Хабуксингила, как храбрейшие и благороднейшие из других, ибо это означает прозвание *кангар*»¹⁶.

Ученые сопоставили имя загадочного народа *кенгерес* с *кангар* и пришли к выводу, что древнетюркские надписи и византийский трактат описывают один и тот же народ, но в разные периоды его истории. Если же учесть, что *Канг* — одно из древнейших названий Сырдарьи, то, по-видимому, родину *кангаров* (*кенгересов*) надо искать именно на реке, причем в среднем ее течении. Ведь здесь же, как уже сказано, локализовалось и древнее государство *Канга Тарбан*.

В последующие века *кангар* (*кенгерес*) переформировалось в этноним *канглы*, возникновение которого связано с завоеванием кимакско-кыпчакскими племенами земель по Сырдарье и в Приаралье. События эти имели место в X—XI вв. «Канглы у кыпчаков, — сообщает Махмуд Кашгарский, — наименование знатного человека». Как полагают ученые, принятие названия *канглы* верхушкой кыпчакских племен выражало стремление кочевой аристократии связать себя с древней генеалогической традицией завоеванных земель и объявить преемниками могущественного древнего государства Кангюй.

И, наконец, *канглы*, как известно, выступает самоназванием одного из крупных *казахских родов*. Этот факт, безусловно, должен повлиять на результаты изучения этногенеза казахского народа.

Видимо, от древних кангюев к современным казахам идут этногенетические нити. Но это еще предстоит науке исследовать и доказать. А пока мы опираемся на имеющиеся источники, согласно которым древний Кангюй предшествовал Отрару.

Фараб ... Отрар?

Как мы уже сказали, арабские источники, приводящие разные имена Отрара — *Тарбан* (*Тарбанд*), *Турарбанд* (*Турар*), отсылают нас к VIII в. Примерно на то же время приходится первое упоминание и о Фарабе, еще одном названии Отрара. Оно обнаружено в многотомном труде арабского историка ат-Тараби «История пророков и царей» в связи с рассказом о высылке в Фараб Хариса ибн Сурейджа, известного арабского военачальника, который перешел на сторону среднеазиатских владетелей и выступил против центрального правительства огромной мировой державы — Халифата.

Это могущественное государство простиралось на обширных терри-

¹⁶ Цит. по: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. С. 164.

ториях в Азии, Африке и Европе, и его возникновение было связано с распространением ислама в VII—IX вв. В 644 г. арабы завоевали Хорасан¹⁷, превратив его в удобный плацдарм для последующих походов в Среднюю Азию и южные районы Казахстана. Вначале военные действия арабов в северо-восточном направлении носили характер военных набегов. Так, в 673—674 гг. войско под командованием Убейдаллаха ибн Зийяда форсировало Амударью и подошло к стенам Бухары. В ожесточенных сражениях арабов с объединенными силами тюрков и бухарцев удача сопутствовала арабам. Получив богатый выкуп, они возвратились в Хорасан, увозя много золота и серебра в монетах и изделиях; искусно сделанное оружие и высокосортные шелковые ткани, увозя в рабство четыре тысячи жителей. В 676 г. Бухара была снова осаждена, а ее жители опять заплатили огромный выкуп. Затем набеги превратились в длительные непрекращающиеся осады, и к началу VIII в., когда к руководству армией пришел Кутейба ибн Муслим, завоевание Средней Азии арабами завершилось. Кутейба ибн Муслим, коварный и жестокий человек, но талантливый полководец и дипломат, успешно пользовался раздорами среди среднеазиатских феодалов.

И вот в разгар этих кровавых событий, озаренных пламенем пожара, упомянутый Харис ибн Сурейджа проявил себя как один из руководителей антиарабской коалиции. Начал он удачно: с помощью отрядов тюркского хакана¹⁸ разбил армию противника, но новые раздоры внутри феодального государства привели к убийству хакана его двоюродным братом Курсулем и ослаблению сопротивления тюрков. Арабы вновь и окончательно победили, вот тогда-то мятежный Харис ибн Сурейдж был отправлен в Фараб...

У того же историка ат-Табари, поведавшего нам про эпизод 739 г., наряду с Фарабом появляется еще одно имя Отрара — *Отрарбанд*. Во фрагменте, повествующем о том, как в начале IX в. наместник Хорасана ал-Мамун перед началом войны с халифом ал-Амином жаловался своему везиру ал-Фазлу ибн Сахлю на общую неблагоприятную обстановку в тылу, мы читаем: «Приходится бороться против ал-Амина после разорения Хорасана и мятежа, после отказа джабгу повиноваться, уверток хакана, когда царь *Отрарбенда* (курсив наш. — Авт.) отказался платить подать, которую он обычно платил»¹⁹.

Интересно, что сохранилось хронологическое продолжение повествования ат-Табари уже в «Хронике города Мекки» Абу-л-Валида Мухаммеда ал-Азраки, являющейся пояснительными надписями к трофеям ал-Мамуна, короне и трону, составленными родным братом везира — Хасаном ал-Фадлем. Достаточно выразительно у него описание военных талантов и удач своего родственника: «И он постарался овладеть областью *Отрар* (курсив наш. — Авт.), он убил начальника пограничной местности и взял в плен сыновей карлукского джабгу с его женами»²⁰.

¹⁷ Хорасан — Южная Туркмения и Северный Иран.

¹⁸ Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 248—250.

¹⁹ Там же. С. 260.

²⁰ Михайлова А. И. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. // Эпиграфика Востока. М.; Л., 1951. Т. 5. С. 11—12.

В других источниках *Отрар* и *Фараб* употребляются в значении и областей, и городов: например, у ал-Истахри — *округ Фараб*, расположенный в низовьях Арыси, у ибн Хордадбега — *город Фараб*, в сочинении «Худуд-ал-Алем» — опять *округ Фараб*, у Якута — вновь *город Фараб*, а начиная с XIII в. в исторических сведениях фигурирует *город Отрар*...²¹

Исследователи средневековой истории Казахстана объясняют чехарду названий следующим образом. В VIII в. на Сырдарье, в ее среднем течении, были известны две независимые области — Фараб и Отрар. Первая располагалась на левом берегу реки, вторая — на правом. Вскоре области объединились в одну, но названий осталось два, которые считались равнозначными. Главный город так же, как и область, носил два имени и был известен на Востоке и как Фараб, и как Отрар²².

В X в. в Отрарском оазисе, однако, появляется новый столичный город Кедер, о котором ал-Истахри сообщает следующее: «Ниже Кенджида»²³ находится округ Фараб, занимающий пространство по обеим сторонам Сырдарьи, меньше чем за один день пути в длину и ширину. Главный город Кедер находится на расстоянии половины фарсаха от реки»²⁴. Ал-Макдиси добавляет: «Кедер был новым городом; устройство в нем минбара»²⁵ вызвало междоусобные войны»²⁶. В «Худуд-ал-Алеме» жители Кедера названы «воинственными и храбрыми».

И вдруг этот город неожиданно исчезает со страниц летописей: в XI в. его не упоминает ни один средневековый автор...

Какой же вихрь событий вырвал его из мрака веков?

Десятый век на Сырдарье был достаточно бурным. В конце IX в. печенеги (кангары) были разгромлены огузами²⁷. Часть разбитых печенегов вошла в состав огузов, другие вынуждены были уйти на запад. В конце IX — начале X вв. происходило сложение державы сырдарьинских огузов. Столицей они сделали город Янгикент, расположенный в низовьях Сырдарьи. Это был важный торговый и ремесленный центр на пересечении сухопутных и речных караванных путей. Отсюда шел знаменитый торговый путь в глубь казахстанских степей — в долины Сарысу, Кенгира, Ишима и Нуры.

Держава огузов играла важную роль в политической и военной истории Средней Азии и Европы. Огузы нападали на Среднюю Азию, соперничали с Хорезмом и могущественной Хазарией. Исторические известия сохранили факт: в 965 г. между огузскими ябгу²⁸ и киевским

²¹ Насиш В. Н. К периодизации монетной чеканки Отрара и ее роли в денежном хозяйстве города и области // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980. С. 164—169.

²² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. С. 28—29.

²³ Кенджида — округ, расположенный на Арыси.

²⁴ Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939. Т. 1. С. 183—184.

²⁵ Минбар — соборная мечеть.

²⁶ Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. С. 270.

²⁷ Огузами именовались тюркоязычные племена, жившие в Прикаспии, низовьях Сырдарьи и Приаралье.

²⁸ Ябгу — царь.

князем Святославом был заключен военный договор против хазар. Те и другие преследовали вполне конкретные политические цели и экономическую выгоду: древнерусское государство было заинтересовано в разгроме союзника своего могущественного соперника Византии и в доступе к богатым рынкам стран Востока, торговые пути к которым контролировали хазары; огузы стремились пробиться в Причерноморские степи и захватить торговые пути через Поволжье на Мангышлак и Устюрт. Разгром Хазарии Святославом в 965 г. был значительно облегчен борьбой Хазарии с огузами. Все это способствовало росту политического могущества Огузской державы.

Границы государства были широко раздвинуты. На юге огузы заняли среднее течение Сырдарьи, долину Арыси и предгорья Каратау. Часть огузов жила в Чаче и Испиджабе. Огузам подчинялись города Сауран, Сюткент, Субаникет, а также Фараб. У огузов, кроме ябгу, было несколько царей (князей), которые имели резиденции в городах, где хранили казну, продовольствие. Видимо, одной из таких резиденций надо считать новую столицу Отрарского оазиса в X в. Кедер, город огузов, построенный или расширенный в противовес Фарабу (Отрару), столице старых царей.

На грани X и XI в. непрочное рыхлое государственное объединение огузов переживало острый кризис. Феодалные смуты, борьба за власть, острый конфликт правящей верхушки с простыми массами кочевого и оседлого населения, вызванный развитием патриархально-феодалных отношений, усиление классовых антагонистических противоречий — все это привело к упадку государства. А в середине XI в. в степи Казахстана ворвались племена кыпчаков, под их ударами держава сырдарьинских ябгу окончательно пала.

По-видимому, в это же время погиб и город Кедер, о котором летописцы вдруг замолчали...

Изучение названия *Кедер* позволило С. П. Толстову, известному археологу, исследователю древнего Хорезма, анализируя сходный урбоним²⁹ *Кердер*, принадлежащий городу в низовьях Амударьи, прийти к выводу, что *керд* (*керт*) представляет собой одну из древнейших основ для обозначения города. В таком случае, отмечал он, *Кердер* означает «страну городов».

Вполне возможно и другое толкование.

Ибн Фадлан, путешественник X в., писал, что наместники огузского ябгу (а их было несколько) именовались *кудеркан*. В таком случае Кудер (Кедер), возможно, и был резиденцией такого наместника. Последнее толкование, как нам кажется, оправдано и с исторической позиции, поскольку Кедер выступает в качестве главного города *округа Фараб* в период сложения на Сырдарье державы огузов и исчезает вместе с гибелью этого государства.

²⁹ Урбоним — название города.

Кыпчаки и Отрар: есть ли связь?

Есть ...

Итак, Отрарский оазис, входивший в состав могущественного государства огузов, в XI в. был завоеван кыпчаками. О пребывании этих племен в Отраре свидетельствуют изделия из керамики, найденные здесь, идентичность которых образцам традиционно кыпчакских центров — Сыгнак, Дженд — подтверждена наукой. Своеобразие кыпчакской керамики заключено в окраске: полива красного, желтого и зеленого цвета и роспись желтым, зеленым, коричневым и белым. Интересно, что такая же посуда встречена в городах Золотой Орды на Волге, там, где наряду с монголами жили и пришедшие с ними кыпчаки...

В арабоязычной литературе упоминание о кыпчаках встречается впервые в IX в. как о народе, отделившемся от кимакского племенного объединения, центр которого находился на Иртыше, и занявшем территории к западу³⁰. Кыпчаки некоторое время сохраняли политическую зависимость от *кимаков*: судя по источникам, царь кыпчаков назначался или утверждался *кимаками*. Но с начала XI в. их статус изменился: вытеснив огузов из долины Сырдарьи, они надолго подчинили себе огромные степные просторы нынешнего Казахстана и дали им свое имя — Дашт-и Кыпчак (Кыпчакская степь).

Существующие в литературе сведения о *кимаках* позволяют судить о том, каким был образ жизни кыпчаков в начальный период, т. е. до того, как о них упоминается впервые в связи с покорением огузов.

О *кимаках* говорится в средневековых сочинениях, написанных Ибн Хордадбехом, Кудамой, Ал-Истахри, Ибн Хаукалем. Однако основной источник, повествующий об этом народе — труд знаменитого арабского географа XII в. Абу Абдаллаха Мухаммеда ибн Мухаммеда Ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи-ихтирак ал-афак», что означает «Развлечение истомленного в странствии по областям». Ученый, человек удивительной судьбы, создал произведение по заказу сицилийского короля Роджера II. В основу описаний страны *кимаков* ал-Идриси положил сочинения Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки, *кимака* по происхождению, написанные в X — начале XI в. Из них мы выносим яркое представление о *кимаках* как скотоводах, «которые переходят с места на место следуя пастбищам», о том, что главенствующую роль в кочевом быте играла лошадь. Повествование столь выразительно описывает приверженность *кимаков* этому животному, что вполне оправдывает бытовавшее во многих литературных источниках выражение: «тюрк сидел на спине лошади больше, чем на поверхности земли». *Кимаки* имели тысячные табуны лошадей, выпасавшихся в пойме Иртыша. Лошадь почиталась не только как верховое животное, но и как кормилица: кочевники получали конину и кумыс. Конские шкуры служили сырьем для пошива одежды и обуви. *Кимаки* были и овцеводами, отдавая предпочтение курдючным овцам: от них кроме мяса получали жир, сало для освеще-

³⁰ Впервые этноним *кыпчак* встречен в тексте древнетюркской надписи VIII в.

ния, шерсть и овчину, из которой изготовляли теплую одежду. Занимались также охотой, рыболовством.

Однако неверно было бы считать всех кимаков кочевниками — часть их была оседлой, занималась земледелием и жила в городах, которые, по свидетельству письменных источников, располагались по берегам озер и рек, в неприступных горных районах пограничных областей. Крупнейшим из них являлась столица хакана, военно-административный, ремесленный и торговый центр племенного союза. Город был хорошо укреплен стеной с железными воротами, внутри располагались жилые кварталы, базары и храмы. Рядовое же сельское население обитало в землянках.

Кимаки-земледельцы производили пшеницу, ячмень, просо, горох, бобы и даже виноград³¹.

Из районов Прииртышья, которые кимакский союз племен занимал в VIII в., кимаки постепенно расселились на обширных территориях Казахстана, и к началу — середине XI в. им подчинялась обширная территория от Прииртышья до Южного Урала, Приаральских и Прикаспийских степей, от Центрального Казахстана до Джунгарского Алатау.

Кыпчаки, которые вытеснили огузов из долины Сырдарьи, вскоре продвинулись далеко на запад и под именем *половцев* стали соседями Киевской Руси и Византии. Если «западным» кыпчакам (половцам) повезло с исследователями их истории, то кыпчакам Казахстана — нет: многое в их судьбах до сих пор не ясно. Археологи пока раскопали всего несколько кыпчакских погребений, но этого мало, чтобы получить достаточно полное представление о народе.

Что же все-таки известно о кыпчаках из литературных источников?

По мнению ученых, в конце XI — начале XII в. была создана кыпчакская конфедерация племен с центрами в Сыгнаке и Дженде, носящая по источникам названия: Сыгнакское и Джендское владения. Последние в противовес государствам Средней Азии средневековыми авторами именуются «владениями неверных», т. е. не принявших ислама.

Взаимоотношения кыпчаков с Хорезмом, который в XI—XIII вв. становится одним из наиболее могущественных государств Средней Азии, строились на военных столкновениях, которые, однако, закончились заключением мира и превращением кыпчакских ханов в вассалов хорезмшахов. Вскоре же кыпчакская знать выделилась в наиболее сильную группировку при дворе хорезмшахов, сосредоточив в своих руках многие из ключевых военных постов. Более того, дочь одного из кыпчакских владетелей Туркан-хатун стала матерью последнего хорезмшаха — Мухаммеда...

Кыпчакские курганы, раскопанные в Центральном Казахстане и около Джамбула, дают представление о характерном погребальном обряде. Инвентарь захоронения в них настолько идентичен, что позволя-

ет на основании недостающих фрагментов в отдельных раскопанных погребениях восстановить общую картину.

Вот как выглядел кыпчакский витязь.

Одежда состояла из овчинных штанов³², заправленных в кожаные сапоги, расшитые узором из цветных ниток. Сверху надевался халат из шелковой ткани ярких золотистых или красноватых тонов, с широким кожаным поясом, с железной пряжкой, украшенный железными бляхами и привесками. На поясе висели железная сабля, кинжал (нож). Слева на боку витязь носил прикрепленный к поясу большой берестяной колчан, обтянутый кожей и украшенный инкрустацией из разноцветных кусочков бересты. Бортик и швы колчана украшал кант в виде цветного шнура. Колчан был заполнен стрелами длиной 0,7—0,8 м с наконечниками разных типов: ромбовидными, треугольными, конусовидными, плосколопастными. К ремню прикреплялась сумочка, на пряжке которой типичный кыпчакский орнамент — завитки бараньих рогов.

По остаткам конской сбруи, положенной в могилу, можно представить, как выглядел взызданный кыпчакский конь. Седло, сделанное из деревянных частей, скрепленных железными скобами, сверху было обтянуто кожей. Железные стремяна — с широкой нижней частью, плоской прорезной подножкой и с петлей наверху для ремня.

Обряд погребения предполагал вместе с покойником в могилу класть куски ритуальной пищи — части туши барана или лошади (обычно лакомая лопатка), крестец, ребра. Характерная деталь кыпчакских погребений — серги в виде вопросительного знака. Это особый признак, таких серег другие племена не имели. Типично присутствие в кыпчакских захоронениях монет — ими снабжались покойники. Этот обряд восходит к далеким античным временам. Как не вспомнить путешествие в мрачное царство Аида, куда души умерших попадали, переправившись через реку Стикс на лодке Харона, которому за перевоз надо было платить... Благодаря монетам сделана точная датировка описанных захоронений — XIII—XIV вв.

Раскопки кыпчакских курганов — яркое свидетельство того, что ислам еще не распространился в это время в казахстанских степях, по-прежнему похоронный обряд совершался на основе древних языческих культов.

Думается, существующие сведения о кимаках позволяют нам представить тех кыпчаков, которые поселились на территории средней Сырдарьи. Ведь выделяясь из племенного союза, кыпчаки, естественно, сохраняли в себе социальные и этнические черты кимаков — и скотоводов, и земледельцев. Образцы же керамики кыпчаков, найденные, кроме Отрара, в Сауране, Баба-Ате, Караспане, Кумкенте и других городах, — свидетельство той материальной культуры, которая, скорее всего, была связана с городским ремеслом. И хотя дальнейшая судьба кыпчаков, живших в казахстанских степях и на Сырдарье, во многом не ясна, однако бесспорна важная роль этих племен в этногенезе казахов.

³¹ См.: Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

³² В одном из курганов сохранились остатки меховых овчинных штанов.

**„Вот—срок настал.
Крылами бьет беда . . . „**

Когда в 1206 г. на Востоке всходила звезда Чингисхана — он, Темучин, верховный каган новой феодальной державы, был поднят на белой кошке перед своим народом,— жители Отрара еще не знали, что в 1220 г. их город падет под ударами могучей монгольской армии... Еще 14 лет шумные толпы народа наполняли город, бурлили торгом базары. Еще 14 лет процветали здесь ремесла, науки... Как, впрочем, и в других городах той огромной территории, которая сейчас зовется Средней Азией и Казахстаном... Бухара и Тараз, Испиджаб и Самарканд, Ургенч и Сауран, Мерв и Сыгнак, Шаш и Талгар, Баласагун и Каялык — вот те города, экономика и культура которых ко второй половине XII — началу XIII в. достигли наивысшего расцвета.

Чингисхан оказался незаурядной личностью — блестящий военный организатор, ловкий дипломат, он сумел сломить сопротивление одних, переманить на свою сторону других, уничтожить третьих соперников и сплотить необузданные кочевые орды в Монгольское государство. Но это было потом... Ко времени его прихода к власти в конце XII в. на обширной территории от Великой Китайской стены до прозрачных вод священного Байкала началось объединение кочевых скотоводческих племен — татар, найманов, керентов, меркитов, джалаириров, мангитов — в единое государство. Чингисхану суждено было огнем и мечом продолжить сколачивание державы.

Все монгольские племена считались улусом Чингисхана, а территория кочевий — его юртом. Подвластное население подчинялось сыновьям и братьям властелина. Самой крупной административной единицей было владение, которое выставляло тумен³³ воинов. Каждый арат³⁴ по первому зову своего военачальника должен был явиться к месту сбора верхом в полном вооружении. Армия состояла из десятков, сотен и тысяч, которые объединялись в тумены, держалась на железной дисциплине, на принципе круговой поруки: за провинность одного воина наказывался весь десяток, за десяток отвечала сотня, за сотню — тысяча. Во главе войска стояли представители кочевой аристократии — нойоны, богатуры, мергены. Сам властелин имел кешик³⁵ из десяти тысяч отборных воинов-ветеранов.

Вот с такой прекрасно обученной военному ремеслу армией Чингисхан начал свои долгие завоевания. Он подчинил Китай, захватив, кроме всевозможных сокровищ, первоклассную военную технику: катапульты, осадные и стенобитные машины. Грохот монгольской конницы услыхала Корея...

Вскоре Чингисхан обратил свои взоры на Запад, где, как ему было хорошо известно, находились многолюдные богатые государства. Внача-

³³ Тумен — 10 000 всадников.

³⁴ Арат — скотовод.

³⁵ Кешик — личная гвардия.

ле он завоевал Семиречье, подчинив себе державу карлукских джабгу и разгромив ханство найманов во главе с Кучлукком, затем отправил отряды конницы к границам державы хорезмшахов.

Хорезм в это время достиг своего расцвета и могущества: ему подчинялась вся Средняя Азия. Хорезмшах Ала ад-дин Мухаммед совершил удачные походы в Иран и степи Дешт-и Кыпчака. Перед ним склонили головы владыки феодальных государств от Самарканда до Багдада. Мухаммед искренне уверовал в свое великое предназначение и считал себя вторым Александром Македонским. В его дворце в Ургенче была введена торжественная церемония «науба зу-л-Карнайн» — церемония Александра, в которой помимо музыкантов участвовало 27 сыновей покоренных хорезмшахом владык.

За внешним великолепием и процветанием, однако, не было единства. В окружении Мухаммеда сложились враждующие группировки, стремившиеся любыми путями проводить свою политическую линию. Хорезмшах опасался своей матери Туркан-хатун — той самой дочери одного из кыпчакских владетелей, которая вышла замуж за отца хорезмшаха. Ее поддерживали кыпчакские военачальники. Духовенство не могло простить Мухаммеду его распри с багдадским халифом и вмешательства в церковные дела. Безжалостная эксплуатация, налоги и поборы оттолкнули от центрального правительства купечество, крестьянство и горожан. Тем не менее убаюканный придворной лестью Мухаммед вряд ли опасался «диких наездников из Монголии». И когда в 1218 г. снаряженное Чингисханом торговое посольство по пути в Ургенч остановилось в Отраре, хорезмшах издал роковой приказ — уничтожить монгольский караван.

Современники этих событий сообщают, что Чингисхан отправил партию купцов и тюрок с большим запасом серебра, бобров и других вещей в города Мавераннахра, Самарканд и Бухару, поручив им купить для него материал на одежду. Согласно источнику, наместник одного из тюркских городов, называвшегося Отраром и являвшегося крайним владением хорезмшаха, послал к нему уведомление о прибытии отряда. Хорезмшах повелел наместнику убить прибывших, отобрать имущество и прислать его к нему. Наместник выполнил волю своего повелителя³⁶.

Кыпчакский полководец Инальчик Кайр-хан был именно тем наместником Отрара. Он приходился родственником матери Мухаммеда. Известно его языческое, тюркское имя — Яган-тугди, что означает «Слон явился». Кайр-хан, человек решительный, храбрый, действовал в интересах государства, справедливо считая, что в караване тайных и явных шпионов было больше, чем купцов. К тому же в числе «купцов» были и такие, которые запугивали жителей города «грядущим бедствием», превознося непобедимость многочисленной монгольской армии. Из всего каравана удалось спастись только одному из погонщиков, он-то и принес Чингисхану страшную весть. Оскорбленный властелин потребовал

³⁶ См.: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Спб., 1884. Т. 1. С. 5.

наказания виновных и выдачи Кайр-хана, однако Мухаммед приказал казнить монгольского посла, а сопровождавшим его мусульманским купцам отрезать бороды. На языке тогдашней дипломатии это соответствовало объявлению войны. Так и случилось — уже осенью 1219 г. монгольские кони пили воду из Сырдарьи.

Еще до появления монголов под стенами Отрара состоялся военный совет в Ургенче, где один из военачальников предлагал дать генеральное сражение монгольской армии. Но Мухаммед избрал другой вариант, он рассредоточил войска по гарнизонам городов, предоставив полководцам биться поодиночке.

Вот как описывается в источниках оборона Отрара:

«Прежде всего они (монголы. — Авт.) пришли к городу Отрару. Они разбили свои палатки вокруг города. Султан дал Кайр-хану 50 тысяч человек из его пограничных войск и послал Карача Хаджиба к нему на помощь еще с 10 тысячами. Цитадель, внешние укрепления и городская стена были хорошо укреплены и было собрано большое количество оружия для войска, Кайр-хан с его отрядом сделал все приготовления к битве внутри города, расположил пехоту и кавалерию на воротах, а сам поднялся на стену; когда он посмотрел вперед, он прикусил кончик пальца от удивления перед открывшимся внезапно видом: насколько он мог охватить взглядом равнину, вся она стала бурлящим морем бесчисленных толп и великолепных войск, тогда как воздух был полон криков и шума (создаваемого) ржанием закованных в броню лошадей и ревом покрытых кольчугами мулов.

Армия расположилась несколькими кругами вокруг крепости. И когда войска собрались, Чингисхан отправил каждого из полководцев в определенном направлении. Его старшего сына (Джучи) он послал в Дженд и Барчылыг-кент с несколькими туменами храбрых и деятельных воинов; некоторое число своих военачальников послал в Ходжент и Бенакет. Он сам направился в Бухару, оставив Угедэя и Чагатая во главе войска, которому была поручена осада Отрара.

Так как конные войска должны были быть использованы в других направлениях, гарнизон мог выдержать продолжительную борьбу и сопротивляться в течение пяти месяцев. Наконец, когда положение населения Отрара стало безвыходным, Карача спросил Кайр (хана) о (возможности) покориться и сдать город монголам. Но Кайр знал, что он был причиной этих трудностей и не мог ожидать, что монголы пощадят его жизнь и он не знал никакой лазейки, через которую он мог бы спастись. Поэтому он продолжал борьбу изо всех сил.

Карача с большей частью своей армии отправился через ворота Суфи-хана. Татарское войско вошло ночью через эти же самые ворота и взяло Карача в плен... Все виновные и невинные (жители) Отрара, как покрытые чадрой, так и кулаком или тюрбаном³⁷ были изгнаны из города как стадо баранов, а монголы разграбили все вещи и имущество (их), какое только они могли найти.

Что касается Кайра, то он вместе с 20 тысячами храбрых мужчин

³⁷ Мужчины и женщины.

и подобных львам воинов нашел убежище в цитадели... И каждый из них до последнего вздоха продолжал сражаться; и по этой причине многие из монгольского войска были убиты. И так борьба продолжалась еще весь месяц — до тех пор, пока остался в живых только Кайр и еще два других, и он все продолжал сражаться и не поворачивал назад, чтобы спастись бегством. Монгольские войска вошли в цитадель и загнали его под крышу, но он с двумя своими товарищами все еще не сдавался. И так как воинам было приказано взять его в плен и не убивать в бою, то, повинаясь этому приказу, они не могли убить его. Между тем его товарищи приняли мученическую смерть, а у него самого не осталось оружия. Тогда девушки стали передавать ему кирпичи из стен дворца... И после того, как он прибег ко многим хитростям и произвел много нападений и уложил многих воинов (из монгольского войска. — Авт.), он все-таки попал в ловушку захвата, был связан и закован в тяжелые цепи. Цитадель и стены были сравнены с землей (в тексте: с улицами. — Авт.), и монголы удалились. А тех из простолюдинов и ремесленников, которые избежали меча, они увели с собой для того, чтобы применить их в качестве хашара или воспользоваться их искусством в ремесле. И когда Чингисхан пришел из Бухары в Самарканд, их пригнал и туда тоже»³⁸.

Итак, участь Отрара была решена — цитадель разрушена, жители уничтожены, взяты в плен и угнаны в качестве рабочей силы для осадных работ.

Кайр-хан, захваченный монголами в Отраре, живым был доставлен в уже павший к тому времени Самарканд и предан мучительной казни. Незавидной была судьба изменника Карача-хаджиба. В ответ на предложение услуг монголы убили его, полагая: изменив однажды, он может предать и в другой раз.

Монгольское нашествие сопровождалось разрушением. Запустили оазисы, обезлюдели города, и лишь стаи одичавших собак бродили по пепелищам. К. Маркс по этому поводу писал: «Между тем орды совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту»³⁹.

После падения Отрара отряд Джучи в течение зимы 1219—1220 гг. взял один за другим города на Сырдарье, используя преданность проводников — местных купцов Хасан-ходжа и Али-ходжа. В Сыгнаке Хасан-ходжа запугивал жителей и призывал сдаться без боя, однако сыгнакцы убили предателя и в течение недели отбивали яростные штурмы неприятеля. За это население Сыгнака было вырезано целиком. Узгент, Барчылыгкент и Дженд почти не оказали сопротивления, но зато население Ашнаса долго защищалось, множество монголов нашли смерть у его стен. Но город был полонен, большинство жителей истреблено.

³⁸ The History of the World: (Conqueror) by Ala-ad-Din Ata Malik Juvaini / Translated by J. A. Boyle. Manchester, 1958. Vol. 1. P. 82—86.

³⁹ Маркс К. Хронологические выписки // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 5. С. 221.

Пали Бухара и Самарканд. Взятием этих городов руководил Чингисхан и младший его сын Тулуй. Бухара после трехдневной осады была сожжена. Самарканд, хорошо укрепленный город и имевший большой гарнизон из 60 тысяч регулярных войск и 50 тысяч ополчения, сопротивлялся всего пять дней, хотя, по свидетельству современников, мог обороняться целый год. Роковую роль и здесь сыграло предательство начальника Самаркандского гарнизона Туган-хана и духовенства. После героической обороны пали Ходжент, а после пяти месяцев осады — Ургенч, где бои шли за каждый дом, за каждый квартал. Историки сообщают, что кости погибших монголов образовали целые холмы. Поэтому пощады этому городу не было — его разрушили до основания и затопили, сломав плотины на Амударье.

Решительные действия Чингисхана парализовали хорезмшахских военачальников. Сам Мухаммед в панике метался по стране, больше думая о спасении своей жизни, чем об организации сопротивления. Преследуемый монгольской конницей, он бежал в Иран, а затем — на безлюдный остров на Каспии, где и умер от воспаления легких.

К 1222 г. Казахстан и Средняя Азия оказались в руках монголов. Обезлюдившие и запустевшие города скорбными вехами отмечали путь Чингисхана, одной из них был разрушенный Отрар.

Смутное время...

Но Отрар возрождается

Разрушенному Отрару между тем понадобилось всего 30 лет, чтобы вновь возродиться. Об этом говорят многочисленные нумизматические находки, относящиеся к середине XIII в. Найденный, например, в 1898 г. клад золотых монет в Чимкентском уезде показал, сколь обильным был чекан Отрара. О том, что деньги, выпущенные здесь, имели широкое хождение, свидетельствует также клад из 143 монет, найденный близ Ташкента в 1955 г., из которых 8 динаров оказались отрарскими. Посеребренные медные дирхемы отрарского монетного двора присутствовали и в кладах, выкопанных в 1948 г. у станции Чирчик и на городище Карагунчук, в Сарысуйском районе Джамбулской области. Отрарские деньги обнаружены и в кладе из Чаяновского района в 1928 г., в кладе из окрестностей Намангана — в 1928 г. и др.

Однако оживление городской жизни, о чем прямо говорят монеты, соотносится только с Отраром, и еще несколькими сырдарьинскими городами, их экономический подъем проходил на фоне общего упадка городов на огромной территории, подвергшейся монгольскому нашествию. Многие города исчезли навсегда. Городское население было перебито, ремесленники угнаны в Монголию. Новые власти считали своим долгом подчеркнуть презрение к горожанам и земледельцам, равнодушным к прелестям кочевой жизни.

Монголы не могли сами наладить управление завоеванными землями и отдали их на откуп мусульманским купцам и монгольским ставлен-

никам из числа местных феодалов. Методично они выколачивали налоги в пользу великого кагана, при этом, конечно, не забывали себя. Страдавший от двойного ига народ восставал, но его выступления монголы топили в море крови.

Упадку производительных сил способствовали непрекращающиеся распри в среде завоевателей. Еще до своей смерти в 1227 г. Чингисхан разделил владения между сыновьями: старший сын Джучи получил в управление земли между Иртышом и Волгой; Чагатаю достались земли Средней Азии, кроме Хорасана; Угэдэй водрузил свой бунчук⁴⁰ в Тарбагатае, на берегах Эмиля и Кобука; Тулуй наследовал коренной юрт отца со столицей в Каракоруме.

Но уже в середине XIII в. начались феодальные войны. Два дома — Джучи и Тулуй — объединились против домов Угэдэя и Чагатая. На курултае⁴¹ 1251 г. царевичи первой коалиции избрали великим ханом сына Тулуя — Мункэ. Тот сразу же ответил жестокими репрессиями на интриги своих противников, казнил многих влиятельных представителей из дома Чагатая и Угэдэя, а их улусы низвел до положения второстепенных уделов. Джучиды же за оказанную поддержку приобрели власть над Южным Казахстаном и северными областями Средней Азии. Однако в следующем десятилетии внук Чагатая — Алгуй — вновь силой утвердился в дедовских владениях, но не надолго: власть перешла в руки царевича Хайду, одного из потомков Угэдэя.

Противоречия в среде завоевателей имеют объяснение у историков как отражение существовавших тенденций в отношении к оседлому населению и городской жизни.

Большая часть монгольской и присоединившейся к ним тюркской военно-кочевой знати были врагами оседлости и стремились лишь к грабежам города и деревни. Ее не интересовало, что бессистемная и жестокая эксплуатация разоряет регион, толкает его на путь хаоса и беспорядка. Естественно, что эта группа была противником сильной центральной власти и охотно шла на контакт с той частью местной знати, чиновничества и купцов, которая стремилась к быстрому обогащению.

Другая (небольшая) часть военно-кочевой аристократии, наиболее близкой к ханскому двору, а также часть чиновников, духовенство и большинство купечества считали для себя важным обуздание тенденций первой группы к ограничению центральной власти, наоборот, они стояли за создание сильного централизованного государства, ратовали за восстановление городской жизни, сельского хозяйства. Наиболее дальновидные представители второй группы понимали, что нельзя «рубить сук, на котором сидишь», и пытались ограничить разбой, установить мир, ограничить избиение земледельцев и горожан. В 1269 г. хан Хайду созвал в Таласской долине курултай царевичей и нойонов⁴². После взаимных упреков царевичи решили: «...поделим справедливо летние и зимние пастбища и поселения в горах и степях, потому что эта область

⁴⁰ Бунчук — знамя.

⁴¹ Курултай — встреча, собрание, сбор.

⁴² Нойоны — монгольская знать.

(Южный Казахстан и Средняя Азия.— Авт.) крайне опустошена и невозделана...»⁴³, а также решили «впредь селиться в горах и степях и не бродить вокруг городов, не выгонять животных на нивы и не предъявлять райятам⁴⁴ несправедливые требования»⁴⁵. Этим установкам последовал сам Хайду. За 30 лет правления он много сделал для процветания своего улуса.

Усиление отдельных владетелей не прибавило, однако, могущества всей монгольской державе — она постепенно распалась на независимые владения. В Средней Азии победу одержала группировка монголов, которая стремилась к укреплению связей с земледельческими областями и переходу к оседлой жизни. В первой половине XIV в. наиболее видной фигурой среди чагатайских владетелей Средней Азии и юга Казахстана стал Кебек-хан. Его стремление к оседлости проявилось ярко: он построил себе дворец в долине Кашкадарьи, произвел денежную и административную реформы. Но его попытки к стабильности раздражали военно-кочевую аристократию. Они сумели досадить Кебеку, убив его брата — Тарма-ширина (1326—1334 гг.).

В результате междоусобиц появилось независимое владение Моголистан — в Кашгарии и северо-восточном Семиречье со столицей в Алмалыке. Здесь эмир Пуладчи из рода дулат провозгласил ханом султана Тоглук-Тимура.

В Джучиевом улусе, известном также как Синяя или Золотая Орда, происходили похожие столкновения сил. На Сырдарье возникло новое государство — Белая Орда (Ак-Орда) с центром в Сыгнаке, в состав которого вошла восточная часть Дашт-и Кыпчака. Его первым ханом стал султан Сасык-Бука, который затем передал власть сыну Эрзене. Позже, при хане Уруссе (1361—1380 гг.), Белая Орда окончательно освободилась от Золотой Орды и сохранила самостоятельность до завоевательных походов знаменитого Тимура. Основным населением Белой Орды были кыпчаки, в среде которых пришедшие сюда монголы вскоре растворились окончательно. По этому поводу уместно привести высказывание арабского автора XIV в. ал-Омари:

«В древности это государство было страной кыпчаков, но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар) и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного с ними рода, оттого что монголы и татары поселились на земле кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кыпчаков.— Авт.)»⁴⁶.

Замечание ал-Омари важно для нас в плане не только представления об этногенезе той части жителей Казахстана, которые входили в Белую Орду, но и обретении ими некоторой политической стабильности. Смешавшись с монголами, кыпчаки перестали быть подданными.

⁴³ Бартольд В. В. Очерки истории Семиречья. Т. 2. С. 69.

⁴⁴ Райяаты — земледельцы.

⁴⁵ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. 1946. Т. 3. С. 71.

⁴⁶ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. С. 244—245.

Именно к этому времени утвердился Отрар, перестав быть частью то улуса Джучи, то улуса Джагатай, то вотчиной ханов Белой Орды... Всего за четверть века он становится вновь известным торговым центром на караванном пути с Запада на Восток. Через этот город проходила дорога из Ургенча в Алмалык и далее в Китай, к далекому городу Ханбалыку. Благодаря именно такому статусу Отрара во второй половине XIII в. можно встретить сведения о нем во многих источниках, оставленных путешественниками и торговыми людьми. Первое упоминание об этом городе после «Отрарской катастрофы» содержится в документах армянского царя Гетума (Гайтона), который в 1259 г. тайно отправился из Армении в монгольские степи просить помощи у верховного кагана Мункэ против притеснений Аргуна, монгольского наместника в Закавказье. С большими трудностями через год царь и его спутники добрались до Каракорума, где были хорошо приняты и добились уменьшения налогов. Получив охранные грамоты, Гетум глубокой осенью 1254 г. возвращался на родину, заезжая по пути во все большие и малые города и одним из них был Отрар, где находилась переправа через Сырдарью...⁴⁷

Другие письменные источники тех лет сообщают, что при хане Ак-Орды Эрзене, сыне Сасык-Буке, в Отраре ведется обширное строительство, что Эрзен «был царем крайне умным, праведным, превосходным, богобоязненным. Большую часть медресе, ханака, мечетей и прочих благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Сауране, Дженте и Баркенде, устроил он»⁴⁸.

К середине XIV в. известность Отрара была достаточно широкой. В путеводителе, составленном флорентийским купцом Франческо Бальдуччи Пеголотти и озаглавленном «Практика торговли», описывается тяжелый и долгий путь из Таны, что в устье Дона, до Ханбалыка. Двадцать пять дней ехали купцы на волах от Таны до Джутархана⁴⁹. Оттуда доплывали до Сарая — столицы Золотой Орды. Водным путем по Каспию добирались до устья Яика и поднимались по нему до Сараканко⁵⁰. Верблюды, запряженные в скрипучие арбы, довозили до Органчи⁵¹ за 20 дней, а еще через 40 дней — до белых стен Отрара.

Но в наибольшей степени достоверно и зримо об Отраре этой поры говорит все-таки нумизматика. Пожалуй, ни для одного из других исторических периодов не характерно столь большое число монетных и монетно-вещевых кладов, как для XIII—XIV вв. Анализ их, как справедливо отмечает ведущий советский специалист по нумизматике Е. А. Давидович, дал возможность «пересмотреть некоторые точки зрения по частным и общим вопросам, поставить и в возможной степени разрешить ряд новых вопросов»⁵².

⁴⁷ Гандзакеси Киракос. История Армении / Перевод, предисл. и комментарий Л. А. Ханларди. М., 1976. С. 222—226.

⁴⁸ Сборник материалов по истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. С. 2. С. 129.

⁴⁹ Джутархан — Астрахань.

⁵⁰ Сараканко — Сайрайчук.

⁵¹ Органчи — Ургенч.

⁵² Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в. М., 1972. С. 7.

Согласно научным исследованиям, регулярный чекан монеты в Отрае вновь после монгольского разгрома начался в 1251—1252 гг. Выпускались монеты золотые динары, посеребренные медные дирхемы и медные фельсы. Это свидетельствует о том, что денежное хозяйство Отраа уже спустя 30 лет после опустошений в отличии от многих других городских центров было представлено полным комплексом денежных единиц, обслуживавших все сферы экономической деятельности — от внутреннего мелкотоварного оборота до внешней торговли.

Изучение отарских монет позволило охарактеризовать первый этап денежного хозяйства, продолжавшегося до 1271 г. как этап регулярного чекана монет всех номиналов, и сделать важный вывод об оживлении городской жизни.

Второй этап денежного обращения в Отрае следует после денежной реформы, проведенной правителем Масуд-беком, купцом, которая охватила все стороны денежного обращения. Основу этой реформы составила организация чекана высокопробных серебряных дирхемов. Если раньше серебряные дирхемы в большом объеме выпускал только Алмалык, то начиная с 1271 г. эта деятельность активизировалась и в других городах, в том числе и в Отрае. Вес серебряных дирхемов был всюду одинаков, т. е. соответствовал весовому стандарту, установленному для всех монетных дворов, так же, как и проба: первый равнялся 2,1 г, а проба — 800 (или близко этому). Основные признаки оформления монет, такие, как тамга, форма картушей и крупные надписи, обладают определенными признаками единства. Как отмечает Е. А. Давидович, «реформа Масуд-бека обеспечила государство серебряной монетой и дала необходимые гарантии (вес, проба, наиболее существенные внешние признаки) для их штучного общегосударственного обращения вне зависимости от места выпуска»⁵³.

Наряду с дирхемами был налажен чекан медных фельсов, обслуживающих сферу мелкой торговли, что тоже говорит в пользу реформы 1270—1271 гг.: победила тенденция, которая была направлена на восстановление и развитие оседлого хозяйства, городской жизни и торговли. Многочисленные клады свидетельствуют о хорошо налаженном производстве серебряных монет. Один из наиболее крупных кладов был найден в 1893 г. на вершине сторожевого кургана Караултобе на левом берегу Арыси. В двух кувшинах находилось 5800 серебряных и медных монет, а также два серебряных браслета, жемчужины, медная пряжка, драгоценные камни и обломки золотых поделок. Серебряные дирхемы Отраа содержали: клад, найденный в 1889 г. в Джелал-Тюбинской области Ташкентского уезда, Дункентский клад близ Анграна (1952 г.), Ленинадский (1954 г.) и, наконец, клад, обнаруженный в Отарском оазисе (в том числе на Отрае) в семидесятых годах.

Исследования показали, что последняя серия джагатаидских отарских монет была выпущена в 1354 г. от имени Буян-Кули⁵⁴. Следовательно, в течение целого столетия Отар интенсивно выпускал монету,

⁵³ Там же. С. 144.

⁵⁴ Лэнь Пуль С. Мусульманские династии. Спб., 1899. С. 201.

что свидетельствует об экономической и политической значимости города в суровый для Казахстана и Средней Азии исторический период.

Последний поход хромого эмира

Правитель одного из владений, возникших в результате междоусобиц на «развалинах» Монгольского государства, упомянутый ранее султан Моголистана Тоглук-Тимур оказал «небольшую» услугу человеку, которому суждено было во второй половине XIV в. стать главой могущественной державы в Средней Азии. Речь идет о Тимуре⁵⁵. Оказывается, именно Тоглук в 1361 г. помог Тимуру стать владельцем большого тумена⁵⁶ и главой племени барлас, и с той поры началось победное восхождение к высотам власти этой личности...

Путь Тимура, отличавшегося храбростью, имевшего талант военного, пользовавшегося популярностью среди искателей приключений, оказался трудным. Он пережил много завоевательных походов, побед и поражений и даже плен. Оборвалась эта бурная жизнь именно в Отрае...

Но все по порядку.

Тимур родился в семье мелкого монгольского эмира Тарагая из племени барлас. В молодые годы он возглавлял дружину нукеров⁵⁷ и жил грабежом на большой дороге; пользуясь отсутствием сильной центральной власти, возвысился, по словам К. Маркса, «как начальник кондотьеров на службе у разных князей»⁵⁸.

Этот человек выделялся своим честолюбием, стремлением к власти и непомерной жестокостью. Не брезгуя никакими способами, не останавливаясь перед убийствами, он добивался намеченной цели. Примерно в то же время, когда он стал во главе большого тумена, началось его сближение с видным монгольским эмиром Хусейном, сестру которого Тимур взял себе в жены. Молодые эмиры вместе совершали грабительские набеги на соседей, вместе боролись за право быть первыми среди равных. Не всегда такие попытки увенчивались успехом. Однажды они были разбиты и 62 дня провели в заключении у более удачливого соперника. В 1362 г. при налете на Сенстан⁵⁹ Тимур был ранен, после чего его рука засохла. Используя народное движение во время войны с кочевыми отрядами монголов из Семиречья и Кашгара, в 1366 г. Хусейн и Тимур захватили главенство в Самарканде. Однако вскоре борьба за власть сделала близких друзей заклятыми врагами. Тимуру повезло больше: в 1370 г. он осадил Балх, где укрылся Хусейн. После упорного боя город был захвачен, а Хусейн, попавший в плен, с молчаливого

⁵⁵ Тимур (1336—1405 гг.) имел прозвище Тамерлан (Тимурленг, что в переводе с таджикского «Тимур-Хромец»), так как в 1362 г. был ранен (в руку и ногу) и стал хромым.

⁵⁶ В данном случае — военного отряда.

⁵⁷ Нукер — воин.

⁵⁸ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 6. С. 184.

⁵⁹ Сенстан — юго-западный Афганистан.

согласия Тимура был убит. Теперь у него не было сильных соперников, и на курултае военачальников его провозгласили государем.

Все тридцатипятилетнее царствование Тимура состояло почти из непрерывных походов в Хорезм, Персию, Индию, Закавказье, Малую Азию, казахстанские степи. Он создал великолепную армию, которая не знала поражений, он «ввел систему шпионажа; причем орудиями служили ему дервиши, факиры, монахи — от лам до христианских отшельников»⁶⁰.

Прежде всего завоеватель подчинил себе долго остававшийся независимым Хорезм, поддерживавшийся Золотой Ордой. Шесть раз он вторгнулся в пределы Хорезма. Страшным опустошением сопровождались походы. Столица Хорезма Ургенч была полностью разрушена, а на дымящихся развалинах по приказу Тимура демонстративно посеяли ячмень.

Тимур вел кровопролитные войны с бывшим своим ставленником в Золотой Орде — сыном хана Белой Орды Урус-хана ханом Тохтамышем, который еще в 1376 г. бежал в Самарканд, был хорошо принят Тимуром и при помощи острых сабель тимурова воинства захватил Отрар, Сауран и столицу Белой Орды — Сыгнак, где и был провозглашен ханом. Но Тохтамыш обманул надежды Тимура; став ханом Золотой Орды, в 1388 г. он напал на владения Тимура и ограбил лучшие земли. Чтобы покарать неблагодарного вассала, Тимур снарядил военную экспедицию, которая, следуя по пятам Тохтамыша, прошла через казахстанские степи и ворвалась в коренные земли Золотой Орды. Были опустошены столица Сарай-Берке и заодно и города Крыма и Северного Кавказа.

Несколько походов Тимур совершил в Семиречье, доходил до Чарына и Или. В результате Южный и Юго-Восточный Казахстан он включил в состав своего государства, а в городах Отраре, Сауране, Сыгнаке, Сузаке, Таразе, Аспаре разместил военные гарнизоны.

Более всего Тимура привлекала Персия, которая в это время распалась на множество отдельных владений. Без особого труда жестокий завоеватель подчинил Герат, Балх и заодно завоевал Азербайджан, Грузию и Армению.

В 1398 г. начал он свой индийский поход: дойдя до Дели и разграбив город, вернулся с огромной добычей в Самарканд. На западе войска Тимура вступили в Малую Азию и Сирию и в 1402 г. в сражении при Анкаре разбили армию османского султана Баязеда, отсрочив тем самым падение Византийской империи.

В истории имя Тимура связывается не только с его кровавыми завоевательными походами, но и с памятниками культуры, дошедшими до нас. Дело в том, что Тимур не жалел средств на строительство и архитектуру в своих владениях, считал, что это укрепляет и возвышает его государство. Сразу же после разорения Ургенча, например, он переселил всех ученых, мастеров, ремесленников в Самарканд, а на награбленные ценности построил знаменитый дворец Ак-Сарай в Шахри-

⁶⁰ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 4. С. 185.

сябзе. Собранные со всего света архитекторы и мастера сооружали не только дворцы, но и мечети, медресе. Именно тогда, в XIV в., построены такие выдающиеся памятники, как Гур-Эмир, Биби-Ханым, Шахи-Зинда. Достойное место в этом ряду занимает мавзолей Ахмеда Ясеви в Туркестане, возводившийся по приказу Тимура над могилой национального святого кочевников казахстанских степей и оседлого населения. Внезапная смерть Тимура не позволила закончить постройку, однако и то, что было сделано, поражает своим великолепием...

«Тонкий политический расчет руководил при этом великим эмиром, — писал М. Е. Массон, один из исследователей мавзолея Ахмеда Ясеви, — польстить чувству кочевников вниманием к их национальной святине, подчеркнуть духовное единство народов, исповедующих ислам, воздействовать на впечатлительного номада грандиозностью замысла, а его исполнением дать представление о мощи империи — вот те практические цели, которые имелись в виду при возведении на окраине государства в конце XIV столетия первоклассного памятника среднеазиатского зодчества»⁶¹.

Официальная история Тимура «Книга побед» связывает повествование о закладке здания с событиями 1397 г. В этот год Тимур женился на дочери моголистанского хана Хызр-Ходжа-хана — Таукель-ханым. В ожидании своей супруги Тимур в сентябре месяце поехал в город Яссы поклониться могиле Ходжи Ахмеда. Тогда-то он, видимо, отдал приказ о начале строительства. Воля заказчика была закреплена указом, предусматривающим общий план и основные размеры сооружения: «Сорок одному гязу⁶² должен был быть равен диаметр главного купола. Спереди предполагался высокий арочный портал с двумя минаретами. За ним большое купольное квадратное помещение со сторонами в тридцать гязов и с вылитым, как и дверные петли, из сплава семи металлов водоемом (хаузом) посередине. Дальше комната со сторонами в двенадцать гязов, под меньшим куполом которой выложенное мраморными плитами из Тавриза надгробие самого шейха. Справа и слева от усыпальницы два помещения (чарсуфы) для устройства собраний. Кроме того, предполагалось несколько других помещений, а также худжр⁶³ для прибывающих на поклонение памятнику. Купола и стены, как того требовали архитектурные вкусы эпохи, должны были быть одеты изразцами. Таковы были задания, осуществление которых было возложено на Мавляна Убайдулла Садра»⁶⁴.

Известный советский археолог М. Е. Массон писал об этом памятнике: «У созданного могучего мавзолея по плану и по замыслу нет приемников в Средней Азии. Он уникален. Но в его вознесшейся мощной громаде за традиционными формами, выработанными искусством ислама, невольно чувствуются отголоски созвучных эпохе настроений,

⁶¹ Массон М. Е. О постройке мавзолея Ходжи Ахмеда в городе Туркестане / Известия Среднеазиатск. географ. о-ва. 1929. Т. 19. С. 39—45.

⁶² Гяз — единица меры длины.

⁶³ Худжара — жилое помещение для учащихся и преподавателей медресе.

⁶⁴ См.: Массон М. Е. О постройке мавзолея Ходжи Ахмеда в Туркестане С. 41.

почерпнутых, быть может, интуицией из царственного стиля Персии эпохи сасанидов и архитектуры императорской Византии. Дворцы Ктесифона и Фирузабада нашли свое отражение в характерной форме плана в виде буквы П; грандиозный свод аудиенц-зала сасанидских царей (Тек-и-Кесра) — прообраз величественного портала. Более четко влияние Византии, где существовавшая еще в сасанидской Персии идея воплощения в архитектуре "единства царя небесного и единовластия земного государя" расцвела и нашла пышное выражение в константинопольском храме Святой Софии. Зависимость от этого мирового памятника, опередившего на много веков в значительной степени архитектуру не только прославленного Востока, но и мусульманской Турции, в мавзолее Ходжа Ахмеда настолько ярко выражена, что его с полным основанием можно именовать мусульманской Айя-Софией»⁶⁵.

Тимуру же принадлежит идея постройки еще одного мавзолея — рядом с Отраром над могилой учителя Ходжи Ахмеда святого Баба-Арслана. В народной легенде это событие осмысливалось так. Когда приступили к строительству мавзолея Ходжи Ахмеда и рабочие возвели стены, как явился в глухую полночь огромный бык и рогами раскидал все сделанное. Вновь стали возводить здание, сложили арки и своды — и в одну ночь от всего осталась лишь груда развалин. Задумался Тимур. Вдруг во сне ему явился некий старец, который объявил волю Ходжи Ахмеда: вначале возвести мавзолей над могилой Баба-Арслана. И, действительно, лишь после того, как этот мавзолей был построен, работы в Туркестане пошли без помех.

К сожалению, мавзолей не сохранился — сейчас на современном кладбище в трех километрах восточнее Отрара возвышается сооружение, которое было возведено в начале XIX в. на месте полуразрушенного мавзолея XIV в. Сохранились от построек той поры только две резные колонны из стволов могучего карагача. Колонны длиной 3,5 м почти идентичны; капители квадратные со следами вырезанных круглых листьев, ниже на тулове имеются пояски из резных квадратных и по одному фризу из переплетенных геометрических фигур; элементы декора явно напоминают орнаментальную резьбу на деревянной двери мавзолея Ахмеда Ясеви. Сейчас в отреставрированном мавзолее можно видеть копии колонн, а сами они находятся в Музее археологии Академии наук Казахской ССР.

...В конце 1404 г. начался поход Тимура, задуманный им давно, — на Китай. Завоеватель, как всегда преследовал далеко идущие цели. Как метко заметил один из современных историков, Тимур прекрасно учитывал стремление среднеазиатских феодалов к удачным походам с получением обильной добычи. И с их помощью грабил соседние государства. Свое войско Тимур решил провести через Сырдарью и Семиречье. К концу года огромная 200-тысячная армия была сконцентрирована за Сырдарьей в Отраре и Сауране. Все было готово, ждали сигнала. «Но начертание пера судьбы было другое». В феврале, простудившись при переправе через Сырдарью, Тимур умер в одном из дворцов Отрара.

⁶⁵ Массон М. Е. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930.

Смерть его пытались скрыть. Армия выступила в поход, передовые отряды дошли до селения Чилик в 5 фарсах⁶⁶ к востоку от Отрара и здесь, узнав новость, повернули на Самарканд, где преемники Тимура торопились делить наследство.

От Отрара к Отрартобе — путь в три столетия

Судьба Казахстана XV—XVII вв. была и судьбой Отрара. Письменные источники кратко освещают его жизнь, обычно упоминая о нем в связи с походами ханов и султанов. Тем не менее и за скупыми строчками древних хроник угадывается пульс города. Вот что сообщается о средневековом Отраре в сочинении «Таварих-и Гузида»: «В это время, когда Султан Махмуд хан отдал Отрар (Мухаммад Шейбани-хану)... Кул-Мухаммед-тархан был в Сабране. Все люди, муллы и ходжи Сабрана посоветовались: Отрар опять попал в руки Мухаммеда Шейбани-хана. Изю дня в день его могущество увеличивается. Теперь он захватит весь вилайет, — послали человека, привели Мухаммед-султана (брата Шейбани-хана) и отдали ему Сабран»⁶⁷.

Эти строки позволяют думать, что Отрар привлекал к себе завидным ключевым положением, находясь на стыке дорог. Взятие города означало для каждого покорителя (в данном случае Мухаммеда Шейбани-хана) приобретение статуса владетеля всех сырдарьинских городов.

Отрывок из «Таварих-и Гузида» проливает свет и на междоусобицы, феодальные войны, которые в Средней Азии и Казахстане наступили после смерти Тимура. Пришедший к власти внук Тимура — Улугбек, более известный как выдающийся ученый, вскоре стал жертвой клерикального заговора и был зверски убит. Однако еще при его жизни обстановка на северных границах доставшихся от деда обширных владений стала беспокойной. Могольские отряды, возглавляемые Шах-Джеханом, вторглись в долину Сырдарьи, осадили Сайрам и подошли к городу Карасаману. Однако моголы потерпели жестокое поражение и отступили. А в 1426 г. хан Барак, потомок Джучи, объявил себя владетелем Дашт-и Кыпчака и сырдарьинских городов.

В середине XV в. энергичный степной хан Абулханр смог подчинить себе многочисленные племена и роды Дашт-и Кыпчака, возглавил новое феодальное владение — Узбекское ханство. Образование этого государственного объединения свидетельствовало об укреплении патриархально-феодальных отношений в Казахстане: дальнейшим расширением прав и привилегий феодалов, усилении эксплуатации трудящихся масс, обострении классовой борьбы. Для феодалов было естественным создание прочного аппарата для эксплуатации и угнетения народа.

Узбекское ханство занимало территорию от Приаралья и низовьев

⁶⁶ См.: Бартольд В. В. Сочинения. М., 1964. Т. 2. С. 71—72.

⁶⁷ Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории Казахских ханств в XV—XVII вв. // Казахстан в XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969. С. 21.

Сырдарьи до Тобола на севере и до Ишима — на северо-востоке. Население его носило собирательное название «узбеки». В его состав входили такие племена, как канглы, кыпчаки, дулаты, керен, карлуки, найманы, усунн, аргыны, кыргызы. Как наиболее сильные выделялись кыпчаки, а поэтому некоторые исследователи склонны называть это государственное объединение XV в. «Кыпчакское ханство». Однако доказано, что название «узбеки» так же, как и существовавшее уже «казахи», в то время не имело этнического содержания и не объединяло один определенный народ, как это произошло позже: оба охватывали многочисленные степные племена, что подтверждает и среднеазиатский ученый XVI в. Рузбихан: «Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владении Чингисхана... второе племя — казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третье племя — мангыты...»⁶⁸.

Междоусобицы и борьба за главенство в Дашт-и Кыпчаке, когда преследования Абулхайра достигли предела и «среди джучидов не было ни одного, которого миновала бы ханская стрела или не коснулась бы ханская рука», привели к откочевке султанов Джанибека и Гирея в район р. Чу. Передвижение населения происходило с конца 50-х и до конца 60-х годов XV в.⁶⁹ У историка XVI в. Мухаммеда Хайдара по этому поводу сказано: «В то время в Дашт-и Кыпчаке властвовал Абу-л-Хайрахан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Джанибек-хан и Кирай-хан бежали от него в Моголистан. Исан-Буга-хан охотно принял их и предоставил им округ Чу и Козы-Башни, который составляет западную окрестность Моголистана. В то время, как они благодетельствовали там, Узбекский улус после смерти Абу-л-Хайрхана пришел в расстройство; (в нем) начались большие неурядицы. Большая часть (его подданных) откочевала к Кирай-хану и Джанибек-хану, так что число (собравшихся) около них (людей) достигло двухсот тысяч человек. За ними утвердилось название «узбеки-казахи»»⁷⁰.

Это время, а точнее середина 60-х годов, по мнению исследователей, считается периодом образования Казахского ханства. Но было бы упрощением объяснить сложение государства у казахов только откочевкой ханов и части племен. Казахское ханство явилось преемником предшествующих раннефеодальных государств на этой территории, итогом развития экономики, социальных отношений, экономических процессов⁷¹.

Отношения между Казахским ханством и государством кочевых узбеков носили характер периодических войн: вначале Джанибек и Гирей воевали против Абулхайра, затем сын Гирея Бурундук и внук Абулхайра Мухаммед Шейбани сражались за власть в Дашт-и Кыпчаке и за сырдарьинские города — Отрар, Сауран, Сыгнак, Сузак, Яссы. Города, как и центры ремесла, торговли, политической и экономической власти, нужны были Казахскому ханству. Однако Мухаммед Шейбани, который

⁶⁸ Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-ий Бухара. С. 62.

⁶⁹ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1979. Т. 2. С. 256—257.

⁷⁰ Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII вв.: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 195.

⁷¹ История Казахской ССР. Т. 1. С. 17—18.

сумел подчинить себе Среднюю Азию, всячески стремился удержать города за собой и отсюда диктовать свою волю кочевому населению.

После смерти Шейбани в 1510 г. его преемники, занятые борьбой за власть в среднеазиатских владениях, потеряли свое влияние в степи, и власть перешла в руки казахских султанов. Происходило объединение казахов и племен, оставшихся в Казахстане после ухода в Среднюю Азию узбеков, сложение казахской народности. Этот процесс происходил на фоне прекращения междоусобиц, укрепления Казахского ханства. После смерти Бурундука во главе казахов стал сын Джанибека — Касымхан, при котором произошло дальнейшее усиление ханства за счет расширения его границ и подчинения новых племен. По данным современников, при хане Касыме население Казахского государства достигало одного миллиона человек.

Историки отмечают, что после смерти Касыма между султанами казахскими начались распри. Наследник Касыма хан Мамыш был убит в стычке, его место занял Тагир, затем сын Тагира — хан Буйдаш. Усилились сепаратистские тенденции: появились и другие ханы (Ахмед-хан в западных районах, Тугум-хан — в Семиречье). Несмотря на это XVI в. отмечен подъемом экономики, ростом городов, развитием в них различных ремесел, расширением местной и транзитной торговли. Согласно летописям XVI в., казахские купцы постоянно посещали страны ислама. В городе Туркестане казахские ханы чеканили монету, Сыгнак называли «таванью Дашт-и Кыпчака».

При хане Хакк-Назаре (1538—1580 гг.) Казахское ханство настолько усилилось, что стало претендовать на земли Ташкента. При хане Тевеккеле была сделана попытка захватить Бухару. Вновь разгоревшийся пожар междоусобиц вовлек города в борьбу группировок. Грабежи, разрушения ирригации, гибель оседлого населения — все это губительным образом сказалось на городской жизни. Междоусобицы продолжались несмотря на грозную опасность, которая вскоре пришла с востока, где в 30-х годах XVII в. образовалось военно-феодальное Джунгарское государство. Джунгарские феодалы, опиравшиеся на сотысячную армию, проводили захватническую политику: их набеги по своим разрушительным последствиям историки сравнивают с монгольским нашествием. В 1643 г. джунгарский хунтайджа Батур совершил нападение на южные районы Казахстана. В 1684—1685 гг. хунтайджа Галдан вновь совершил поход в Южный Казахстан, опустошил богатые районы, взял штурмом и разграбил Сайрам.

Походы джунгаров продолжались и в начале XVIII в. Они несли гибель и разрушение. Не случайно джунгарское нашествие 20-х годов XVIII в. вошло в историю казахского народа как «годы великого бедствия» («актабан шубрунды»): погибли и были захвачены в плен тысячи казахов, разгромлены города, согнаны с насиженных мест сотни казахских аулов. И лишь огромным напряжением сил казахский народ дал отпор захватчикам, разбил и выгнал их со своих земель.

А что же Отрар? О нем сохранились сведения как о первоклассной военной крепости, которая могла выдержать длительную осаду. В одном

из источников говорится об осаде города войском в 30 тысяч человек, о том, что осаждавшие каждый день безуспешно завязывали большие сражения. Об Отраре конца XVI—XVIII вв. сообщают и русские источники, называя его в числе городов Казахской Орды. Последние сведения о нем как о небольшом городке относятся к середине XVIII в. Потом город запустел и постепенно превратился в руины, известные под названием Отрартобе. Люди, которые жили здесь в течение многих столетий, со временем покинули этот край. Часть их переселилась в Туркестан, другие ушли на юг к Чимкенту, где вошли в состав населения нескольких городков и еще долго называли себя отрарцами. Пересохли каналы, заросли сорными травами пашни, под лучами жаркого солнца погибли сады, пески занесли виноградники и бахчи... Это, впрочем, типичная судьба многих городов и селений Казахстана, погибших в результате войн. Как очень образно писал автор географического словаря XII в. Якут, «они (захватчики.— Авт.) погубили тех, кто оставался там, присоединив их к тем, которых они погубили помимо них. И не осталось от тех прекрасных садов и славных замков ничего, кроме разрушенных стен и следов исчезнувших народов... И остались эти сады опустевшими полностью, заставляя плакать глаза и скорбеть сердца... Заблудился проводник этих каналов, и они стали течь, блуждая во все стороны без выбора».

«Камни» городищ—контуры поселений предков

Я разыщу, судьбе наперекор,
Своих отцов и братьев, и сестер.

Н. Заболоцкий

Бугры на древних протоках Арыси

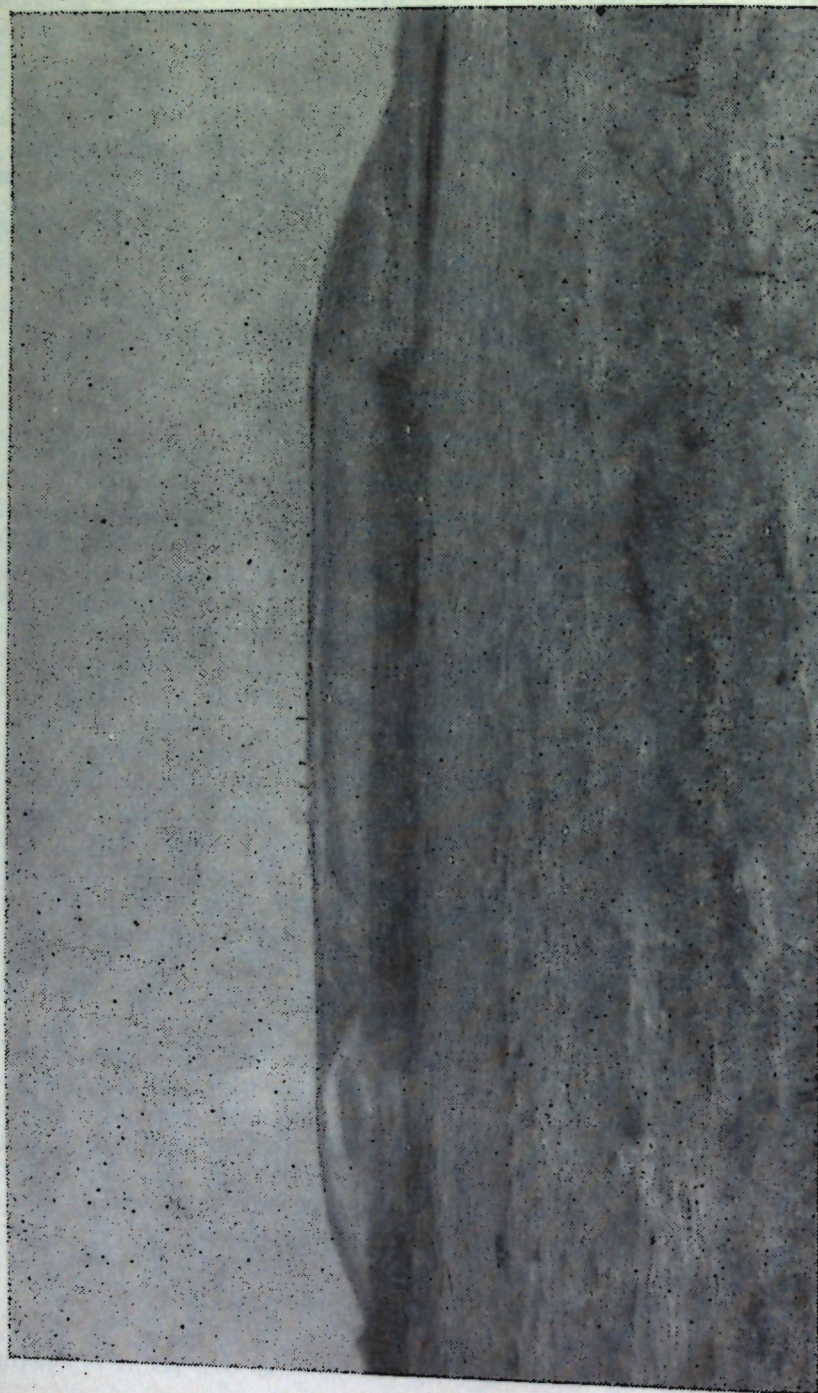
Еще до раскопок на облысевшей поверхности этого городища проступала планировка отдельных жилищ. Сырцовые размытые стены желтыми прямоугольниками выделялись на фоне зеленой травы. Виднелись и главные улицы, разделявшие отдельные жилые массивы. Угадывались направления улиц: они отходили от ворот веером, «центральная» шла строго с востока на запад, пересекая городище по прямой, одна из «диагональных» тянулась через городище строго с северо-востока на северо-запад, а «кольцевая» опоясывала его по периметру на некотором расстоянии от гребня городища...

Таковы были первые впечатления от беглого знакомства с городищем Кок-Мардан¹, относящимся к памятникам Отрарского оазиса. Это один из самых крупных бугров, или тобе, расположенных в оазисе на сравнительно небольшой территории (100 кв. м) левого берега Арыси. Остатки десятков бугров разной величины находятся здесь как молчаливые свидетели ушедшей в прошлое жизни, как нескладные контуры поселений обитавших на этой земле предков. Пшук-Мардан, Костобе, Чаштобе, Сейтмантобе, Ахайтобе, Чольтобе... Все они географически привязаны к древним когда-то полноводным, а ныне пересохшим протокам Арыси.

Развалины Кок-Мардана состоят из двух частей — основного бугра и всхолмлений рядом с ним. Всмотритесь в снимок: на нем вы видите основной бугор. Это — центральная часть городища, она занимает островок, образованный, как выяснено, на месте слияния двух древних протоков Арыси. Сам контур острова и определял планировку бывшего города. И ныне городище имеет вид вытянутого с севера на юг овала, занимая чуть больше двух гектаров, имея наибольшую высоту 15 м.

Более детальное дальнейшее изучение Кок-Мардана позволило выявить не только черты своеобразной оседлой культуры, но и проследить ее эволюцию.

¹ Назван по урочищу Кок-Мардан, где сосредоточена большая часть памятников.

Городище Кок-Мардан, I—VII вв. (общий вид)

Итак, представьте, что вы входите в музей под открытым небом. Через тот, единственный въезд на территорию городища с «материка», который находился с востока...

Въезд проходил по искусственной дамбе высотой 1,5 м, шириной сверху 1,5, внизу — 3 м. Затем дамба переходила в пологий пандус, подводивший к воротам. Въезд фланкировался двумя башнями округлой формы, от которых сохранились лишь выступы.

К центральному бугру городища отделенная протоками примыкала территория со следами застройки. На востоке пристройка имела вид подпрямоугольных в плане площадок плоского всхолмления высотой до 2,5 м, занимая около гектара. С запада и северо-запада от центрального бугра застройка продолжалась еще почти на трех гектарах. Обнаруженный в полукилометре севернее городской некрополь состоял из нескольких десятков оплывших курганов высотой до 2—2,5 и диаметром до 15 м.

Судя по размерам и положению в урочище, Кок-Мардан был в свое время своеобразным центром оседлой жизни небольшого земледельческого оазиса.

Раскопки на Кок-Мардане показали, что этот бугор — городище многослойное, состоящее как бы из нескольких разновременных городов, последовательно сменявших друг друга.

О чем рассказал археологам первый слой?

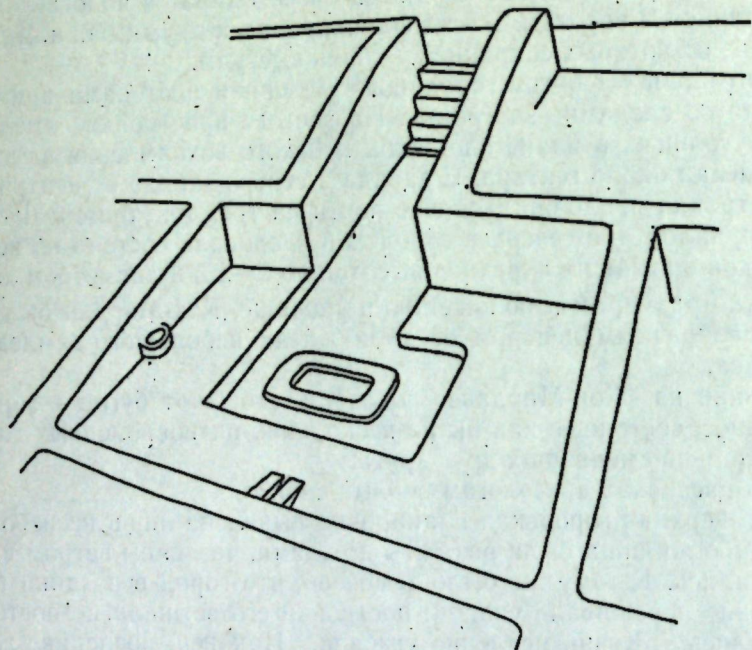
Самая верхняя городская планировка выявлена лишь на небольших участках, ибо жилища были размыты дождями, развеяны ветром и почти не сохранились. К тому же было замечено, что город в поздний период своей жизни переживал упадок: постройки его ветшали и постепенно забрасывались. Жизнь медленно угасала. Наконец, последние жители ушли в другое место, забрав все наиболее ценное. Что послужило причиной гибели города, пока не выяснено. Это могло быть и изменение русла Арыси, что, в свою очередь, вызвало пересыхание ряда протоков этой реки и, следовательно, «водный голод» у жителей Кок-Мардана, вынужденных искать новые водные источники. Возможно, сыграли роль и экологические факторы, например, засоление почв в зоне сельскохозяйственных угодий, что также могло послужить причиной упадка Кок-Мардана (да и других поселений урочища). Нельзя исключать также и предполагаемый общий кризис общества.

А город, расположенный ниже, т. е. более ранний, составляли жилые дома, разделенные магистральными улочками и переулками. Дома, как правило, однокомнатные, реже двухкомнатные, причем вторая комната обычно отводилась под кладовую.

По рисунку вы можете судить, как выглядел однокомнатный дом. Поясним, что все дома несколько заглублялись в землю (в культурный слой), поэтому с улиц, расположенных выше, в них вели ступеньки, числом от трех до пяти. Замечено, что двери в дома устраивались обычно вблизи одного из углов.

Внутреннее устройство жилищ однотипно, что позволяло археологам еще до конца раскопок уверенно предсказывать, где будет находиться, например, ниша для камина или очаг.

Напротив входа, ближе к центру, устраивался напольный очаг² — подпрямоугольное в плане углубление в полу с глинобитными бортиками по краю. Одна половина его предполагалась для огня, другая — для угля и золы.

Однокомнатное жилище со ступеньками, ведущими в него с улицы, V—VI вв. (Кок-Мардан)

При раскопках обычно почти в каждом доме рядом с очагом на полу обнаруживали зернотерки или жернова³, целые или в обломках. Иногда встречали сооружавшиеся в домах специальные поставы для жерновов. Нижняя половина такого постава — «лежак» — намертво вмазывался в невысокую округлую тумбу. В одной из стен дома на уровне пола или чуть выше обязательно выдалбливалась овальная ниша для каминна, на дно которой ставилась глиняная жаровня. По периметру комнаты у стен устраивались суфы — лежанки шириной до метра, высотой — 0,3—0,4 м, в углах помещений — ниши, перед которыми делалось небольшое возвышение, где, судя по слою золы, возжигался ритуальный огонь. По углам находились сосуды для воды и продовольствия — обычно это были хумы, водоносные кувшины, двуручные горшки. В кладовой стояли хумы или бочкообразные сосуды в виде цилиндрических емкос-

² Дома отапливались «по-черному» (дым выходил через двери и отверстие в потолке).

³ Жернова стандартны, диаметр — 25—35 см.

Святителище с культовой нишей, V—VI вв. (Кок-Мардан)

тей из необожженной глины, в которых; как выяснилось, хранили просо, рис, пшеницу, ячмень, горох.

Один из однокомнатных домов отличался от других небольшим сооружением, которое вы видите на снимке. Напротив входа в стене на высоте полметра находилась ниша подпрямоугольной формы, обрамленная по краю налепом в виде рогов барана. Двухступенчатый подиум размером $1,5 \times 1$ м под нишей, небольшой отсек справа от подиума, отделенный глиняной стенкой, глиняные светильники, найденные при раскопках на полу, слой чистой золы на подиуме — все это несомненные доказательства, что в доме находилось святилище с алтарем, связанное с культом огня. Правда, прямых аналогий этому сооружению нет, но некоторое сходство с ним обнаруживает зал в постройке на городище Гяур-кала в Хорезме, относящийся к этому же времени, т. е. к первой половине I тысячелетия. В стенах его имелись обрамленные налепами ниши с подиумами под ними. Также в Хорезме, на городище Топрак-кала, был открыт храм V—VI вв., где объектом поклонения являлись налепы в виде рогов архара. Сходство святилищ Кок-Мардана и Хорезма, по-видимому, было обусловлено культурными связями или же переселением сырдарьинских племен в оазисы Хорезма.

Все постройки Кок-Мардана сложены из прямоугольного сырцового кирпича. Стены оказались без фундамента: основания их ставились прямо на грунт. Изнутри они неоднократно обмазывались глиной. Перекрытия были плоскими, покоились на деревянных балках, поддерживавшихся опорными столбами. Обычно таких столбов было четыре — об этом говорят сохранившиеся в полу домов прямоугольные гнезда от деревянных баз столбов. Кровлей служил толстый слой камыша, уложенный на балки и обмазанный сверху слоем глины, смешанной с золой. Это удалось установить во время раскопок: на полу некоторых помещений археологи находили куски обмазки кровли с отпечатками камышовых стеблей.

Материал из Кок-Мардана по аналогии с находками из других памятников, раскопанных в долине Сырдарьи, позволил датировать верхние слои городища III—VII вв.

Познакомимся с еще одним крупным городищем, расположенным у древних протоков Арысь. Это Пшук-Мардан, памятник, находящийся всего в трех километрах от Кок-Мардана.

В центральной части Пшук-Мардана на 12 м возвышается двухъярусный бугор с основанием 70×100 м, крутой с восточной стороны и пологий — с западной. Бугор имеет подчетырехугольные очертания и ориентирован длинной стороной с севера на юг. Со всех сторон он окружен ровом, связанным с проходящей неподалеку старицей реки Арысь. По своим топографическим признакам этот бугор относится к типу памятников, именуемых «тобе с площадкой», довольно широко распространенных в Южном Казахстане.

Особенность Пшук-Мардана та, что со всех сторон, кроме западной, центральную часть окружает плоский четырехметровый бугор, представ-

ляющий собой остатки рабада⁴. Вокруг самого плоского бугра — ров, угадываемый по впадине, которая густо заросла тамариском и травой. По микротопографии бугра можно проследить характер строений, которые были объединены в массивы, и направления улочек.

Раскопки на цитадели свидетельствуют, что на этом участке два разновременных строительных горизонта, сооружение относится к первой половине I тысячелетия до н. э.

В первом строительном горизонте зафиксированы конструкции двухэтажного здания. В цокольном этаже вскрыто место стыковки двух сводчатых коридоров, уходящих в северо-восточном направлении. Этот участок имел форму небольшого четырехугольного помещения размерами $1,7 \times 1,6$ м. Ширина северного коридора — 1,1, восточного — 0,85 м, высота — 2,5 м, высота свода — 1,2 м. Поперечный и продольный срезы кладки свода показали, что выложен он способом «ложного свода» — горизонтальными слоями пахсы и сырцового кирпича напуском. Изнутри свод покрыт толстым слоем обмазки, которая хорошо сохранилась. Обмазка стен оказалась в худшем состоянии: растрескалась, местами отслоилась, видимо, в результате деформации стен.

Ниже пола цокольного этажа, вдоль стен коридора отмечена забутовка и продолжение вниз кладки стен. В слое попадались угольки, фрагменты костей, несколько невыразительных фрагментов керамики.

Пол второго этажа зафиксирован на глубине 1,8 м в северо-западном углу раскопа. На северной стене его хорошо видна стратиграфия, прослеживаются слои завала восточной стены, чередующиеся с тонкими зольными прослойками. Стены имеют толстую обмазку, сложены так же, как и стены цокольного этажа, комбинированной кладкой — из сырцовых кирпичей и пахсовых слоев. После ремонта помещений второго этажа первоначальная южная стена, имевшая толщину 0,7 м, стала толще на 0,4 м, в этом дополнительном «прикладе» стены была устроена ниша, которая лишь частично попала в площадь раскопа. В результате очередной перепланировки второго этажа сооружена стена, расположенная вдоль западной границы раскопа. В северо-восточном углу раскопа обозначился угол еще одного помещения второго этажа, которое полностью осталось за пределами раскопа.

При расчистке завалов на полу построек первого строительного горизонта собраны фрагменты керамики. В восточном срезе выявлен толстый слой «свалки» между двумя стенами, уходящими к восточному фасу бугра. Весь керамический комплекс отсюда, очевидно, можно связать с верхним строительным горизонтом. Здесь были обнаружены обломки «рогатой» подставки, пряслице.

Таким образом, хотя раскоп на цитадели Пшук-Мардан не завершен, ясно, что в основе бугра находятся остатки фундаментальной постройки, сохранившей стены высотой до 4 м. Можно считать, что после периода запустения помещения были забутованы, остатки стен верхнего этажа надстроены, возведены новые стены, которые входят уже в верхний строительный горизонт.

⁴ Рабад — торгово-ремесленное предместье.

Как видим, от древнего города остались впечатляющие следы, позволяющие судить нам о строительно-планировочных особенностях далекой от нас эпохи.

В полкилометре на восток от Пшук-Мардана находится Костобе (Южное) — поселение, которое представляет нам образцы застройки жилыми и хозяйственными помещениями. Это — небольшой тобе с площадкой, пологой с южной стороны. Основной бугор диаметром 40 м поднимается над современной поверхностью примерно на 10 м.

Проследим характер застройки Костобе.

Стены помещения площадью 5,5×5 м, расположенного в центре раскопа, пахсовые и сохранились на высоту 35—40 см. Привлекает внимание открытый напольный очаг, для устройства которого было использовано донце хума, и покрытая обмазкой суфа шириной 125, высотой 15 см, расположенная вдоль южной и западной стен. Еще один очаг, расположенный в южном углу, вмазан в суфу. В том же южном углу — дверной проем шириной 50 см во второе помещение. Поскольку пол второго помещения был ниже, то в проходе устроена трехступенчатая лестница. Ближе к восточному углу выявлен «жертвенник», образованный двумя донцами хумчи, поставленными на ребро и вмазанными в глинобитный круг диаметром 45, высотой 30 см. Перегородка обмазана со всех сторон. На полу помещения выявлены три углубления от опорных столбов, поддерживающих кровлю.

Еще одно углубление расположено у центра перегородки в 60 см от дверного проема, ведущего во второе помещение. Назначение этого углубления, по-видимому, связано с найденным в этом квадрате фрагментом кувшина, показанным на рисунке. Сюжетная роспись выполнена вишневого цвета ангобом по светлому тулову. Изображены ступенчатые пирамидальные фигуры, над которыми галопирует олень, ниже — сидящая хищная птица, а рядом — антропоморфная личина.

В этом же квадрате найден глиняный амулет в виде печати с отверстием для шнура, на одной стороне которой изображен крест, на другой — тамгообразный знак.

Стены второго помещения сохранились на высоту 35—50 см. Изнутри к западной и северной стенам пристроена суфа, особенность которой в том, что она не доходит 70 см до дверного проема, ведущего в первое помещение. В восточной части суфы у северной стены — расположенное на квадратном возвышении пятно от открытого очага. Ближе к юго-западному углу выявлен дверной проем шириной 76 см в третье помещение площадью 12 кв. м с порожком в форме прямоугольного каменного блока⁵. Пол помещения обмазан желтой глиной и имеет по всей площади слой белого тлена от сгнившей камышовой кровли.

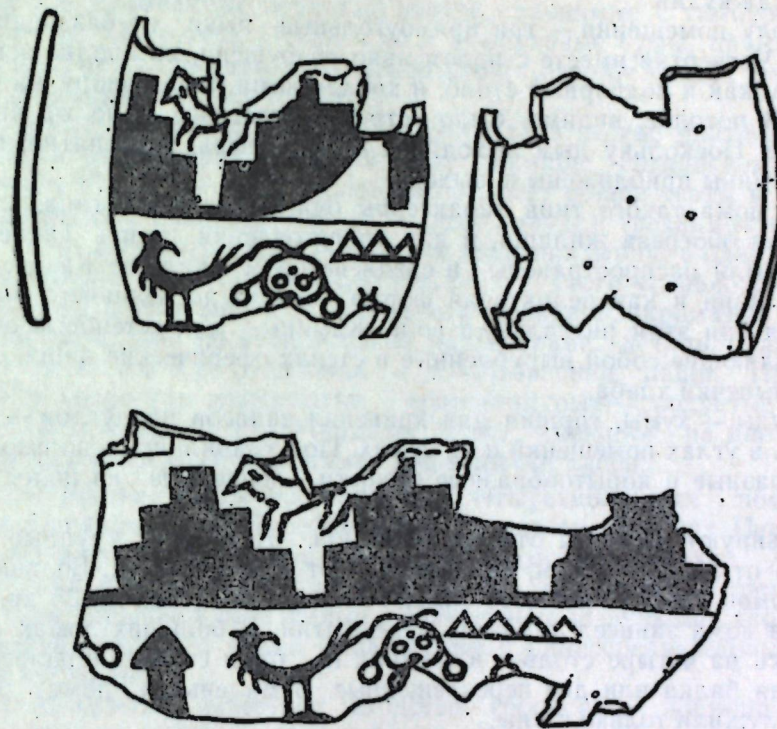
Выход из третьего помещения ведет в переулок, находящийся с западной стороны, и во дворик, где находились три мусорные ямы⁶. После очистки ям обнаружен строительный мусор, битая керамика, что говорит о хозяйственном назначении дворика.

⁵ Размеры: 25×13×7 см.

⁶ Диаметр южной ямы — 150 см, средней — 100, северной — 120 см.

Установлено, что раскопанный в Костобе дом относится к III—V вв. В пользу этой датировки говорят и названные нами предметы керамики, глиняный амулет, характерные для культур этого времени.

Раскопки в урочище Кок-Мардан дали интересный материал по истории древнего домостроительства. Как известно, всякое жилище можно рассматривать как определенный социальный заказ, реализуе-

Кувшин, найденный вблизи «жертвенника» одного из типичных домов III—V вв. (Костобе)

мый через домостроительную технику, направленный на выделение из природной среды общественной постройки с обеспечением максимума удобств при осуществлении ее основных функций. Характер же жилища определяется такими факторами, как социальный, экономический и экологический. В архитектурном решении и строительной технике может сказаться культурный традиционализм, восходящий к этническим чертам.

Установлено, что в описываемое время, охватывающее первую половину I тысячелетия, существовало три типа домов. Это прежде всего однокомнатные наземные дома, квадратные либо прямоугольные в плане. Аналогичны им по планировке и интерьеру дома, заглубленные в землю.

Вот как выглядел такой дом, раскопанный на городище Кок-Мардан.

Дом, прямоугольный в плане, площадью 43 кв. м, соединялся коленообразным коридором с улицей, имел тамбуровидный вход. Вдоль западной и северной стен — суфы с выступами в середине. Напротив входа, в центре, напольный прямоугольный очаг с глиняными бортиками⁷. Слева от входа, в тамбуре, в стенке — два ряда каминов⁸. Юго-Восточный угол отделен глиняной невысокой стенкой как хозяйственный отсек, своего рода кухни.

В полу помещения — три прямоугольные ямки от баз подпорных столбов. Четвертая вместе с полом явно разрушена, но вполне ясно, что она была, как и подпорный столб, и кровля дома имела опору на четыре столба. В потолке, видимо, было устроено световое, оно же дымовое отверстие. Поскольку дым выходил и через дверь, то понятно, почему очаг и камины приближены к выходу.

Для дома такого типа характерны очаги открытого типа, служившие и для обогрева жилища, и для приготовления пищи. Такие очаги широко были распространены в средневековом жилище Казахстана и Средней Азии и как реликтовая форма дожили до недавнего времени, выполняя при этом ритуальную роль. Камин, или «стенные очаги»⁹, представляющие собой вырубленные в стенах сферические ниши, служили для выпечки хлеба.

Сосуды — хумы, горшки для хранения запасов продуктов — располагались в углах помещений и на суфах. Под хранилища использовались бочкообразные и корытообразные емкости, слепленные из полос сырой глины.

Варьируют размеры отдельных домов. Наиболее крупные имеют площадь от 35 до 45 кв. м, небольшие — от 12 до 20 кв. м. Больше всего таких домов (85 %), которые имеют площадь от 20 до 35 кв. м. От размеров дома зависел характер перекрытия. В больших домах кровля опиралась на четыре столба; в средних на один столб опиралась одна прогонная балка или две перекрещенные. В маленьких домах опорой кровле служили только стены.

Второй тип дома, вскрытый на Кок-Мардане, — двухкомнатный, назначение второй комнаты, которая отделялась от жилой капитальной стеной, — под кладовую. В одном из таких домов, прямоугольных в плане, из общей площади 27,1 кв. м. на кладовую приходилось около 7 м. Характерны и Г-образная суфа, устроенная вдоль южной и восточной стен, прямоугольный очаг, находившийся ближе к выходу, расположение камина у восточной стены. В кладовой стояли два овальных закрома из глины, хум и тумба для ручного мельничного постава с вмазанным нижним жерновом.

Третий тип дома — многокомнатный, такой дом раскопан на Костобе. Из трех или пяти помещений одно представляло собой жилую комнату с суфами вдоль двух или трех стен. Напольный очаг в виде круглой, либо подпрямоугольной площадки, камин, хозяйственный отсек

⁷ Размеры: 1×1,5 м.

⁸ Размеры: 0,2×0,2 м.

⁹ Размеры: глубина — до 0,4 м, высота — до 0,3, ширина — до 0,4 м.

у напольного очага — вот основные детали жилого помещения, другие помещения служили кладовыми — в них стояли хумы, глиняные емкости.

Все три типа дома традиционны для Южного Казахстана начиная уже с конца I тысячелетия до н. э. Много общего прослеживается при сопоставлении их, например, с домами, раскопанными на поселении Алтын-Асар на Нижней Сырдарье: здесь в однокомнатных домах устраивались так называемые лотковые входы, сравнимые с тамбуровидными входами Кок-Мардана, Г-образные и П-образные суфы, прямоугольные очаги и камины, поставы для зернотерок; строительный материал — прямоугольный сырцовый кирпич.

Параллели жилищам Южного Казахстана можно найти в материалах раскопок соседних регионов. Так, жилище согдийского горного поселения VII—VIII вв. Гардани-Хисор имеет общие черты в планировке и устройстве с кокмарданским: в одно-, двух- и трехкомнатных домах здесь вдоль стен устроены емкости для хранения зерна; в однокомнатных домах деление на хозяйственную и жилую части условно; в двухкомнатных второе помещение обязательно кладовая с закромами. Сближает жилище двух этих поселений такая характерная деталь, как наличие двух-трех очагов для отопления и приготовления пищи. Причем на Гардани-Хисор так называемые «равоктануры» — сводчатые очаги — аналогичны каминам Кок-Мардана, тоже имевшим на дне глиняные сковородки и предназначавшимся для выпечки хлеба.

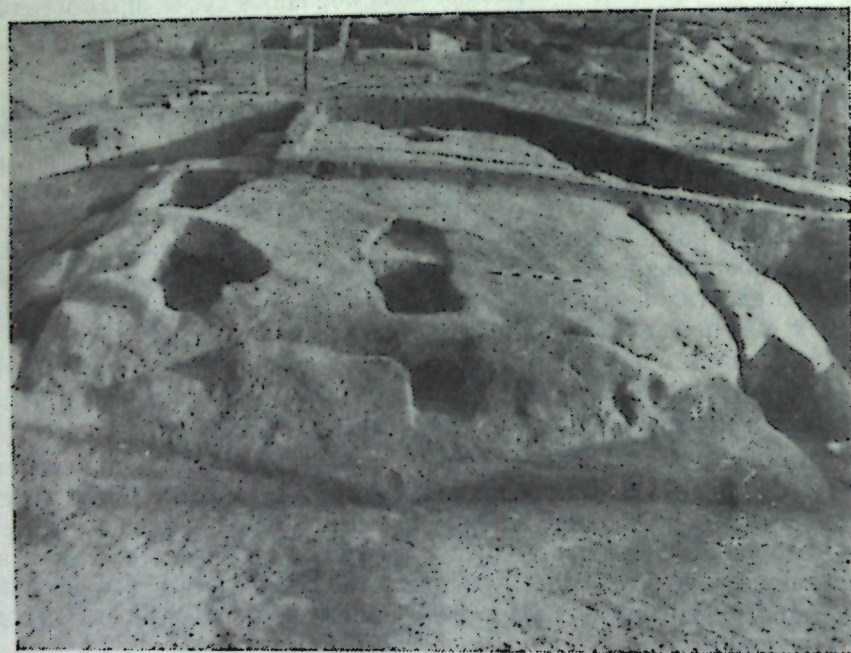
Есть общие черты в планировке четырехколонных помещений в домах Пенджикента и Кок-Мардана. Например, в домах Пенджикента выступы-эстрады в середине похожи на суфы Кок-Мардана. А помещения с тамбуровидными входами, с суфами вдоль двух, трех или всех стен, совмещавшие в себе жилые и хозяйственные функции, характерны и для тохаристанского замка Балалыктепе и раннесредневековых памятников Усрушаны.

Наблюдается известное сходство городского жилища Южного Казахстана с жилищем афригидского Хорезма, где в массивах жилой застройки поселений и замков выделяются отдельные секции из двух (трех) помещений: одно из них жилое, другое — хозяйственное. В жилых помещениях у стен имелись Г-образные суфы. В комнатах один, два или несколько очагов различного типа и назначения. Реликты таких жилищ сохранились на Памире, в Фергане, на равнинной части Зеравшана.

Приведенные сопоставления позволяют ученым считать, что Отрарский оазис входил в зону формирования традиционного жилища казахстанско-среднеазиатского региона.

Интересные результаты получены при изучении характера поселений Кок-Мардана. Как сейчас выяснено, они располагались на берегах рек или речных протоков. Во всех городищах выявлен мощный культурный слой, свидетельствующий о постоянной и долговременной оседлости жителей. Находки зерен злаковых, наличие зерновых ям, соломы в обмазке пола и в сырцовом кирпиче, обнаруженные зернотерки и хумы для хранения запасов зерна, каменные мотыги, костяные земледельческие орудия — все это указывает на развитие здесь земледелия. Бесспор-

но, что оно было поливным, хотя приемы ирригации отличались простой. Предварительное изучение ее в урочище Кок-Мардан показало, что для орошения использовались обвалованные старицы Арыси и дамбированные протоки, из которых выводились короткие (до 100 м) каналы, подводившие воду к полям и огородам. Следы каналов, остатки плотин и дамб прослежены при изучении урочища и при дешифровке аэрофотоснимков памятников и их окрестностей. Ирригационные сооружения

Глинобитная платформа с выбитыми в ней катакомбами для захоронений, III—V вв. (Кок-Мардан)

Кок-Мардана типичны для нижней Сырдарьи. Так, в урочище Джеты-Асар выявлены короткие арыки длиной 40—50 м, обнаружены следы четырехугольных полей. Арыки, подводившие воду к полям, текли из примитивного водохранилища, сооруженного на протоке.

Важной отраслью хозяйства являлось скотоводство. Об этом мы узнаем по большому количеству костных остатков домашних животных — лошади, овцы, козы, крупного рогатого скота — на поселениях. В жизни поселенцев большую роль играла охота. При раскопках найдены кости косули, тау-теке, архара, сайги. Часто встречаются рога архара и марала, служившие для изготовления разнообразных изделий. Жители охотились на водоплавающую птицу — уток, гусей, пеликанов, ловили рыбу (о чем свидетельствуют находки рыбных костей и чешуи), применяя гарпуны, различные рыболовные снасти.

В предгорных районах определенное значение в хозяйстве играло

собирачество плодов дикорастущих яблонь, груш, урюка, боярышника, фисташки. Заготавливали горный лук, чеснок.

Как известно, в археологической науке одним из объектов изучения являются кладбища. Раскопки таких мест очень часто дают историкам бесценный этнокультурный материал. Для района Средней Сырдарьи типично местонахождение некрополя рядом с городом. Обычно это курганные могильники, насчитывающие от нескольких до сотен всхолм-

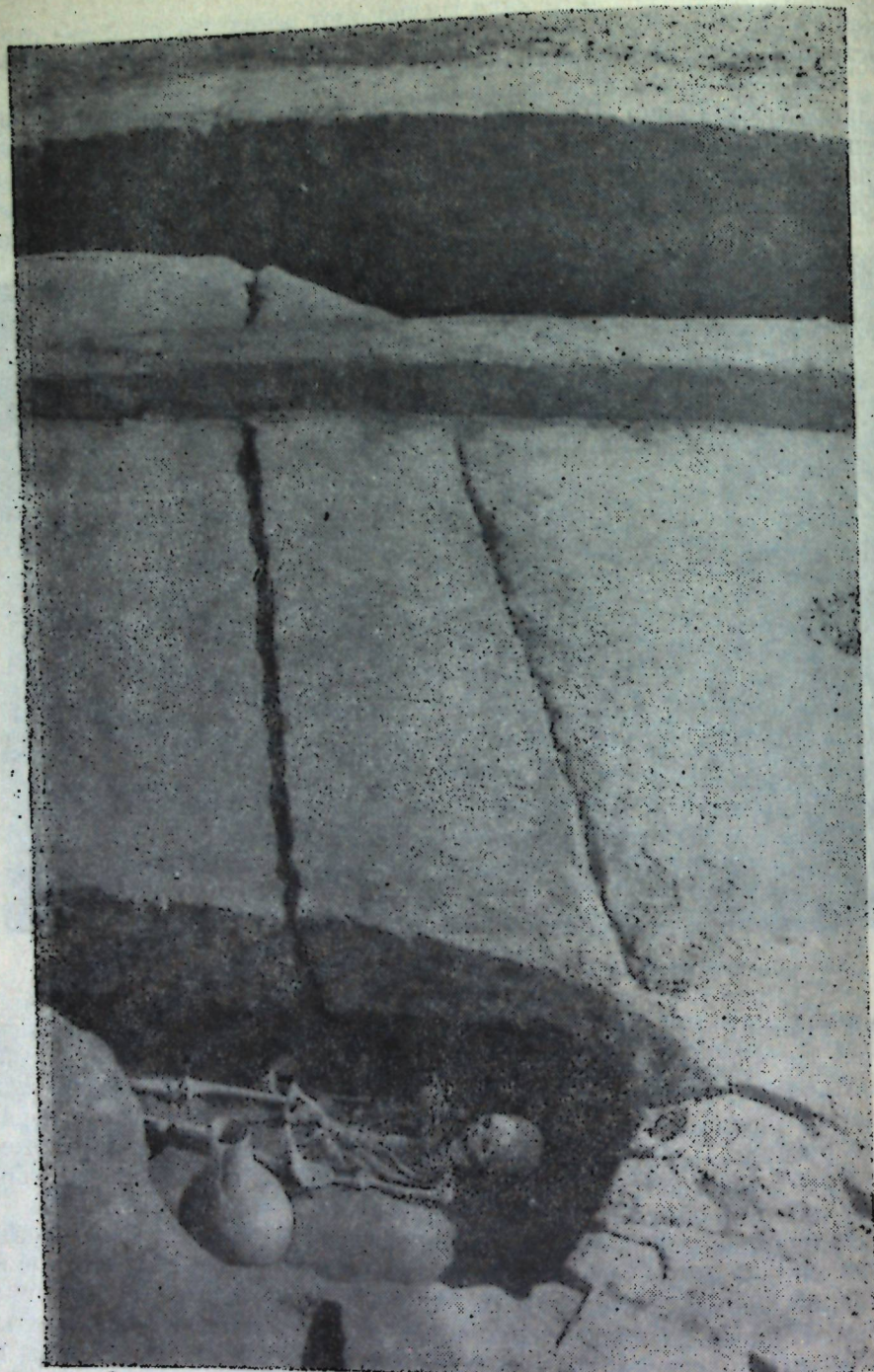

Захоронение ребенка в могильной яме рядом с платформой, III—VI вв. (Кок-Мардан)

лений. Например, Борижарский могильник шириной 1—1,5 км на Арыси вытянулся вдоль реки на несколько километров. Могильники вблизи Кок-Мардана, Пшук-Мардана, Костобе — тоже курганные. Обычно под курганом располагалась могильная яма, в которую вел узкий коридор — дромос. И яма, и дромос вырубались в толще лёссовых отложений. Кроме того, встречены захоронения в обычных грунтовых ямах или ямах с нишей в одной из сторон «в подбоях».

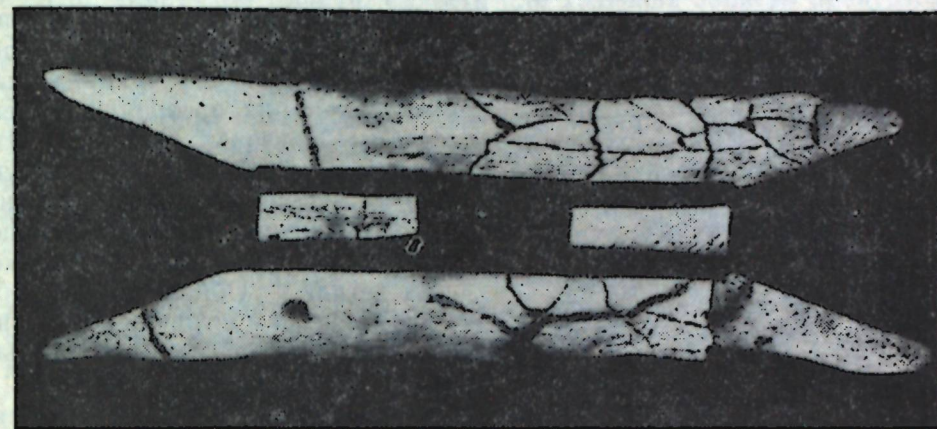
На некрополе Кок-Мардана были найдены необычные погребальные сооружения — искусственные паховые платформы подчетырехугольной в плане формы размерами 4×4, 5×5 и сохранившейся высотой до 3 м. Первый из приведенных выше снимков позволяет представить, как выглядели специально сооружавшиеся паховые¹⁰ платформы с

¹⁰ Паховые — глинобитные.

Захоронение в катакомбе, выкопанной в платформе, III—VI вв.
(Кок-Мардан)

выбитыми в них катакомбами¹¹. По периметру платформы крепились глинобитными стенами. В платформе вырубались могилы, в которых захоранивали умерших. Причем наблюдается закономерность, при которой наиболее богатые захоронения располагались по углам, а детские — занимали определенный участок платформы. Все это сооружение являлось, таким образом, своеобразной коллективной усыпальницей.

Костяные накладки, служившие для повышения упругости основы лука, III—VI вв. (Кок-Мардан)

содержащей десятки захоронений. Возможно, считают исследователи, это было своего рода родовое кладбище; высказывается предположение, что жители каждого квартала Кок-Мардана имели свое кладбище. На втором снимке вы видите пример захоронения в грунтовой могиле, выкопанной рядом с платформами, на третьем — погребение в катакомбе.

Покойники, судя по положению расчищенных скелетов, не имели строгой ориентировки: головы их обращены по направлению всех сторон света. В могиле обычно захоронено от одного до пяти-семи умерших. Рядом с погребенным принято было помещать различные предметы, что позволяет сделать вывод об определенном ритуале. Это — посуда с пищей и водой, предметы вооружения, украшения.

Как всегда посуда керамическая — кувшины с носиками, кружки, чаши на трех ножках, миниатюрные сосуды (обычно встречаемые в детских захоронениях). На стенках некоторых сосудов сделаны налесты в виде змей, имеются процарапанные тамгообразные знаки, прочерченные схематизированные изображения горных козлов.

Предметами вооружения служили железные трехлопастные наконечники стрел, сложный лук с костяными накладками, длинные железные мечи и однолезвийные кинжалы. Как выглядели, например, костяные накладки для лука, можно представить по приведенному снимку.

¹¹ Катакомба — могильное сооружение в виде выкопанной в земле сводчатой камеры и идущего к ней с поверхности земли лаза — дромоса.

В захоронениях Кок-Мардана найдено много пряжек из железа и бронзы, когда-то скреплявших кожаные пояса. Среди украшений — каменные, металлические бусы, серьги и подвески со вставками из цветных камней, с гроздьями бронзовых или золотых шариков, гривны, сплетенные из проволочных дров, шпильки, т. е. предметы, сопутствующие захоронениям женщин.

Определенно к женским могилам относятся такие предметы, как бронзовые зеркала, сурматаши — предметы из графита для сурмления

бровей. Одна из находок — бронзовый медальон, украшенный вставками из прозрачного стекла, и бронзовая цепочка. Эти предметы изображены на рисунке в том виде, в каком найдены в захоронении: разорванная цепочка, разрушившиеся от времени детали... Обращает на себя внимание симметричный узор на медальоне, фигурные листья, обрамляющие его...

Захоронения в большинстве своем были разграблены еще в древности. Но сохранились и не потревоженные погребения, среди которых есть богатые — с большим количеством украшений, оружием, глиняными сосудами. В бедных могилах вещей меньше и нет изделий из драгоценных металлов. В детских захоронениях, как правило, встречаются один-два глиняных сосуда.

Характерно для могил Кок-Мардана присутствие различных амулетов-подвесок, среди которых много бронзовых фигурок козлов, птиц и пр. Встречаются бусы из сердолика, агата, гагата, горного хрусталя, стекла стекло-

видной пасты. Интересны бляшки от поясов, поясные пряжки, а также изделия из золота — серьги с подвесками в виде гроздей шариков, бляшки, украшенные вставками цветных камней и зерну, плетеные цепочки...

Все эти находки служат объектами для глубокого изучения культуры народа, жившего много веков назад.

И все же основной материал, который находят археологи при раскопках древних городов и поселений, — это керамика. Обращение

к гончарным изделиям ученых позволяет представить быт, интересы, творческие наклонности, род занятий населения. Керамика, обнаруженная на Кок-Мардане, например, преимущественно хозяйственного назначения: сосуды для приготовления пищи — котлы, горшки с крышками, сковороды, очажные подставки; сосуды для переноски воды — широкогорлые кувшины с одной или двумя ручками, кувшины с горизонтальной ручкой, двуручные горшки; емкости для хранения запасов продуктов — хумы, хумчи, кувшины. Найдены и предметы бытового назначения — керамические светильники. Столовая керамика — крышки, кувшины, чаши, изготавливавшиеся на гончарном круге, очень изящны. Большой художественный вкус отличает массовые изделия. Так, у кружки котла наклепная ручка выполнена в виде фигурки животного с горбоносой мордой, с характерным для травоядного крупом с торчащим вверх коротким хвостом. Можно предположить, что изображена степная антилопа — сайга.

Жители Кок-Мардана, умевшие выплавлять железо, делали из него жизненно необходимые вещи — серпы, ножи, наконечники стрел. Об этом говорят найденные круглые крицы — заготовки железа, из которого кузнецы и выковывали эти предметы.

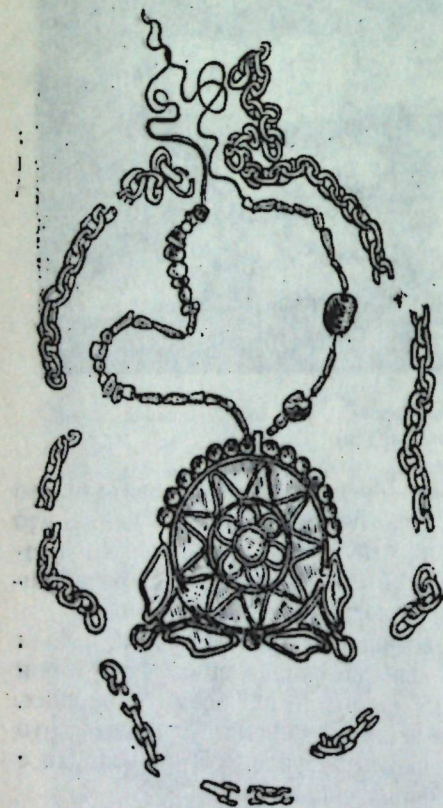
Изделия ремесленников-косторезов многообразны: это и накладки для сложносоставных луков, и ручки ножей, и булавки, и застёжки. Интересны, например, амулеты из фаланг волка, орла, собаки, что наталкивает на мысль, что, имея дело с амулетами, люди верили, что к ним переходят некоторые качества животных и птиц. Оригинальны выточенные из кости длинные булавки с фигурными головками: по-видимому, булавки служили для закрепления прически.

Памятники урочища Кок-Мардан отнесены археологами к так называемой отарско-каратауской культуре, которая наряду с джеты-асарской и каунчинской, характерной для городов нижней Сырдарьи и Ташкентского оазиса, сопоставляется с тем государственным объединением Кангюй, о котором мы рассказали. Пока из памятников этих культур, обследованных в наиболее ранних пластах, мы имеем дело с относящимися к рубежу нашей эры.

Расцвет культур связан с развитием оседло-земледельческих центров, которое относится к середине I тысячелетия: тогда уже формировались города. В конце III — начале IV вв. по археологическому материалу заметны значительные изменения. Под воздействием населения, пришедшего с востока — кочевых племен, в материальной культуре происходят значительные изменения. Появляются признаки, характерные для гуниских памятников Тувы и Монголии. Если раньше антропологический материал представлял два типа — хорасанский и восточно-средиземноморский, то к IV в. появляется тип смешанный — европеоидного с монголоидным. Отмечается к этому времени и изменение лингвистической ситуации: тюркский язык вытесняет иранские языки.

Пришельцы, а это, видимо, были гунны и другие центральноазиатские племена, дали толчок для движения джетыасарских и отарско-

Бронзовый медальон и цепочка из захоронения, V—VII вв. (Кок-Мардан)

каратауских племен вверх по Сырдарье, в Среднюю Азию и на Средний Восток. Часть населения продвинулась через Приаралье на Кавказ. Следы хлынувшей в VI — начале VII вв. второй волны племен из Центральной Азии — тюрков — проявились прежде всего на памятниках Средней Сырдарьи. В Отрарском оазисе сложился в IV — первой половине IX в. новый культурный комплекс с элементами культуры местных племен, отраженной в таких находках, как предметы прикладного искусства. В это время прекратили свое существование многие из поселений и городов отрарско-каратауской культуры. Население, вытесненное в низовья Сырдарьи, вместе с джетыясарцами ушло в район «болотных городищ» — дельты Сырдарьи и Амударьи, а оставшееся вошло в состав Кангарского объединения — Кангу Тарбан, существовавшего в VII—IX вв. с центром на Средней Сырдарье в Отраре. Жители — кангары (печенеги) — расселились не только здесь, но и на нижней Сырдарье, сыграв, как уже говорилось, важную роль в формировании огузского, а затем кыпчакского союза племен.

Широкие археологические исследования памятников отрарско-каратауской культуры только начинаются. Сделано еще крайне немного: выявление, фиксация городищ, поселений, могильников, раскопки некоторых из них. Однако ясна перспектива изучения этих памятников как материала, хранящего тайну важного и малоизвестного периода истории Казахстана.

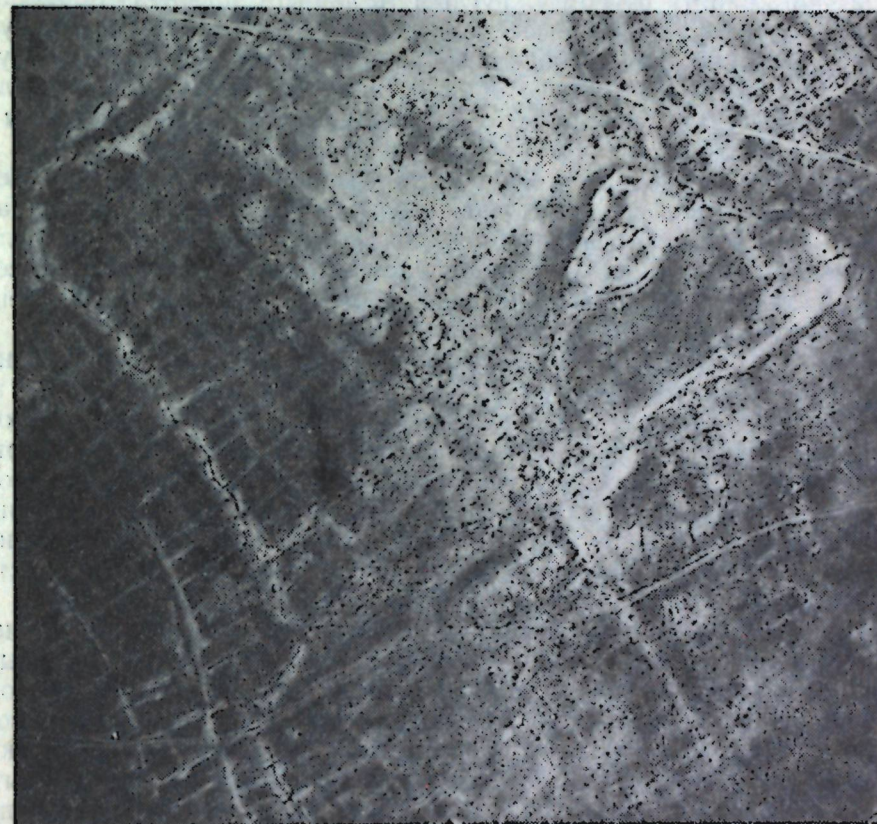
Тайны Куюк-Мардана, „горелого холма,,

Одна из гипотез возникает у археологов при изучении крупного бугра Отрарского оазиса — Куюк-Мардана. Ученые считают, что именно здесь в I тысячелетии жили те самые кангары (печенеги), которым в VII—IX вв. принадлежало владение Кангу Тарбан на средней Сырдарье с центром в Отраре и которые за период I—VII вв. сформировали отрарско-каратаускую культуру.

«Куюк-Мардан» переводится «горелый Мардан». Но памятник известен и как «Конуртобе», что буквально означает «коричневый бугор». Название, данное местными жителями, очень точно отражает особенности этого городища. Дело в том, что его верхние слои состоят из мощного слоя золы, сгоревшего камыша, дерева и других органических остатков. Это очевидное доказательство того, что город, который когда-то здесь существовал, сгорел. С самолета топография Куюк-Мардана очень четкая. Хорошо просматриваются три отдельно стоящих коричневых бугра и площадка, примыкающая к ним, окруженная стеной. Приведенный снимок аэрофотосъемки помогает представить, какой была планировка сгоревшего города.

Городище имеет сложную топографию, сформировавшуюся за многие столетия, отдельные участки складывались и функционировали в разное время. Бывшая цитадель, например, представляет собой плоский

подчетырехугольный в плане бугор с площадкой¹² наверху, который плавно понижается в юго-западной и северо-восточной частях, где прослеживаются ложбины въездов и направления идущих от них улиц. Юго-западнее к цитадели примыкает шахристан в виде овального холма высотой 7—11 м, который тянется до гребня стены (если измерять поверху) на 180 м с севера на юг и на 160 м — с востока на запад.

Снимок Куюк-Мардана с самолета

Поверхность шахристана плоская, но на ней выделяются участки с хорошо прослеживаемыми остатками стен от построек верхних строительных горизонтов. По краю гребня шахристана ниже гребня прослеживается массив крепостной стены.

Г-образный бугор, расположенный в 15 м западнее от подошвы цитадели, имеет крутые склоны. Это остатки башни длиной поверху 40 м, шириной 10—15 и высотой 14 м. Башня фланкировала основной въезд на территорию городища, расположенный в западном обводе стен. Ложбина въезда у южной подошвы холма выводила на овальную

¹² Размеры: 55×50×14 м.

площадь (6×30 м), а от нее шел въезд на территорию цитадели и шахристана.

К бугру шахристана примыкает территория рабада, прямоугольная в плане, имеющая 650 м по линии юго-запад — северо-восток и 260 м — по линии северо-запад — юго-восток и окруженная стеной. Южная часть рабада плоская, северная — возвышенная, с несколькими буграми. Восточная часть занята бугром, округлым в плане, с плоской площадкой наверху диаметром до 120 и высотой 8 м. В рабаде в отличие от других участков городища при раскопках собрана коллекция обломков глазурованной посуды XI—XIV вв., которая, по нашему мнению, производилась в гончарных печах, остатки которых найдены с восточной стороны на берегу древнего рва.

Если говорить вообще о подъемном материале городища (монеты, чеканенные в Китае, Бухаре в период раннего средневековья, хрустальные бусы, амулеты, накладки от наборных поясов), то он позволяет заключить, что городище существовало в I—IX вв., а в X—XII вв. заселены были только территория цитадели, восточный бугор, и, наконец, в XIII—XIV вв. обживалась территория только восточного бугра.

Раскоп был заложен на бывшей цитадели городища и «привязан» к центральной улице, идущей от въезда и пересекающей цитадель с юга на север. Отмечены три строительных горизонта, из которых верхний не сохранился: развеян и смыт, остались лишь участки пола, мусорные ямы, лежащая на поверхности керамика (IX—XI вв.). Постройки второго сверху строительного горизонта сгорели, об этом говорят обгоревшие стены домов, обуглившиеся деревянные остатки перекрытий, спекшиеся куски глиняной обмазки кровли. Но во втором горизонте вскрыты остатки двух домов.

На снимке вы видите раскопанную жилую комнату¹³ с напольным очагом, прямоугольным в плане, в центре. Бортики очага сделаны из глины. От него идет невысокая стенка, соединяющая его с углом помещения и отгораживающая на поверхности пола хозяйственную зону, где при расчистке собраны раздавленные обломки кувшинов, кружки с геометрическим орнаментом, кухонные банкообразные сосуды, покрытые густой копотью. Возле очага на полу найдена литая бронзовая монета VII—VIII вв., а также железные пластины защитного доспеха. У восточной стены — суфа¹⁴, края которой выложены сырцовым кирпичом. Слева на снимке — еще одно помещение — кладовая¹⁵, трапециевидная в плане, соединенная с жилой комнатой проходом шириной около 1 м. Использовалась кладовая и в последний период жизни городища (верхний строительный горизонт): когда помещение очистили от завалов, на новом полу лежали обломки керамики, относимые к IX—XI вв.

Вход во второй дом, тоже состоящий из жилого помещения и кладовой, находился со стороны тупичка, по коридору длиной 6 м жилец попадал в комнату¹⁶, в которой вдоль двух стен была устроена Г-образ-

¹³ Размеры: 4,2×4,5 м.

¹⁴ Размеры: 1,5×0,4 м.

¹⁵ Размеры: 3,7×3,7 м.

¹⁶ Размеры: 5,4×3,5 м.

Жилая комната с очагом, VII в. (Куок-Мардан)

ная суфа со ступенькой на полу ближе к ее углу. В северном углу и в конце коридора — прямоугольные закрома, отгороженные глинобитной стенкой площадки пола.

В центре помещения — следы находившегося здесь прямоугольного напольного очага, имевшего в топочной части подпрямоугольный выступ, глиняные бортики. В расчищенной возле конической ямке диаметром 15 и глубиной 10 см была найдена бронзовая литая монета и косточки персиков. Здесь же обнаружены керамические столовые кувшины и кружки. В кладовой¹⁷ второго дома вдоль длинных стен стояли восемь хумов, причем в семи из них находилось обугленное зерно, а в одном — неочищенный от семян хлопок. На полу были раскопаны обгоревшие яблоки.

Оба раскопанных на Куяк-Мардане дома, как, впрочем, и весь второй строительный горизонт, относятся, судя по монетам и керамике, к VII—VIII вв. Эту датировку подтверждают и найденные здесь кувшины со сливами, светильники, покрытые темно-вишневым, коричневым и черным ангобом с вдавленным орнаментом геометрического характера (рамки из косых линий, сетка, полуovalы) — керамика, типичная для Отрарского оазиса второй половины VII — первой половины IX в.

В третьем строительном горизонте, который предварительно относится к VI — первой половине VII вв., обнаружены девять помещений, три из которых оказались трехкомнатным домом. Наибольший интерес вызвала одна из комнат, входившая в состав единого жилого комплекса с двумя другими. Высота стен этой довольно большой комнаты¹⁸ сохранилась до 2,3 м (в наиболее высокой северной части). От входа, находившегося с угла, остались четыре ступеньки. У двух стен, западной (ширина — 1,3 м) и северной (ширина — 1,2 м) расположены разные по высоте суфы.

Керамика, найденная при раскопках цитадели Куяк-Мардана, сохранилась в основном в сгоревших помещениях. Выделяются массивные сосуды типа хумов, хумчей, больших кувшинов, кухонных сосудов, изготовленных из рыхлого теста. Корпус хума яйцевидной формы, дно — широкое (45 см), высота достигает 1,2—1,5 м. На сосудах встречаются рисунки в виде прочерченных по сырой глине разнообразных знаков — кругов, крестов, треугольников. В хумах хранили зерно и хлопок¹⁹. Из кухонной керамики обращают внимание горшковидные сосуды, сосудики типа небольших кружек с ручкой от края венчика к плечу и котлы. Изготовлены они из рыхлого теста со значительной примесью толченой керамики и прокопчены до черноты. «От руки» или же с помощью вращающейся подставки выполнена своеобразная группа керамики, в которой особенно привлекательны кружки с круглой «зубчатой» ручкой и небольшие горшкообразные сосуды. На изделие наносился слой ангоба, после чего поверхность тщательно затиралась. Применялся ангоб раз-

¹⁷ Размеры: 2,5×5,2 м.

¹⁸ Размеры: 5,7×10,4 м.

¹⁹ В хуме с обугленным хлопком в придонной части было сделано круглое отверстие (очевидно, для вентиляции содержимого).

личных цветов, но на найденных предметах преобладают темно-красный (вишневый), коричневый, черный. На плечиках обычно нанесен вдавленный орнамент в виде пояса, заполненного параллельными линиями, образующими треугольные фигуры или ромбическую сетку. Керамика подобного типа хорошо известна в Отрарском оазисе из раскопок Отрара, Куяруктобе, Алтынтобе, а также городищ от Ферганы до нижней Сырдарьи.

Своеобразную категорию керамических поделок представляют чашевидные курильницы. Встречены фрагменты двух таких курильниц. От одной сохранилась чаша — резервуар диаметром 11 см, сильно закопченный, и обломок цилиндрической ножки. Лучше сохранилась другая курильница: часть чаши — резервуар диаметром 16 мм и кусок полый ножки. Наружный край венчика чаши украшен резными зубчиками, расширяющаяся полая ножка ее декорирована резным узором в виде дерева, выше этого узора — геометрический рисунок: треугольники, заполненные параллельными линиями.

От светильника, который, по-видимому, был выполнен в виде сосуда, покрытого богатым резным орнаментом, сохранился фрагмент — элегантная горловина, заканчивающаяся грациозной головой козла. На снимке этот фрагмент воспроизведен и позволяет отнести изделие к разряду тех, которые несут на себе отпечаток зооморфного мотива. Он встречается неоднократно и в находках, выполненных из бронзы, так, две подвески-амулеты из Куяк-Мардана — ни что иное, как фигурки козлов. На одной из фигурных накладок ремня (а она квадратная) изображен лев с поднятым кверху хвостом и оскаленной пастью.

На городище найдены и другие изделия из бронзы. Это два гладких браслета, подвеска от серьги, с шишечкой в верхней части кольца, два перстня с круглой и квадратной жуковинами и зелеными стеклянными вставками. Интересна бронзовая пряжка с подвижным язычком и

Фрагмент кувшина, выполненного в зооморфном стиле, VII в. (Куяк-Мардан)

Бронзовая фигурка женского божества, VII в. (Куюк-Мардан)

Костяные заколки для волос, VII в. (Куюк-Мардан)

прямоугольной рамкой, а также бронзовый разделитель ремней от конской упряжи.

Обнаруженные на полу одного из помещений железные пластины²⁰ (всего 21 шт.) принадлежали защитному доспеху, широко использовавшемуся в VI—VIII вв. и позже в военном деле. Верхний край пластин прямой, нижний — овальный. Пластинам придана легкая выпуклость. Сквозные отверстия расположены в определенном порядке: два — у верхнего края на равных расстояниях от углов, по два — у боковых граней в центре, три — по средней оси (одно в центре, два — ближе к нижнему овальному краю). «Спекшиеся» пластины позволили предположить, как они крепились к доспеху: верхняя часть пластин перекрывалась пластинами вышележащего ряда (в ряду пластины расположены так, что край одной заходит под край соседней), а второй ряд соответственно перекрывал край пластины, расположенный с другой стороны.

Аналогичные по типу находки характерны для раннесредневековых памятников Средней Азии и Южного Казахстана.

Монеты, относящиеся к местному чекану, датируются второй половиной VII—VIII вв. Особенно интересны те, на которых есть изображение льва на одной стороне и тамгообразный знак — на другой. Знак близко напоминает тамгу печенегов, которую воспроизвел автор XI в. Махмуд Кашгарский, и заставляет задуматься: не оставили ли их жители владения Кангу Тарбана...

Некоторые находки, обнаруженные при раскопке некрополя, расположенного в 700 м к востоку от центрального въезда в городище, тоже можно предположить принадлежащими кангарам. Так, у божества с сосудом в руке, воплощенного мастером в изящной бронзовой фигурке, которую вы видите на снимке, вытянутое книзу лицо. Заостренность подбородков кверху обнаружена на деформированных черепках некоторых погребенных. Как тут не вспомнить облик кангюйцев на костяных пластинах из могильника Курган-тепе... Однако на огромной глиняной платформе некрополя Куюк-Мардана в склепах из сырцового кирпича были захоронены жители города V—VII вв., потомки кургантепинских кангюйцев — кангары (печенеги), жившие в эпоху средневековья.

Какие же еще сведения дают раскопки некрополя?

Судя по расположению скелетов, погребенные лежали в вытянутом положении на спине, реже — в скорченном положении. При захоронении мужчинам в могилу клались оружие — длинные обоюдоострые мечи и короткие кинжалы из железа, некоторых подпоясывали богатыми наборными поясами с железными пряжками (в одном случае — из нефрита) с хоботовидными язычками. Для женских захоронений характерно множество бус из хрусталя, сердолика, стекла. На фото приведены женские фигурные заколки для волос, изящные, выполненные из кости.

Предварительный анализ материала городища Куюк-Мардан и его некрополя, в том числе керамического, бронзового и нумизматического, позволяет предположить, что «горелый слой» связан с жизнью на средней

²⁰ Размеры: 6×3,5 (4 шт.), 5,0—5,4×3,3—3,8 см (17 шт.)

Сырдарье кангаров (печенегов) в VII—IX вв. Вряд ли возможно установить точную дату гибели города, когда-то шумевшего на месте нынешних развалин... По всей вероятности, его разрушили арабы во время похода в Отрар в начале IX в., либо правитель саманидов — Наср ибн Ахмад²¹, который в середине этого же столетия совершил поход в Отрар и Шавгар. Однако ясно, что катастрофа случилась осенью, когда был убран урожай зерна и хлопка. Об этом говорят обугленные запасы в кладовых сгоревших домов...

Куйруктобе — отчетливые следы города Кедер

...Помните, летописцы XI в. перестали упоминать Кедер, город «воинственных и храбрых жителей», который был центром округа Фараб на Средней Сырдарье? Историки, считая, что он пал вместе с государством огузов под ударами кыпчаков, однако, долгое время не могли подтвердить раскопками его местонахождение... Литературные сведения оставили археологам две «зацепки»: ал-Истахри писал о том, что Кедер находился «на расстоянии половины фарсаха от реки», а ал-Макдиси (X в.) указывал на существование в Кедере мечети... Эти сведения имелись в виду при рассмотрении материалов раскопок одного из средневековых бугров Отрарского оазиса. Речь идет о Куйруктобе.

Сразу можно сказать, что в настоящее время Куйруктобе отождествляется с Кедром именно в силу подтверждения приведенных выше литературных данных. Кроме того, об этом говорят предметы, найденные при раскопках городища.

Прежде всего локализация Кедрa на месте Куйруктобе определяется тем простым фактом, что городище действительно находится примерно на том расстоянии от Сырдарьи, которое указано у ал-Истахри, — в полуфарсахе (3,4—4 км). Оно могло быть центром округа Фараб (Отрар), так как находится всего в 5 км северо-западнее Отрартобе. В числе доказательств тождества Куйруктобе и Кедрa важным является обнаружение при раскопках соборной мечети, именно о ней мог упомянуть историк X в. ал-Макдиси.

Раскопки Куйруктобе позволяют представить характер застройки, особенности быта и культуры жителей знаменитого Кедрa.

В топографии городища выделяются цитадель, шахристан площадью 5 га в виде овального в плане бугра высотой 7 м и неукрепленный рабад.

Цитадель представляет собой холм с площадкой²² наверху и занимает северо-западный угол шахристана. Остатки рабада площадью 25 га сконцентрированы вдоль каналов.

²¹ Михайлова А. И. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии. IX в. // Эпиграфика Востока. М.; Л., 1951. Т. 5. С. 17; Якубовский А. Ю. Об одном раннесаманидском фельсе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры: (Вып. XII), М., 1946. С. 111.

²² Размеры: 30×30 м при высоте 14 м.

Раскоп на цитадели открыл строительные конструкции трех временных строительных периодов: самые верхние постройки, принадлежавшие кварталу гончаров, датируются второй половиной XI—XII вв., средние постройки, являвшиеся компактным городским кварталом, — второй половиной IX—XI вв., конструкции нижнего, первоначального горизонта, относившиеся к дворцовой постройке цитадели — второй половиной VII — первой половиной IX в.

Что представляла собой дворцовая постройка цитадели?

Постройка была поставлена на искусственную платформу, представлявшую собой сложное сооружение: несколько рядов стен из блоков пахсы, разделенных поперечными перегородками из сырцового кирпича на отсеки, забитые лессом, строительным и хозяйственным мусором. Разрез холма цитадели по линии север — юг позволил установить размеры платформы: 80×80 м.

Сама постройка сохранилась плохо: наружные края полностью смыты, все внутренние стенки срублены при позднейших перестройках. Нетронутыми остались лишь капитальные стены²³, сложенные из пахсовых блоков и длинномерного сырцового кирпича и вторично использованные в строительных конструкциях позднего времени.

От нижней постройки сохранилась группа помещений и среди них представляет интерес парадный зал. Из четырех стен южная, высота которой 10—20 см от уровня пола зала, смыта наружу. Наиболее хорошо сохранились северная, западная и восточная высотой от 0,5 до 2 м. Они сложены из довольно крупных пахсовых блоков. Зал²⁴ площадью 157,5 кв. м соединялся с соседним помещением²⁵, вдоль стен которого устроены суфы шириной 1—1,2 и высотой 0,5 м, а в центре — круглый подиум диаметром 2 и высотой 0,4 м. В этом помещении в углу находились ступеньки, которые вели в обходной коридор. Из парадного зала существовали выход в обходную галерею²⁶ через коридор и входы в узкие помещения, расположенные в один ряд. Интерьер этих комнат сохранился плохо: вдоль стен их были устроены суфы, а на полах имелись открытые напольные очаги. В одном из помещений рядом с очагом найдена очажная подставка в виде барана. Очевидно то, что эти помещения были пристроены несколько позднее — за счет расширения платформы в восточном направлении.

При расчистке парадного зала по уровню пола и при раскопках помещений найдено много керамики, в том числе посуда, бытовавшая в Отрарском оазисе в VI — первой половине VII в.: кувшины с рифлением по горлу, горшковидные сосуды, хумы с прямоугольными венчиками. Другую группу керамики представляют кувшины грушевидной формы с массивными треугольными сливами, «пузатые» кружки с наклепными ручками, кружки и чаши с волнистым краем. Подобные образцы из Согда (в частности, в материалах Пенджикента) датируются VII—VIII вв.

²³ Размеры: 46×24×10—8 см.

²⁴ Размеры: 10,5×15 м.

²⁵ Размеры: 5,2×5,5 м.

²⁶ Ширина — 2—2,5 м, а сохранившаяся длина восточного участка — около 3 м.

Найдена также керамика, которую можно определить еще в одну группу. Это посуда: кувшины, кружки с одной или двумя зубчатыми ручками, покрытые темно-красным, вишневым и черным ангобом и украшенные геометрическим орнаментом в виде сетки, треугольников, гирлянд из полуovalов. Такая керамика изготавливалась во второй половине VII—IX вв.

На снимке вы видите очень известную находку, обнаруженную при раскопках в Куйруктобе, это две терракотовые фигурки фравашей — охранителей душ, отлитые в формах. Лица изображений горбоносые с миндалевидными глазами, руки скрещены на груди. В ушах серьги, головы увенчаны коронами, одежда — халаты и панцирные доспехи. Близкие аналоги фигуркам происходят из юго-западного Семиречья — там они встречены в виде напелов на оссуариях из Тараза и Красной Речки.

В числе находок следует назвать сердоликовую печать — инталию с резным изображением конегрифона и монеты. В частности, при раскопках замка на полу, в завалах и обмазке стен обнаружен нумизматический материал двух типов. Монеты первого типа на одной стороне имеют изображение льва, на другой — рунической монограммы «и-уш», монеты второго типа тоже со львом, но с другой монограммой — «ат». Выпуск монет датируется VII—VIII вв.

Время существования первоначальной постройки на цитадели определяется, таким образом, второй половиной VII — первой половиной IX в.

Интересные результаты получены при раскопках шахристана городища. Удалось выявить структуру города, проследить эволюцию городского жилища на протяжении с VI по начало XIII в.

Выяснилось, что во второй половине VII — первой половине IX в. город был застроен кварталами, представлявшими собой блоки домов, сгруппированных вдоль внутриквартальных улочек или отрезков магистральных улиц. Один из кварталов занимал площадь 306 кв. м и имел четыре дома, выделявшихся благодаря наличию в них помещений с очагами. Дома состояли или из одной или двух комнат. Однокомнатный дом (63,8 кв. м) имел вход, отделенный от помещения стенкой экраном. Вдоль трех стен — суфы высотой 0,4, шириной 0,7—1 м. У суфы, расположенной у западной стены, в середине имелся выступ — эстрада длиной 2,4, шириной 1,35 м. Почти в центре находилось пятно от разрушенного напольного очага. Для двухкомнатного дома характерно наличие второго помещения — кладовой.

На фотографии вы видите момент проведения работ при раскопках парадного зала одного из таких домов. В центре видна суфа — возвышение для нахождения знатных персон.

В X — начале XIII вв. происходило увеличение площади кварталов (до 1000 кв. м) и числа домовладений в нем (до 8—10). Один из кварталов сформировался на месте бывшей резиденции в цитадели, заняв 1005 кв. м. Дома были сгруппированы вдоль П-образной улочки. В юго-восточной части шахристана вскрыты три квартала второй половины

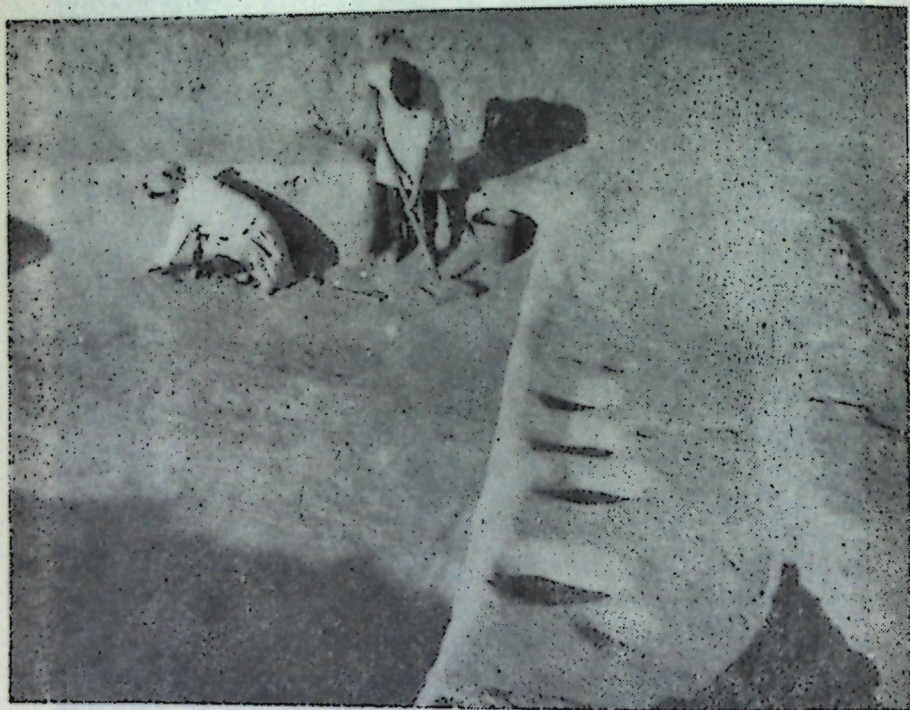

Глиняные фигурки фравашей — божеств, охранителей душ, VII в. (Куйруктобе)

XI — начала XII вв. Один из них («квартал Д») протяженностью 52 м примыкал к городской стене и состоял из восьми домовладений, выходивших на магистральную улицу.

На фото показана комната с прямоугольным очагом в центре в доме XI — первой половины XII вв., что говорит и об изменении плани-

ровки и интерьера домов. В это время, как и прежде, строились одно- и двухкомнатные дома, причем двухкомнатные состояли из жилого помещения и кладовой. В комнатах вдоль стен устраивались П- и Г-образные суфы. В центре на полу находились округлые или антропоморфные очаги суфы. В центре на полу находились округлые или антропоморфные очаги суфы. В центре на полу находились округлые или антропоморфные очаги суфы. Наряду с бортиком по краю и двумя наклепными шишками возле устья. Наряду с ними имелись камини. Получили распространение тандыры, которые устраивали на специальной тумбе. Рядом с очагом в одном из углов имелась хозяйственная зона в виде площадки с ямками и тумбой мельничного постава.

Парадное помещение в доме, VII — первая половина IX в. (Куйруктобе).

В XI в. появились новые типы домов: дома, где все помещения вытянуты по одной оси — анфиладная планировка, дома с крестовидной планировкой и дома с помещениями, поставленными в ряд параллельно друг другу. В жилых помещениях увеличилась площадь суфы, иногда она занимала четверть или половину помещения. Очаги либо напольные, либо в виде ямок на полу, либо в виде каминов, устроенных у стены или на краю суфы. В XII в. в домах стали устраиваться очаги-сандалы — в виде круглых или антропоморфных жаровен, вкопанных в пол до уровня венчиков. Внутренние стенки и дно сандалов украшались штампованным побегом, астральных знаков. Наряду с сандалами использовались пере-

носные очаги-манкалы в виде цилиндров на широкой пожке-уступе и подковообразных очажков.

К XII в. относится и распространение санитарно-гигиенических устройств — ташнау. Вначале это керамические корытца со сливами, соединенными с вкопанными сосудами, затем — вымощенные кирпичом площадки, в центре которых под полом находились сосуды для сбора нечистот.

Наряду с жилой застройкой представляют интерес общественные постройки города. Прежде всего это городская соборная мечеть, находив-

Комната с прямоугольным очагом в центре, XI — первая половина XII в. (Куйруктобе)

шая в центре города на пересечении магистральных улиц. Исследования показывают, что мечеть перестраивалась. От ранней постройки сохранились остатки стен из квадратного жженого кирпича размерами $22 \times 22 \times 4-5$ см. Более поздняя мечеть была в основном разобрана на кирпич для мусульманских захоронений XIII—XV вв. Однако по сохранившемуся остаткам стен удалось получить представление о ее облике. Стены толщиной 1,5 м были сложены по технике комбинированной кладки из жженого и сырцового кирпича. Мечеть, имевшая размеры по внешнему обводу стен $36,5 \times 20,5$ м, была вытянута по линии юго-запад — северо-восток. Пол остался лишь на отдельных участках.

В северо-западной части, которая сохранилась лучше, на полу расчищены основания (прямоугольные в плане, 79×10 см) 16 баз из

жженого кирпича. Предполагается, что таких баз существовало 50 в коротком ряду, 5 и 10 — в длинном. Шаг колонны — от 3 до 3,2 м, расстояние между крайними базами и стенками — 1,5 м. Куйрукская мечеть относится к типу столпных или колонных построек, размеры которых зависят от числа стандартных квадратов потолка и расстояния между квадратами (пролеты между которыми составляют от 3,5 до 4,6 м).

Керамика, которая была собрана при раскопках мечети, датирует мечеть X—XII вв.

Среди общественных сооружений, раскопанных на Куйруктобе, — торговые лавки второй половины XI в. Это небольшие изолированные от жилья постройки, выходившие на улицы проемами шириной 1,45 м. На полу имелись открытые очаги. С лавками были связаны небольшие закрома с вкопанными сосудами-хумами.

Как выяснилось, город существовал и в послемонгольское время: на территории городища сохранялись обживаемые участки XIII—XIV вв. Наиболее интенсивно в это время обживался рабад. В его западной части, в непосредственной близости от шахристана, находились мастерские по переплавке кричного железа до кондиционного состояния.

Раскопки выявили планировку мастерских, в которых жилье было объединено с производственными помещениями, имевшими горны. При расчистке мастерских собрано множество бракованных криц, шлаков, найдены куски железистой руды. Датируется комплекс мастерских последней четвертью XIII — первой половиной XV вв. Размеры участка, занятого мастерскими, свидетельствуют о том, что Куйруктобе в это время был крупным центром производства железа в Отрарском оазисе. Знаменательно, что здесь собраны богатые коллекции керамики, изделий из металла, кости, стекла, ювелирных поделок.

Интересна, например, группа поливной керамики X—XI вв., включающая чаши, тарелки, блюда, кружки, чираги-светильники. Наиболее распространенной была керамика с белым ангобированным фоном под свинцовой прозрачной поливой. Роспись наносилась черной, красной и коричневой красками. Роспись построена так, что основная орнаментальная полоса расположена наверху, у венчика. На ней имеются арабские надписи, сделанные куфическими письменами и керамическим курсивом. Обычно вся остальная поверхность чаши свободная, лишь в самом центре расположены завиток, кружок, пятно или запятая. Встречена керамика с пятнистой росписью, иногда в сочетании с гравировкой, а также керамика с пропеллеровидным орнаментом, с росписью в виде расходящихся пучков растений.

Особую группу составляет керамика с красным фоном под прозрачной поливой. Роспись нанесена белой и черной краской. В качестве элементов использованы медальоны, заполненные надписями, буквенный орнамент. Много керамики с красным фоном под прозрачной поливой и с росписью белой краской в виде побегов, розеток в сочетании с геометрическим орнаментом.

Есть керамика, покрытая «глухими» (непрозрачными) поливами зеленого и коричневого цветов.

Неполивная керамика представлена хумами, горшками, водоносными и столовыми кувшинами, кружками, дастарханами (глиняными столиками). Интересна кухонная и столовая посуда XI в., покрытая резным и штампованным орнаментом в виде полуovalов, гирлянд, растительных мотивов. Керамика такого типа принадлежит осевшим в городе кочевникам. На фото вы видите глиняную погремушку с ручкой, выполненной в форме головы мужчины.

При раскопках Куйруктобе найдены также стеклянные чаши, графини, кувшины, флакончики, изделия из металла — бронзовые кувшины (XI—XII вв.), кружки, детали наборных поясов, коллекции бус из полудрагоценных камней, ювелирные украшения, серьги, кольца, браслеты.

Итак, Куйруктобе отождествляется с городом Кедером. Известно, что он был новым по отношению к старой столице — Отрару (Фарабу) и что постройка в нем соборной мечети вызвала междоусобицу между горожанами Кедера и Отрара. Этот факт понятен, ибо постройка соборной мечети в Кедере превращала его в новую столицу, с чем не хотели примириться отрарцы.

Керамика из раскопок городища, датируемая IX—XI вв. (дастарханы, украшенные прорезным и штампованным орнаментом, крышки, переносные очажки), отличается своеобразием орнамента, включающим различные геометрические фигуры: треугольники, меандры, косые линии, елочки. Нередко дастарханы украшены оттисками, которые передают традиционную орнаменту ковров и войлочных изделий. Эти изделия удивительно похожи на подобные из Отрара, созданные там в IX—XI вв. Создается впечатление, что посуда, и та и другая, производилась одними и теми же гончарами. Похоже, что во время перенесения столицы в Кедер сюда из Отрара переселились прежде всего ремесленники с тем, чтобы обслуживать огузскую верхушку нового города. Этим можно объяснить тождество керамического материала.

Да, отчетливые следы оставил Кедер в истории Отрарского оазиса, если твердо считать, что столица округа Фараб в IX—XI вв. находилась на месте Куйруктобе...

Погремушка, относящаяся к группе неполивной керамики XI в. (Куйруктобе)

Сквозь толщу временных слоев Отрартобе

Мы подошли вплотную к рассказу о столице Отрарского оазиса — Отраре. Его раскопки обогатили науку сведениями, позволяющими представить жизнь древнего города, центра оазиса, находившегося на одном из самых оживленных участков торгового пути между Востоком и Западом:

С самолета Отрартобе²⁷ выглядит мощнее и значительнее бугров, о которых мы уже рассказали. Взгляните на снимок аэрофотосъемки — и вы убедитесь в том, что развалины в топографическом отношении имеют характерный для средневековых памятников облик. Четко выделяется высокий пятиугольный в плане бугор. Это — центральная часть городища. Бугор поднимается над общей плоской поверхностью на 18 м, а в среднем высота отдельных частей колеблется от 10 до 15 м. За многие сотни лет он вырос из разрушенных зданий, строительного мусора, остатков хозяйственной деятельности человека и сейчас состоит из многих слоев. Измерения бугра дали такую картину: он занимает 20 га, южная сторона протянулась на 380 м, юго-западная — на 145, западная — на 400, северо-восточная — на 380 и восточная — на 350 м.

Несмотря на то, что городище оплыло, значительно развеяно ветром, заросло травой, удалось с помощью сопоставления инструментального плана Отрара, выполненного в двухтысячном масштабе, аэрофотоснимков и визуальных наблюдений выявить некоторые детали прежней планировки. Центральная часть, о которой мы говорим, со всех сторон окружена стеной, и сейчас сохранившейся на некоторых своих участках крутизну в 75—80°. На стене заметны башни, которые были несомненно круглыми: теперь они выглядят как выступающие за линию стены округлые бугры; четко читаются башни на углах, хуже — по периметру стен. За стеной виден древний ров, это — лощина глубиной 2—3, шириной 10—15 м с покатыми краями. В город вели три въезда: два были расположены напротив друг друга в южной и северо-восточной стенах, третий — в середине западной стены. Главными, видимо, служили южные ворота. Проем в стене и ныне достигает 20 м. Центральная улица, имеющая вид ложбины шириной 5—8 м, которая соединяла центральный въезд с северным и делила городище на две неравные части, и сейчас отчетливо прослеживается в топографии развалин. От центральной улицы отходили под прямым углом улицы, которые упирались в стены. Параллельно ей шли еще шесть магистральных улиц, а по периметру — кольцевая. В свою очередь от магистралей отходили многочисленные переулки и тупички, которые как бы обтекали отдельные бугры — остатки жилых массивов (кварталов). Перед северными и западными воротами отмечены плоские незастроенные участки. Это — площади.

Топография центральной части городища сложилась в основных чертах в позднее средневековье (XIII—XVIII вв.). В это время в городах уже не было четкого деления на такие части, как цитадель, шахристан и рабад. К центральному бугру примыкает территория площадью около

²⁷ Расположен в 15 км западнее железнодорожной станции Тимур, рядом с отделением совхоза Талапты.

Топографический снимок Отрара с самолета

150 га со следами застройки. Со всех сторон пригород окружен стеной, частично разрушенной, за которой находится ров, на отдельных участках и сейчас заболоченный. С северной стороны к стене подходит современный поселок. В этом месте она делает два прямоугольных выступа, повторяя естественные очертания рельефа. Наибольшая удаленность стены от северного угла центрального бугра — 520 м. На этом участке она сохранилась хорошо и представляет собой оплывший вал шириной 20—25 м и высотой 3—5 м, в котором прослеживается въезд на современную дорогу. Южный участок вала разрушен, так как сюда вклинился участок совхозного поля. Стена частично распахана, однако, на аэрофотоснимках прослеживается в виде полосы белого цвета, повторяющей древние контуры. С запада стена сохранилась полностью.

Интересные наблюдения сделаны в восточной части городища: замечены участки второго пояса укреплений и внешнего вала. Если первое кольцо стен отстоит от центрального бугра на 750 м, то внешнее удалено на 1000 м. Внешний вал сохранился частично, на протяжении около 2 км. Для выяснения конструкции вала на одном из его участков произведены необходимые раскопки. Вал был разрезан траншеей длиной 25 и шириной 1,2 м. В разрезе стен траншеи удалось выявить конструкцию стены, основные ее параметры и два строительных периода.

Стена возведена на насыпной глиняной монолитной платформе, на которой лежит основание стены из трех рядов сырцового кирпича²⁸, положенного плашмя. На кирпичную кладку по ее краям поставлены паховые блоки²⁹, по два с каждого края. Выше стена наращивалась вверх глинобитными слоями (5—7) высотой каждого 15 см. Пространство между блоками заполнялось строительным мусором и землей. Блоки, таким образом, служили футляром для насыпного тулова стены. Затем стену вновь надстраивали сырцовым кирпичом. Поскольку верхняя часть стены сохранилась плохо, можно лишь предположить, что наверху имелся бруствер и стрелковая площадка.

Судя по керамике, обнаруженной в раскопе, стена вокруг рабада Отрара была сооружена в XI—XII вв. Перестройка и ремонт ее были произведены не позднее начала XIII в., так как керамического материала, относящегося к более позднему времени, в разрезе нет.

И еще один интересный факт выявлен в разрезе. Оказалось, что платформа, которая лежит в основании стены, в свою очередь, покоится на слое горелого камыша. «Горелый слой» отмечен в разведывательных шурфах и в других частях пригорода. Скорее всего поэтому некоторые ученые, исходя из известной трактовки слова *Отрар* (*Фараб*) как *болото*, *заболоченная местность*, *равнина*, изрезанная протоками или каналами, считают появление слоя горелого камыша результатом осушения участков болот, которое люди были вынуждены проводить перед началом строительства: выжигать камыш, насыпать искусственные возвышенности (платформы), а на них возводить постройки (и городские стены). Именно на таких «искусственных холмах», по сведениям арабского географа X в. Ибн-Хаукаля, строились селения в округе Фараб.

...Вообще очень многое могут «рассказать» стратиграфические слои. Особенно людям, умеющим их «читать» — археологам. Для них важнейший принцип работы на многослойном городище — это именно наблюдение за чередованием слоев. Существует мера ответственности за столь трудное дело, как различение слоев. Ошибаться нельзя, ибо пострадает историческая истина. Важно не только различить слои, но и датировать каждый из них по комплексам находок в нем...

Каждый слой соответствует определенному периоду жизни города, он же является и своеобразным лицом эпохи. Слои расцвета обычно толстые, они содержат остатки интенсивного строительства, активной жизни. Совсем по-другому выглядят слои упадка: отчетливо прослежи-

²⁸ Размеры кирпича — 26—30×13—15×8—10 см, ширина основания стены — 2,6 м.

²⁹ Размеры: 80×80×80 см.

ваются периоды бедствий. По горелой кровле, обуглившимся балкам перекрытий узнаем о пожаре; разрушения — бесспорные свидетельства войн и грабежей. Как правило, более поздние слои по времени лежат выше древних. Культурный слой нередко бывает более темного цвета, чем подстилающие и покрывающие его слои почвы, и внутри него отдельные прослойки отличаются лишь оттенками. Кроме того, последовательность слоев может быть нарушена ямами, перекопами, древними строительными работами.

Многое мы узнали о древнем Отраре, изучая его слои.

Стратиграфический раскоп размером 24×8 м был заложен в северной части центральных развалин городища, ближе к склону, и прорезал его слои до материка на глубину 16 м. И вот какая картина жизни города, уточненная широкими раскопками, представилась в результате изучения стратиграфии Отрара.

Сверху вниз наблюдалась следующая последовательность слоев.

Слой последней четверти XVII — начала XVIII вв. позволил проследить хорошую сохранность конструкций пола второго уровня, считая сверху. В раскопе расширено два помещения, одно из них (типа айвана)³⁰ открыто на северо-запад. Стены толщиной 0,8 м сложены из прямоугольного сырцового кирпича³¹. Внимательное изучение дало возможность представить, что плоское перекрытие айвана из жердей и камыша опиралось на центральный деревянный столб в центре помещения, обложенный жженым кирпичом; у стен стояли вкопанные в землю хумы. В слое собрана небольшая коллекция керамики, в частности, поливной, довольно однообразной по типам сосудов (чаши, блюда, тагоры), цвету глазури и мотивам орнамента. Обе поверхности сосудов покрыты поташной поливой по светлому ангобу: глазури неокрашенные, реже голубые и бирюзовые грязноватых оттенков; росписи моно- и полихромные, встречаются сочетания голубого цвета, бирюзового, марганца и черного. Мотивы орнамента удивительно однообразны. Можно назвать лишь несколько элементов, использованных художниками: волнистые и спиралевидные линии, концентрические пояски знаков в виде кружка с лучами, иногда сгруппированных по два и по четыре.

В слое первых трех четвертей XVII в. толщиной 1,5 м в строительных конструкциях, которые удалось расчистить от завалов, натеков и наносов, удалось проследить два пола — ранний и поздний. С более поздним полом связаны две массивные стены помещения, уходившие в срез раскопа. Оригинален по своему устройству тандыр, впущенный в суфу с дымоходом-каналом. Рядом с ним расширена хозяйственная яма с остатками проса и ташнау. Вне сомнения, здесь находился своего рода «хозяйственный комплекс», связанный с выпечкой хлеба.

Найденные в этом слое обломки железных ножей с притупленной спинкой, каменной ромбовидной подвеской из серпентинита и костяным молоточком — свидетельства хозяйственной деятельности населения. Несомненный интерес вызывает фрагмент фигурки коня, покрытой

³⁰ Айван — крытая пристройка к дому, открытая с одной стороны.

³¹ Размеры: 30×18×9 см.

голубовато-серой поливой и подглазурной росписью марганцевой краской. По росписи можно предположить масть коня («серый в яблоках») и судить о характере узды того времени. Обнаружены также фрагменты стеклянных изделий — ручки и горлышки кувшинов, обломки графинов, бокалов, чаш.

Богатой оказалась коллекция поливной керамики: чаши, пиалы, блюда, горшкообразные сосуды, тагоры. Сосуды изготовлены из хорошей глины, облицованы свинцовыми и поташными глазуриями по светлому ангобу. Встречаются бесцветные глазури и окрашенные в голубой, кремовый, бирюзовый цвета. Разнообразна цветовая гамма росписей: сочетание марганца, голубого, бирюзового, кобальта, темно-зеленого и других цветов. В композиции орнамента, покрывающего обе поверхности сосудов, господствует принцип концентрического построения. Встречаются сосуды с «отвесным» построением рисунка, когда у орнамента отделяется «верх» и «низ».

На верхнюю границу жизни города в этом слое указывают признаки пожара и запустения, а также находки кладов русских монет, относящихся ко времени царствования Алексея Михайловича (1645—1676 гг.). Дело в том, что начиная с 1650 г. (а в основном в 60—70-е гг.) медные копейки стали поступать на рынки городов Средней Азии. Появление этих денег в слоях — тот признак, который помогает точно датировать их. Найденные на Отраре клады позволяют отнести слои ко времени одной из катастроф, произошедшей здесь, — к последней трети XVIII в.

Мощность слоя XIII — начала XV вв. определяется в 1,5—1,6 м. На разновременных уровнях расчищены остатки помещений. На полу тандыры, ташнау, ямы хозяйственного назначения.

На уровне третьего пола обнаружен тайник с кладом вещей, в котором больше всего прямоугольных железных пластинок и заклепок с круглыми шляпками, на которых сохранились остатки и отпечатки ткани. Возможно, это — остатки матерчатого пояса. Из других вещей — железный нож, кольца, бляшки и пряжки от конской сбруи — интерес представляет бритва с округлой спинкой, ее лезвие вставлено в деревянный футляр, а также железная игла и роговое шило с дырочкой для подвешивания. Из четырех бусин три стеклянные: две из темного дымчатого стекла с синими глазками, третья — с белыми мраморовидными разводами, четвертая (крупная) — из голубой пасты.

В кладе вместе с другими предметами находились бронзовые изделия: проволочный браслет с восьмигранными утолщениями на концах, бронзовые шарики, нашитые на обрывки ткани... Сложенные вместе, они образовали ленту длиной 30 и шириной 4 см. Возможно, это была налобная повязка.

Среди других находок, связанных с этим же слоем, следует назвать обломки стеклянных сосудов, изделия из железа (пряжки, кольца), украшения (подвеска из нефрита, бусины). Особый интерес вызывает бронзовая наременная бляха с эпиграфической надписью по-арабски: «Сила (могущество) от аллаха». Ее вы видите на фото.

В слое найдена интересная и разнообразная керамика. Поливная

составляет не меньше половины всей посуды, причем красноглиняная — это преимущественно полусферические пиалы и чаши на полукольцевом поддоне, а также небольшие горшкообразные сосудики. Довольно много керамики, покрытой свинцовой поливой по красновато-коричневому ангобу. Сочетание окрашенной или бесцветной поливы с красновато-коричневым ангобом создает темный фон различных оттенков, на котором очень красочно выделяется роспись цвета глазури, выполненная зачастую невысоким рельефом. Выделяется керамика с желтой поливой, с росписью одного или разных цветов по светлому и красному фону: с зеленой поливой без орнамента или с подглазурной гравировкой; с зеленой и желтой поливой на внешней и внутренней поверхности; с зеленой поливой и росписью зеленой краской по красному фону; красной поливой и коричневой росписью; мраморовидной поливой.

Керамика этого слоя характерна для казахстанских городов XIII — начала XV вв. Датировка слоя подтверждается также находками в нем монет XIII—XIV вв.

Слой XII — начала XIII вв. толщиной 1,5 м характеризуется признаками ремонта и перепланировки помещений более раннего времени. На это указывает то, что в полах нескольких расчищенных помещений обнаружены хозяйственные ямы, заполненные строительным мусором и хозяйственными отбросами.

Среди находок — железный трехгранный наконечник копья, обломок железного меча, бронзовое кольцо, обломки стеклянных сосудов, бусы из разноцветного стекла и пасты. Много керамики. Поливой покрывались чаши, блюда, тарелки. Преобладает посуда с прозрачной глазурью, положенной на черепок, предварительно покрытый белой или красной краской (ангобом). Росписи выполнялись зеленой, коричневой, красной и желтой красками. Элементы росписи — растительные и геометрические узоры, стилизованные буквы арабского письма. Роспись дополнялась подглазурной гравировкой. Для неполивной керамики характерны плоские и полусферические крышки со штампованным и резным орнаментом.

Слой, находящийся ниже, имеет толщину около 1 м и относится к X—XII вв. В нем расчищен комплекс построек из трех помещений, которые ооконтурены частично, так как стены их уходили под обрез шурфа. В полу помещения найден вкопанный хум, венчик которого обложен

Бронзовая наременная бляха с арабской надписью из клада слоя XIII—XIV вв. (Отрартобе)

сырцовым кирпичом. При расчистке хозяйственных ям и на полу помещений обнаружены обломок железного меча длиной 30 см, два костяных шила, бусина из коралла и крупная шестигранная бусина из пестрой стекловидной массы. Кроме того, найден железный трехлопастной наколечник длиной 12,5 см, характерный для X—XI вв.

У стены одного из помещений обнаружено коллективное погребение. Устроено оно следующим образом. В стене выдолблена ниша, в которую уложены двумя рядами, один на другой, 18 черепов, а рядом с ними — длинные кости скелетов. На некоторых черепах сохранились следы ударов от боевого оружия. Скорее всего мы имеем дело с гибелью во время военных действий одновременно большого числа людей. По-видимому, они долгое время лежали непогребенными, и кто-то собрал черепа и захоронил их отдельно от тел, причем уже после того, как трупы разложились.

В одной из мусорных ям вместе с черепками посуды оказались фрагменты стеклянных изделий. Стекло тонкое, с пузырьками воздуха, прозрачное и окрашенное в различные цвета — синий, зеленый, желтый, розовый, кремовый, черный. Удалось установить, что обломки принадлежат графинам, кувшинам, чашам, бокалам, флаконам. Здесь же найден миниатюрный сосуд-водолей (или светильник) в виде фантастического животного с головой женщины (эту находку вы видите на рисунке). Туловище сосуда явно принадлежит верблюду: массивные ноги, небольшой хвостик, крутые выпуклые бока, высокая изогнутая шея, увенчанная головой женщины с широким лунообразным лицом, узкими миндалевидными глазами под сросшимися на переносице бровями, с тонким изогнутым носом. На голове фантастического существа корона, на спине — башнеобразная люлька из прутьев, воспроизведенных тонкими прорезными линиями. Сосуд покрыт красным лощением.

Керамика слоя содержала множество и целых форм и фрагментов. Для поливной посуды характерна прозрачная свинцовая полива, положенная на белый или красный фон. Исполнение росписи зеленой, красной, коричневой, желтой красками, сочетание в ней розеток, точек, пятен, изображение на дне чаш и блюд стилизованных растительных побегов, листьев, завитков, символика в виде стилизованных букв арабского алфавита. В наборе неполойной керамики оказались кувшины, горшки, котлы и хумы.

Еще ниже лежит слой толщиной 3,5 м, который содержит остатки четырех последовательно сменяющих друг друга строительных конструкций, которым, однако, на всем протяжении присущи общие планировочные принципы. Через весь раскоп с севера на юг проходит фасадная стена здания толщиной около 1 м. С восточной стороны к ней под прямым углом примыкает глухая стена, которая разделяет открытые в раскопе конструкции на два комплекса: первый состоит из одного, второй — из двух помещений. Стены их сохранились на высоту 80 см и сложены из сырцового кирпича размерами 45×25×10 см, уложенного вперевязку на глиняном растворе. В слое, в завалах стен и строительном мусоре найдены монеты, отнесенные нумизматами к VII—VIII вв. Подтверждает

Сосуд-водолей (светильник), найденный в слое X—XII вв. (Отрартобе)

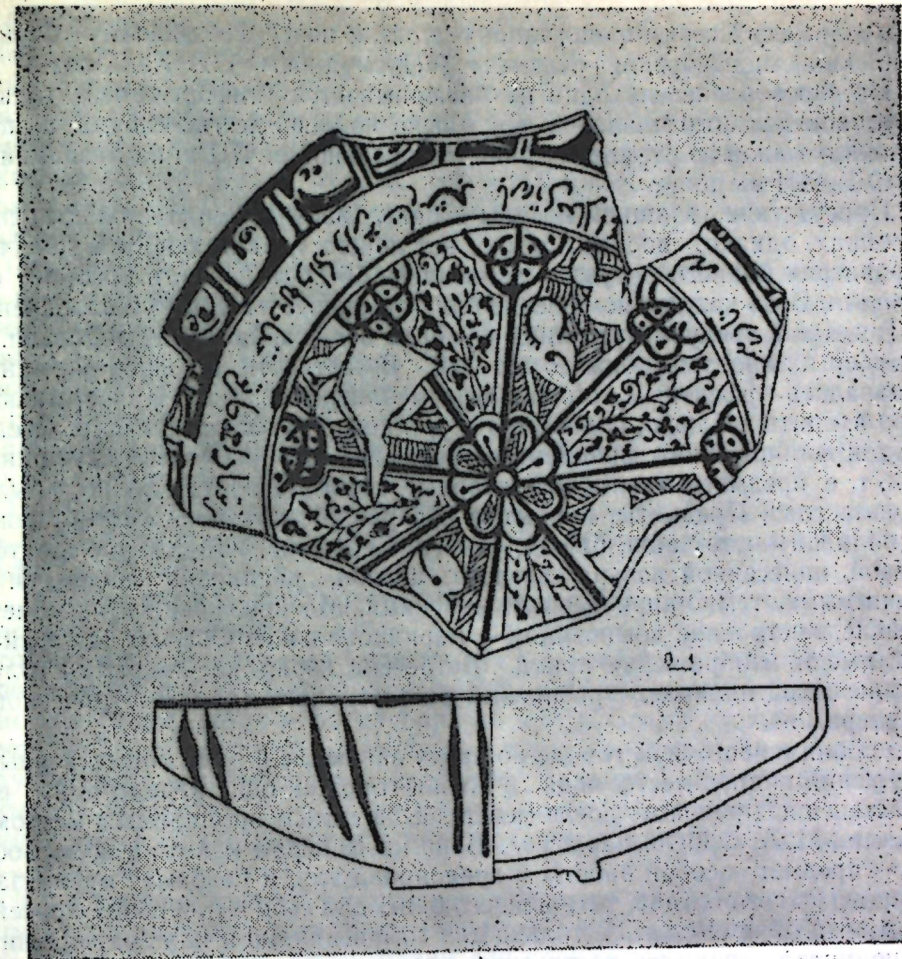
эту датировку и набор керамики из слоя: узкогорлые кувшины со сливами, красноощенные кружки с зубчатыми ручками, светильники на высокой столбообразной ножке. Похожие виды посуды встречаются, как правило, в слоях городищ VII—VIII вв. (Пенджикент, Афрасиаб, Кулан, Тараз и пр.)

Под самым нижним полом построек VII—VIII вв. обнаружен слой рыхлой глины с вкраплениями угольков и прослоек золы. Остатков строительства в нем не обнаружено. Под зольником начался слой серой глины и продолжался до самого материка. Находки в нем малочисленны, в основном керамика — фрагменты хумов, кувшинов, горшков, близких и похожих на посуду из раннеземледельческих памятников. Это позволяет датировать нижние слои городища Отрар первой половиной I тысячелетия.

Как видим, стратиграфия дает археологу богатейший материал. По сути дела мы прошли сквозь толщу девяти хронологических слоев жизни Отрара. Лишь в первые века нашего тысячелетия появились первые постройки Отрара. Слой VII—VIII вв., содержащий остатки монументальных архитектурных сооружений, характеризует его как раннефеодальный город. Богатые наборы керамики, коллекции стекла, обнаруженные в слоях IX—XII вв., свидетельствуют о расцвете Отрара в период, совпадающий со временем характерного подъема культуры в Средней Азии и Казахстане. А послемонгольское и тимуридское время (XIII—начало XV вв.) в стратиграфическом разрезе слоев рисует нам картину еще большего совершенствования города. Период расцвета приходится на вторую половину XV—XVI вв., т. е. на время сложения Казахского ханства. И, наконец, сильный упадок города демонстрирует слой конца XVII в. Если в первые три четверти велось широкое строительство, и город рос и развивался до последней трети XVII в., то позднее до начала XVIII в. шел процесс постепенного разрушения и запустения Отрара.

Силуэты отрарских бань

Не раз описана знаменитая находка Отрара — блюдо, выполненное поливной техникой с росписью растительного и геометрического характера. К сожалению, оно сохранилось не полностью (его вы видите на рисунке). Орнамент на блюде говорит о высоком художественном вкусе мастера, изготовившего эту вещь. Блюдо диаметром 27 см имеет пологие стенки, отогнутую под прямым углом закраину, кольцевой поддон. С обеих сторон оно покрыто темно-синей поливой. Орнамент, выполненный на внутренней стороне темно-фиолетовой краской, включает восьмилепестковую розетку, изображенную в центре, от нее отходят восемь радиальных линий, делящих плоскость на восемь секторов, заполненных растительным орнаментом в виде мелких побегов и крупных цветов в обрамлении заштрихованных треугольников. Вся композиция замкнута в круг двойной линией, за которой следуют два пояса. На одном из них надпись по-арабски, датированная второй половиной XIV —

Фрагмент глазурованного блюда с текстом бейта по-арабски, вторая половина XIV — начало XV в. (Отрартобе)

началом XV в. Текст — не что иное, как два бейта (двустихия)³². Первый из них переведен так:

По желанию твоему, да исполнятся все твои дела,
Да будет бог хранителем твоего престола.
Вечер наступил. Ты мой возлюбленный в мире...

Судя по стилю, стихи могли относиться к фольклорному благопожеланию. Но не исключено, что они из любовной лирики в суфийском плане, отождествляющей любимого с богом³³ и, возможно, принадлежат

³² Чтение, перевод и датировка принадлежат В. Шуховцову.

³³ Суфийское учение (суфизм) проповедует следование добру, смирению и послушанию учителю, противопоставит стяжательству.

Ходже Ахмеду Ясеви, проповеднику ислама, поэту, создавшему сборник суфийских стихотворений «Хикмет» («Премудрость») ... Как знать!

Но своеобразие находки не исчерпывается информацией только искусствоведческого плана. Блюдо было найдено не где-нибудь, а при раскопках одной из отарских бань, построенной в XIII в. на развалинах бани XI—XII вв.

Присутствие изящной посуды в бане, засвидетельствованное при раскопках, однако, вполне обычно: нет ничего удивительного в том, что покровители банного ритуала заботились об обстановке, в которой он проходил. Ведь каждое помещение бани строилось заведомо с назначением. Так, здесь предусматривались комнаты отдыха, чайханы, молельни. ... Интерьер их продумывался до деталей. В частности, большое внимание придавалось эффектным облицовочным плиткам и т. д. В оформлении могло входить и блюдо, подобное тому, о котором мы рассказали. Среди находок вообще много фрагментов керамики: тагоры (тазы), кувшины, чаши, т. е. предметы вполне утилитарные. Но и эта посуда должна была радовать глаз. Предметы, покрытые прозрачной, красной, желтой, зеленой поливой — это чаши, блюда, чираги. Керамика, например, с желтой поливой, нанесенной поверх светлого ангоба, расписана зелеными и коричневыми, темно-коричневыми красками. Мотивы росписи — геометрические, построение композиции — меридиональное. Обычно чаши снаружи имеют изображения аркад. Встречена керамика, покрытая голубой или синей поливой, с росписями растительного или геометрического характера.

...Баня в восточном городе по праву занимала в ряду общественных сооружений видное место, ведь в жизни горожан она играла одну из первостепенных ролей и после мечети была самым посещаемым местом. Академик И. А. Орбели писал: «...Баня на Кавказе, как и на всем Востоке, — предмет особой заботы и градоправителя, и цеховых организаций, и отдельного богача, устроившего баню для себя и для своих друзей. Потому что баня служит не только для омовения, но и для укрепления сил, поднятия упавшего настроения, для отдыха, для встречи и дружеской беседы с приятелями, для встречи и разговора о купле и продаже, о торговой сделке и для показа мастерства в шахматы или нардах»³⁴.

На Востоке были известны медицинские постулаты благотворного влияния бани на организм. Наверное, и в отарских банях прибегали к использованию лекарственных растворов, предлагаемых выдающимся медиком Ибн Синоу, получаемых путем кипячения растений, серы, золы, а также таких, которые ученый называл «железными», «солеными», «кварцевыми», «купоросными» ... Ведь в этих банях при раскопках обнаружены специальные резервуары для ароматических средств ...

Врач IX—X вв. Закария ар-Рази, описывая влияние бани на организм человека, рекомендовал украшать бани хорошей живописью, которая исцеляет от меланхолии и облегчает груз забот ...

³⁴ Орбели И. А. Баня и скomorox XII в. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 159—170.

О популярности бани в быту населения свидетельствуют многочисленные ее характеристики, описания банных эпизодов, перечни своеобразных правил посещения, сохранившиеся в средневековой литературе. Баня была доходным заведением и поэтому горожане и высшая знать стремились к ее покупке или постройке. Сооружали это заведение обычно в оживленном городском районе, вдоль торговых дорог на рынках и рядом с ними. В Отраре, например, бани находились неподалеку от городских ворот ...

Сам факт существования бань в том или ином городе свидетельствует о довольно высоком уровне благоустройства. Известно, что искусство возведения бань — одно из наиболее статичных направлений зодчества. В банях столетиями сохранялись неизменными строительные приемы, технология и архитектурные формы.

На территории рабада Отрара обнаружены и раскопаны три бани, что является еще одним подтверждением стабильности Отрара как одного из крупных городов Средней Азии и Казахстана.

Наиболее ранняя отарская баня датируется IX—X вв. Она находилась с северо-западной стороны городища, недалеко от ворот Дарваза и Суфи.

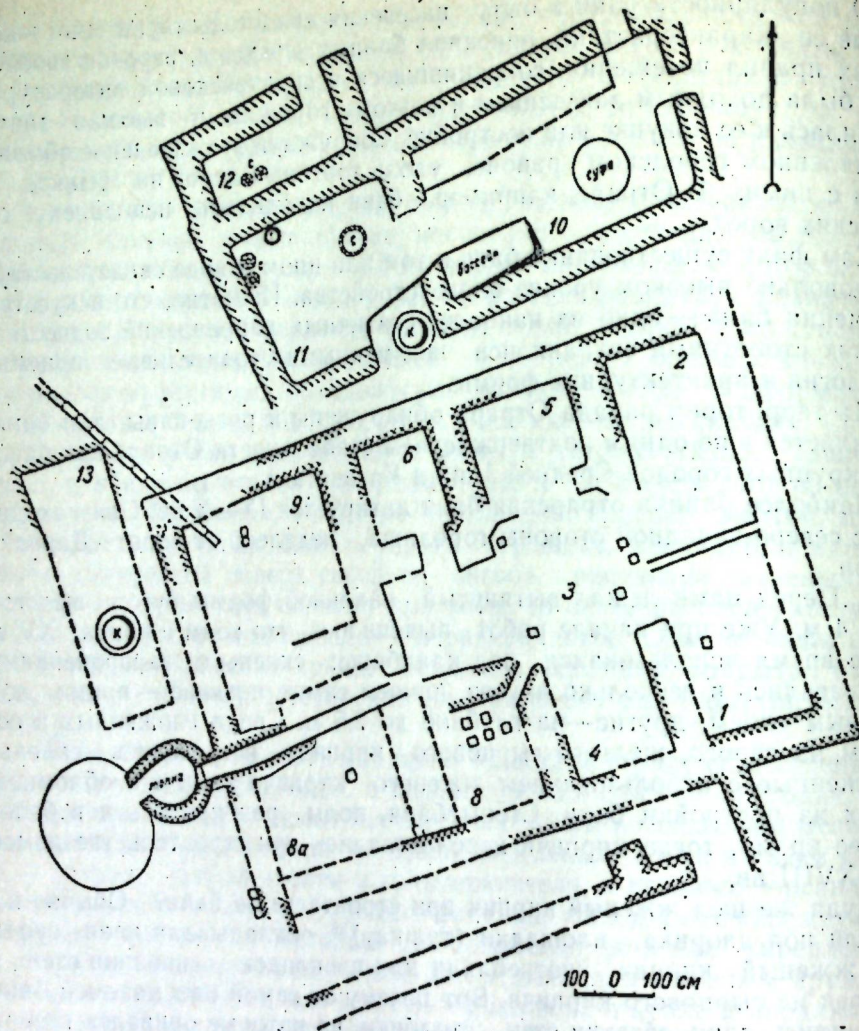
...Перед нами лежал вытянутый овальной формы бугор высотой около 4 м. Уже при начале работ выяснилось, что холм с конца XV в. долгое время использовался под кладбище: склепы с захоронениями располагались в несколько ярусов, причем самые поздние — прямо под дерновым слоем, другие — на глубине до 2,5 м. Среди сложенных в основном из серого, желтого сырцового кирпича встречались склепы, сооруженные с использованием жженого кирпича или его обломков, взятых из постройки бани. Стены бани, полы разбирались и в более позднее время, тогда кирпичи использовались при строительстве домов XVI—XVIII вв.

Куда же шел жженный кирпич при строительстве бани? Обычно им мостили пол дворика, площадки (ташнау)³⁵, обкладывали края суфы. Реже жженный кирпич употребляли для прокладок основания стен у построек из сырцового кирпича. Вот почему от самой описываемой бани сохранились лишь остатки стен, столбики, на которые опирался пол и некоторые детали конструкций. Например, хорошо выглядит топка и идущий от нее жаропроводящий канал, по которому горячий воздух поступал в подполье бани и обогревал ее.

Для удобства ознакомления с отарской баней приводим ее план. Вход в баню³⁶ находился в юго-западной фасадной стене, через него посетитель попадал в помещение 1 (площадь — 6,8 кв. м), от которого до нас дошла кладка в северном углу и части северной стены. От центрального зала (подквадратный в плане площадью 12,6 кв. м), выполнявшего роль парного и массажного отделения, есть остатки кладки стен, открытые только в северо-восточном углу, в остальном стены пришлось

³⁵ Ташнау — сливное устройство.

³⁶ Размеры: с юго-запада на северо-восток — 16,5 м, с юго-востока на северо-запад — 11,5 м.

План одной из средневековых бань, XIII в. (Отгартобе)

реконструировать по отпечаткам кирпичей. Два помещения центрального зала площадью по 7,8 кв. м, по-видимому, выполняли роль массажных и парных. В помещении 4 кирпичная кладка сохранилась участками в западной стене (далее до угла она прослеживается по остаткам кирпича) и у северо-восточного угла. Контур помещения 7 определили по отпечаткам кирпичей и кладке, сохранившейся на узком участке северной стены. Помещения 5, 8 и 6, имевшие равную площадь, предназначенные скорее всего для мытья, сообщались с соседними посредством относительно узких проходов, что помогало поддерживать определенный температурный режим. В помещении 5 площадью 7,1 кв. м кладка сохранилась на отрезке западной стены, примыкающем к юго-западному углу,

и в восточной стене, связанной углом с участком южной стены. Остальные участки стен прочтены по отпечаткам. В помещении 8 площадью 6,7 кв. м сохранилась кладка южной стены, а также кладка узкого (ширина 0,35 м) входа в юго-западном углу помещения. Сохранившееся лучше других помещение 6 площадью 5 кв. м имело лишь участки до основания разрушенных стен, примыкавших к северо-восточному углу. Проход в северной стене у северо-западного угла соединял помещения 6 и 7.

Помещение 2 условной площадью 14 кв. м, видимо, предназначалось для отдыха и восстановлено в плане по кладке южной стены, сохранившейся на всем протяжении его — около 2,5 м. Уцелела на такую же длину кладка восточной стены, и далее, на коротком участке, ее удалось проследить по отпечаткам. По отпечаткам же реконструирована западная стена.

Помещения 8а и 9 являлись в комплексе подсобными, и в них находились резервуары с водой для мытья, которые не сохранились. План удалось восстановить по отдельным участкам кладки стен: у внутренней стены между помещениями 8 и 8а, в углах и в районе топки в восточной стене, в юго-западном углу помещения 9. От стены, разделяющей помещения 8а и 8, прослеживался лишь метровый участок с отпечатками кирпичей.

Какне-то помещения примыкали к зданию бани с северной стороны. Стены их выложены также из жженого кирпича, однако судить об их назначении по имеющимся фрагментам конструкций затруднительно. Отметим лишь, что от северной стены бани под прямым углом отходят два участка кладки: один — длиной 2,4 м — в районе северо-восточного угла помещения 1, другой — длиной 0,2 м — от северо-восточного угла. Направление сохранившегося 11-метрового участка стены почти совпадает с северной стеной бани.

Банный комплекс включал еще ряд сооружений. В него входило, например, помещение 13 (2,3×6,9 м), располагавшееся у юго-восточного угла. Длинная стена следовала направлению восточной стены бани. Именно здесь в северной половине обнаружен колодец диаметром 0,85 м.

С баней связано также сооружение³⁷ из сырцового кирпича, примыкавшее к ней с юга; ориентированное с запада на восток (с некоторым отклонением к северу). Длинная стена сооружения под острым углом сближалась с южной стеной бани, а в районе помещения 9 — они почти смыкались. Сохранность основной части сооружения относительно хорошая, наиболее разрушены угловые участки кладки (за исключением юго-восточного угла).

Что собой представляли три помещения (10, 11, 12) этого сооружения?

В помещение 10 (в плане оно трапециевидное, длина стен — 4,3; 9,8; 8,7 м) вели два входа — в южной и западной стенах, которые оба находились в его юго-западном углу. Пространство от западного входа

³⁷ На рисунке оно расположено сверху.

до северо-западного угла было занято суфой³⁸. Справа от южного входа до самого угла также находилась суфа³⁹, верх ее выложен жженым квадратным и прямоугольным кирпичом, западная часть разрушена. В северо-восточном углу помещения 10 находился бассейн⁴⁰ глубиной 0,92 м, с дном и стенами, вымощенными кусками шлака, взятыми из топки гончарной печи. Западнее бассейна на участке, ограниченном суфами, бассейном и северной стеной, находилась (округлая в плане) тумба диаметром 14,5 м.

Сохранность стен помещения, имеющего площадь 25,1 кв. м, хорошая, причем южная стена возвышается на 0,9 м, северная — на 0,8 м. Наиболее разрушенная внутренняя — восточная стена — сохранилась на высоту 0,07—0,1, западная — на 0,27 м.

Проход в восточной стене помещения 10 связывал его с помещением 11 площадью 16,7 кв. м. Южная и северная стены возвышаются на 0,65—0,66 м, высота восточной — до 0,41 м. У восточного угла стояли два хума, врытых у восточной стены, и тандыр диаметром 0,45 м, примыкавший к южной. В юго-западном углу почти на равном расстоянии от стен (0,85 и 0,9 м) открыта тагора, помещавшаяся на возвышении в 0,13 м. У северной стены находился колодец диаметром 0,75 м, стенки которого выложены жженым кирпичом. Вода из колодца могла подаваться в помещения 5 и 6, находившиеся от него на одинаковом расстоянии.

Наконец, третье помещение 12 описываемого сооружения (в плане прямоугольное площадью 5,5 кв. м) имело вход в юго-западном углу. У северной стены на расстоянии 0,85 м от северо-восточного угла обнаружены два врытые в пол хума.

Можно предположить, что воду из колодца в помещении 13 по желобу сливали в резервуар, находившийся у западной стены помещения 8а и 9. Отсюда ее брали, видимо, через окошки из помещений 6, 7 и 8. Возможно, в помещении 5 и 6 вода подавалась из южного колодца.

Грязную воду выводили по системе кубуров, участок которой открыт в помещении 9, а по линии кубуров вода выводилась в ров.

Топка бани была вынесена за пределы постройки и представляла собой печь округлой формы, выложенную жженым кирпичом. Этим же материалом выложено дно огневой камеры, имевшей диаметр 1,5 м при высоте 0,55 м. Топочное отверстие шириной 0,36 м находилось в восточной части. К нему примыкала круглая площадка диаметром 4 м, уровень которой заглублен относительно уровня топочной камеры на 1 м. В западной части печи брал начало магистральный канал жаропровода, сложенный из жженого кирпича, и проходил через все здание с востока на запад. По мере удаления от топки он становился уже: так, в самом начале ширина его равнялась 0,6 м, через отрезок 1,9 м — 0,4 м, а крайний западный участок — всего 0,2 м. Сохранился восточный участок канала длиной 3,65 м, остальные 2,5 м реконструировали по отпечаткам кирпичей.

³⁸ Размеры: 2,3×0,5×0,13 м.

³⁹ Размеры: 0,11×0,66×0,24 м.

⁴⁰ Размеры: 2,5×2,5×0,85×1,2 м.

Участки ответвлений от жаропровода не сохранились, но не вызывает сомнения, что часть помещений обогревалась при помощи подпольной системы каналов, а остальные — свободной циркуляцией воздуха под полом, который в этих помещениях опирался на «столбики» из жженого кирпича. От подпольной же системы обогрева остались лишь отдельные «столбики» и фрагменты желобов, которые шли в помещения 1, 3, 8, 8а, 9. Только в помещении 8 в расположении столбиков без особого труда угадывается устройство для свободной циркуляции горячего воздуха. Так же, вероятно, обогревалось центральное помещение 3.

При раскопках бани, о которой мы подробно рассказали, найдена керамика, в том числе и поливная (чаши, блюда, чираги), которая относится к XI—XII вв. Своеобразна, например, бронзовая подставка для светильника, обнаруженная на полу помещения 12, выполненная в форме шестигранника, прямоугольные грани которого сверху и снизу скреплялись припоем с прямоугольными пластинами. Грани-пластины украшены прорезным орнаментом в виде крестообразной сетки.

Монеты, как и керамика, подтверждают датировку бани — они чеканены в XI—XII вв.

Вторая баня располагалась на территории южного рабада. Как оказалось, она поконлась под баней XIII—XV вв.: при раскопках последней обнаружены остатки кладок из кирпича. Поскольку основная часть бани уходит под комплекс более поздней бани, раскопана лишь ее юго-восточная часть, включающая топку и систему цистерн для горячей воды.

Нагревательная емкость⁴¹ представляла собой цистерну (прямоугольную в плане), соединенную с меньшей емкостью⁴² каналом диаметром 0,5 см. Сохранилась керамическая пробка, которой перекрывалось сообщение вани. В центр дна нагревательной цистерны было вмазано устье железного котла: его дно и стенки были в свою очередь вмурованы в топку. Таким образом, котел служил своеобразным «греющим элементом»; горячая вода затем переливалась в ванну, откуда ее черпали и использовали для мытья. Дно и стенки цистерны и ванны были сложены из квадратного жженого кирпича⁴³ и обладали несколькими слоями водонепроницаемого раствора (кыра) толщиной до 5 см.

В собранной здесь керамике преобладают тазики (тагоры) с прямыми стенками и налепными ручками. Найдено свыше трех десятков обломков и целых сфероконусов, служивших для перевозки и хранения лечебных ртутных препаратов. Интересна бронзовая подставка под светильник, которую вы видите на снимке. Фигурное кольцо покоится на трех ножках, выполненных в виде звериных лап. Такие подставки известны в материалах X—XII вв. из Средней Азии. При раскопках этой бани обнаружены караханидские монеты XI—XII вв., которые при сопоставлении с комплексом других монет позволяют датировать баню XI—XII вв. Банный комплекс, построенный позже — в XIII в. — на развалинах этой бани, сохранился тоже плохо, но все же удалось выявить

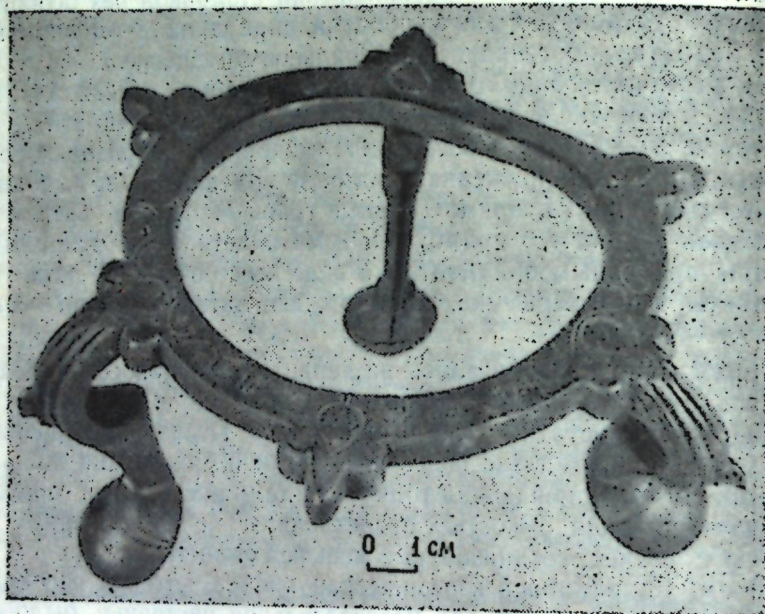
⁴¹ Размеры: 2×3×0,8 м.

⁴² Размеры: 0,6×0,6×0,8 м.

⁴³ Размеры: 24×24×5 см и 22×22×5 см.

планировку, некоторые особенности строительной техники и разобраться в назначении отдельных помещений.

Это — монументальное сооружение с ясно различимой в плане фигурой креста. Вход был устроен с восточной стороны, с улицы до дверей вела вымощенная жжеными прямоугольными кирпичами дорожка.

Бронзовая подставка под светильник, найденная при раскопках одной из бань, XIII в. (Отрартобе).

В раскопках удалось выявить два строительных периода. Первоначально все десять помещений бани, кроме центрального, имели одинаковую площадь по 7,2 кв. м, а центральное — 22 кв. м. Размеры ее были 13,5×16,5 м, затем юго-восточная стена была отодвинута на 2 м, а юго-западная — на 1,5 м. В итоге увеличилась площадь некоторых помещений бани, и размеры бани стали равны 15×17 м.

При сопоставлении отрарской бани с позднесредневековыми банями, сохранившимися и даже действующими до наших дней, определены помещения этой бани (см. план выше). Одно из них (1), например, площадью 13 кв. м, служило раздевалкой, в которой люди оставляли нательную одежду и получали набедренную повязку — люнги. Отсюда название такого помещения — люнги-хана, принятое в Средней Азии. Центральный зал (восьмигранный в плане, площадью 22 кв. м), служивший паровой и массажной, в центре и в беньюарах 4 и 8 имел суфы для массажа.

По типу среднеазиатских бань можно предположить, что из зала входы вели в комнаты 5, 6, 7 для мытья, температура в которых была различной: более жаркие назывались «иссык-хана» («горячие»), менее жаркие — «саук-хана» («холодные»). Число таких комнат в различных

банях варьировало: одно горячее и два прохладных помещения или два горячих и одно холодное. Бывало, что горячая комната находилась в центре, а холодные — по краям, или же две горячие рядом, а холодная — с краю. Но, как правило, моечных комнат три. В одном из таких помещений (7) раскопана сохранившаяся часть пола, выложенная глазурованным жженым кирпичом⁴⁴. На голубом фоне по диагонали идет зигзаг из белой полосы, в целом «формируя» свастикообразный белый узор на синем фоне. Комнаты для мытья через проемы в стенах сообщались с еще одним помещением (10), в котором стояли три цистерны: одна с горячей и две с холодной водой. Рядом были устроены четыре небольших резервуара. Все емкости были сложены из жженого кирпича и облицованы кыром. Резервуары предназначались для щелока и ароматических средств.

Помещение 9 служило местом отдыха после банных процедур: в центре просторной комнаты площадью 20 кв. м находился хауз — бассейн в виде круглого открытого резервуара высотой около трети метра, диаметром около 2 м. Его стенки толщиной 20 см были выложены кирпичом, обмазанным кыром. Вокруг хауза располагалась суфа, а между ней и резервуаром имелся узкий проход с перегородками: сюда спускалась часть воды из хауза для мытья ног. Использованная вода через желоб, проложенный в стене бани, стекала в сточную яму.

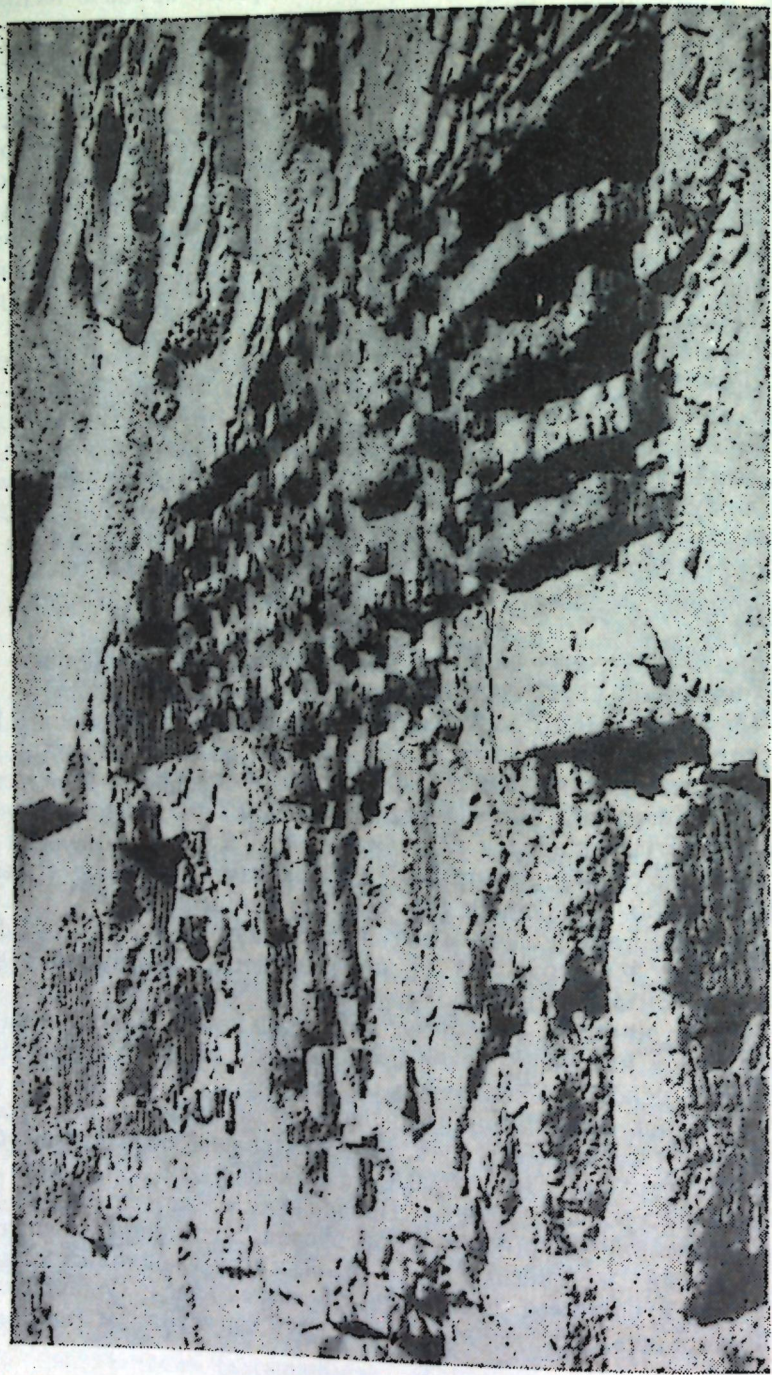
На рисунке вы видите общий вид раскопа отрарских бань с юга рабада.

Обычно в восточных банях обязательно предусматривалось место для совершения намаза. Иногда для этой цели использовалась одна из лоджий центрального зала, ориентированная на юго-запад. В ней обычно устраивался михраб. В отрарской бане роль мечети выполняло помещение 2 площадью 10,8 кв. м, имевшее сообщение с центральным залом. Пол помещения был выложен голубым изразцом различного формата: в центре находился круг диаметром 0,8 м, заглубленный ниже уровня пола на 5 см, края его выложены изразцами, а к центру подведена дымогарная труба, служившая для обогрева помещения.

Если ранние бани получали воду из колодцев, то баня XIII—XIV вв. снабжалась водой из водопровода, проложенного в подземном тоннеле. Забор воды производился из водохранилища. Нагревалась вода через днище одной из цистерн, в которое был вмазан котел. Проходивший под ним жаропровод нагревал котел, заполненный водой, и тем самым выполнял роль основного «греющего элемента».

Отапливалась баня при помощи подпольной системы жаропроводящих каналов, отходящих от топки, представлявшей собой яму глубиной 1 м, имевшей верхний диаметр 0,8, а нижний — 1,3 м. Устье было расположено на уровне основания. Предположительно, что сверху топка закрывалась глиняной крышкой. Жаропровод, отходящий от топки, вначале обогревал железный котел с водой, а затем подходил к системе жаропроводов в подполье помещения 5 — «иссык-хана». Отсюда потоки жара направлялись системой каналов по двум магистралям (ширина 0,5

⁴⁴ Размеры: 26×26×5 см и 26×14×5 см.

Общий вид раскопа бань (Отрартобе).

и 0,4 м), которые разделялись в узле, расположенном в центре подполья: одна шла в направлении помещений 2 и 4, другая — помещений 6 и 7. Каналы формировались барьерами (прямоугольными в разрезе) из жженого кирпича, положенного плашмя в одну строчку несколькими рядами. Жаропровод соединял помещение 5 с центральным залом. Сюда же поступал основной поток жара из подполья помещения 4, где система барьеров — четыре по два в четыре порядка — устроена так, что жар как бы «стекал» в центр по шести каналам. Из подполья помещения 4 жар поступал в помещение 2 по дымогарным трубам. Помещение 9 и центральный зал обогревались жаром, который свободно циркулировал между столбиками из кирпичей, поддерживающих настил пола. Температура в бане регулировалась при помощи трех вертикальных дымоходов, устроенных в толще стен.

Архитектура отрарской бани может быть воссоздана лишь при сопоставлении остатков ее конструкций с архитектурой других, лучше сохранившихся бань.

Обычно баня была многокупольной постройкой, углубленной в землю. Зачастую на поверхности виднелись лишь одни купола. Центральный зал, как правило, перекрывался кольцевым куполом, а угловые — куполами типа «балхи».

Интерьер бани сохранился плохо. По тому, что дошло до нас, можно отметить: полы выложены плитами размерами 40×40×10 см; в центральном зале они, очевидно, были облицованы майоликовыми плитками, аналогичными тем, что покрывали пол в комнате 7; многоцветной или однотонной синей майоликой был вымощен пол в молельне; вдоль стен устраивались суфы. В числе интересных деталей интерьера можно назвать хауз помещения 9. Если учесть, что комната предназначалась для отдыха, то хауз создавал соответствующий настрой и играл центральную роль в оформлении помещения.

Предполагаемый интерьер отрарских бань вполне допустим, если учесть, что Отрар вообще относился к группе городов Средней Азии, отличавшихся высоким уровнем благоустройства. В нем имелись выложенные жженым кирпичом улочки, облицованные фигурными кирпичиками колодцы, индивидуальная для одного или нескольких домов система канализации (ташнау).

Рядом с баней расчищены остатки чайханы, от которой сохранились отдельные комнаты с тандырами и остатки айвана. При раскопках этой бани найдены два десятка мелких монет, из которых большинство чеканилось в XIII—XIV вв. в Отраре, Сыгнаке, Алмалыке и Бухаре.

Появились бани, видимо, не ранее VIII в., проникнув в Среднюю Азию, как полагают исследователи, из районов Средиземноморья. Есть, однако, мнение об их более раннем проникновении в Среднюю Азию, но археологически оно пока не подтверждается. Высказывается мысль и об ином центре происхождения бань, а именно древневосточном.

В IX—XII вв., как свидетельствуют археологические материалы, когда велось интенсивное строительство в городах Средней Азии, несколько бань были обнаружены при раскопках Афраснаба, в Нисе и

Ахсикете. Бани Афраснаба IX—XI вв. отличаются от более поздних по планировке и техническому устройству. Так, баня в западной части городища состояла из тринадцати небольших помещений, каждое из которых имело индивидуальное отопление, суфы и резервуары для воды. Горячая и холодная вода доставлялись в комнаты в котлах. Аналогичная баня, датированная X в., раскопана в восточной части Афраснаба, состоявшая тоже из отдельных комнат с ваннами, лежанками и индивидуальной системой отопления. Интересно то, что исследователи, объясняя устройство и особенности афраснабских бань, ссылаются на слова Ибн Сины о том, что «лучшая баня та, где топку из печи разжигают сообразно натуре тех, кто хочет в нее войти».

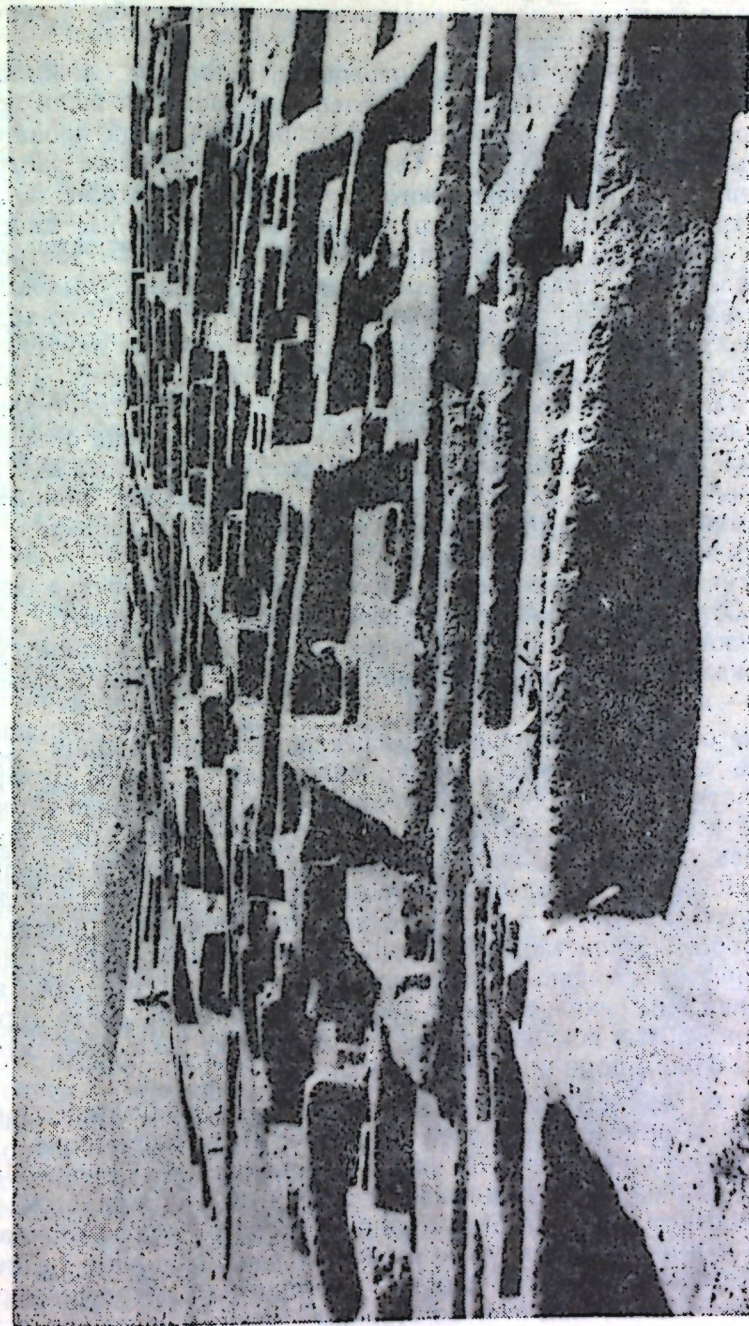
Исследователи, изучавшие две бани, раскопанные на городище средневекового Тараза, отмечали, что они отличались по своей планировке от более поздних среднеазиатских сооружений этого типа и сопоставимы с баней Каср ал-Хейр Ал Гарби в Ираке.

В XIII—XIV вв. бани с крестообразной планировкой получили широкое распространение в городах Поволжья, Крыма, Азербайджана. Наиболее близки отарской бани Булгара, известные как Белая и Красная палаты. Это, на наш взгляд, можно объяснить наличием культурных связей городов Средней Азии с городами Золотой Орды. Сходство бань Великого Булгара и Отрара явное, что, впрочем, характерно для средневековых бань и такого же рода сооружений, широко распространенных в позднее время. Причину этому следует искать в специфике бань, наиболее рациональный тип которых выработан в средневековье и сохранился до наших дней.

Вопрос о времени сложения типа бань, к которому принадлежат отарские, в литературе не решается однозначно. В. Л. Воронина полагает, что бани, сложенные из жженого кирпича, бани с выделением композиционного акцента, со строго последовательной системой соединения помещений и градацией их температурного режима возникали в Средней Азии в XIV в. — после того, как регион оправился после разрухи, вызванной монгольским нашествием. Однако археологические материалы по баням Отрара и другим свидетельствуют об их более раннем появлении, относящемся к концу XI—XII вв. Во второй половине XIII в. и позднее строились бани, продолжившие архитектурно-планировочные традиции, сложившиеся в предшествующее время.

Поздний, более близкий нам Отрар

Разные впечатления вызывает панорама раскопок Отрара, которую дает помещенный ниже снимок. Кому-то древние развалины покажутся замысловатыми контурами бывших величественных построек, кто-то увидит в них бессмысленный хаос погибшего города... Но историки смотрят глубже — в буквальном смысле этого слова. Слои Отрара рассказали специалистам о многом. Например, об эволюционных процессах, происходивших не только в жилищах, улицах, но и в экономике, культуре и этносе знаменитого города. Причем материалы археологов и

Панорама раскопок по уровню XVIII в. (Отраргобе)

материалы этнографов дополняют и высвечивают один другой, создавая определенный исторический ракурс. Так, для нас теперь совершенно очевидным стал факт, что позднесредневековый Отрар был городом аграрного типа.

На центральном бугре Отрара, топография которого сложилась в главных чертах в XIII—XVIII вв., основательные раскопки были проведены по второму уровню строительного горизонта, датированного первыми тремя четвертями XVII в. Оказалось, что основным застройочным компонентом позднесредневекового Отрара были кварталы: подпрямоугольные, трапециевидные и многоугольные в плане жилые массивы, пристроенные друг к другу и составляющие вместе плотную застройку. Дома в кварталах, как правило, не имели индивидуальных выходов на магистральные улицы, они были обращены на внутреннюю площадь — двор или улочку квартала. Так, дома «глядели» входами на внутриквартальные улицы, а их фасад представлял собой глухую стену. Полное отсутствие в такой планировке «красных линий» рождало причудливые извивы переулков, проходов и тупиков. Таким образом, улица объединяла живших на ней людей, была «главным фокусом» квартала, а не «разделительной линией», характерной для европейского понимания квартала. Замкнутость квартала носила оборонительный характер, служила жителям защитой от врагов извне.

Как выяснилось, для понимания многих «проблем» археологического квартала Отрара целесообразно и необходимо сопоставлять его с «этнографическим кварталом» средневекового города. Параллели существуют, как оказалось, в этнографическом материале Бухары, Ходжента, Уратобе XIX — начала XX в.

В отличие от городских кварталов среднеазиатских городов XIX — начала XX вв. кварталы Отрара были маленькими. Так, в Бухаре в квартале насчитывалось от 30 до 120 домовладений, в Ходженте — около 40, в Уратобе — от 257 до 120 домов, а в Отраре — всего от 6 до 12. В ряде случаев удается проследить рост числа домовладений в кварталах Отрара. Поскольку город был застроен крайне плотно и свободной территории почти не было, то увеличение домовладений происходило за счет дробления участков. Часто можно было видеть, как бывшие амбары и дворы перестраивались в жилье. Иногда дом возводился за счет сокращения внутриквартальных дворов. Такой путь роста города был распространен и в позднее время. Так, в Уратобе известны случаи, когда на месте одного дома появилось восемь.

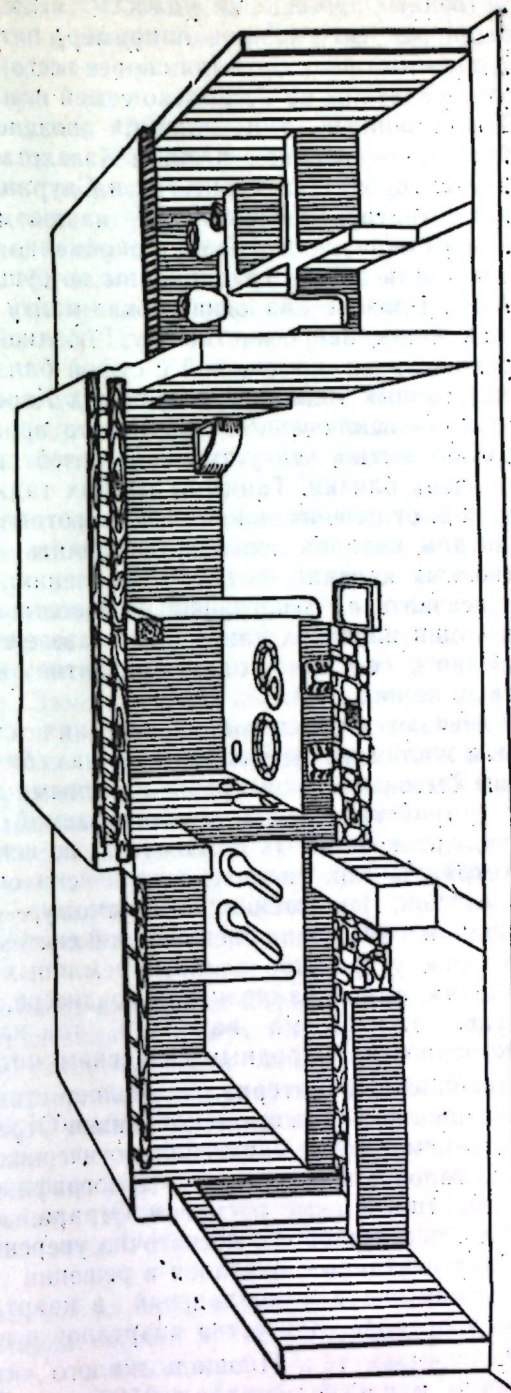
Графическая реконструкция жилого дома позднего Отрара, приведенная на снимке, поможет представить его функциональную роль.

В жилище вне зависимости от числа помещений непременно была комната с П-образной суфой, занимавшей треть всей площади, с вмазанным в нее тандыром. Дымоход этого универсального очага прокладывался в суфе и выводился наружу вертикальным колодцем в стене помещения. Перед тандыром находилась вымощенная жженым кирпичом площадка с ташнау под ней. Со стороны улицы к дому зачастую примыкал айван или дворик. В состав дома входили одно или несколько

помещений — кладовых. Дома были одно-, двух-, трех- и четырехкомнатные, встречались и многокомнатные.

Можно выделить четыре типа домов: с анфиладной планировкой всех комнат, с крестообразной и с Г-образной планировкой. К четвертому типу относятся «большие» дома, где под одной крышей находилось от двух до трех отдельных секций, объединенных общим двориком.

Жизнь обитателей дома проходила в основном в комнатах с суфой и тандыром. Назначение отдельных помещений подсобное: прихожая комната или айван, кладовая, помещение амбарного типа с закромами, которые устраивались либо по периметру стен, либо в углах, либо вдоль боковых стен. В некоторых многокомнатных домах функционировало специальное летнее помещение — дворик с односторонней суфой, по-видимому, закрытой навесом. В суфе устраивались один или два открытых «земляных» очага восьмеркообразной или грушевидной формы. Пол летних помещений покрывался вымосткой из жженого кирпича с плотной глиняной обмазкой, а для стока воды были предусмотрены ташнау. В массе

Графическая реконструкция жилого дома, XVIII в. (Отраробе)

хозяйственных помещений удалось выделить загоны для скота и конюшни, на что указали, например, пять кормушек. Помещения для скота довольно редки и были скорее всего не индивидуального пользования, а рассчитаны на несколько семей или даже на весь квартал.

Традиционный тип жилища позднесредневекового Отрара — не изолированное явление в Южном Казахстане. Аналогичные жилища встречаются на городищах Туркестан и Сауран, на Культобе — на северных склонах Каратау, на Кауганате — на левом берегу Сырдарьи.

Планы отарских жилищ, непременно включающих жилую комнату, переднюю или айван, традиционны по существу для всех народов Средней Азии. Близкие аналоги можно найти и в таких обычных устройствах, как ниши, закрома, ташнау, позднейшие «сандалы». Интерьер отарских жилых помещений с суфой близок современному народному жилищу горных таджиков в пределах Каратегина и Вахша, где почти весь пол, за исключением небольшого пространства у двери, поднят на метр. Любопытно, что устройство печей и тандыров и их назначение также очень близки. Тандыры горных таджиков — это и хлебная печь, и очаг для отопления жилища и приготовления пищи в казане. Однако есть деталь, которая позволяет выделить отарское жилище в кругу родственных явлений, — способ отопления. Дымоходы типа отарских в среднеазиатской этнографии не известны. На наш взгляд, отопление при помощи коротких канов было завезено на Сырдарью в XIII в. из Семиречья и получило здесь развитие в XIII—XIX в., сохранившись вплоть до наших дней.

Намечаются точки соприкосновения отарского дома с казахским оседлым жилищем. Здесь обращает на себя внимание то, что в казахском жилище бытовали печи с разнообразными дымоходами. Особенно любопытно устройство печей с обогреваемой дымоходами перегородкой, происхождение которых до сих пор не ясно. Не исключено: их можно рассматривать как явление, генетически связанное с позднесредневековыми канями. Печи-стенки, по-видимому, — продукт одного из завершающих этапов в эволюции специфичной системы отопления. Отметим также аналогичное устройство длинных земляных очагов Отрара и казахских «жирошак». Эти параллели для позднесредневекового жилища Отрара представляются весьма важными, так как в них намечается линия преемственности с народным казахским жилищем.

Накопленный материал позволяет ставить и решать некоторые вопросы социально-экономической жизни Отрара.

Одним из важнейших социологических аспектов изучения средневековых городов и поселений — демографические исследования. Опираясь на тщательные раскопки Отрара, они позволяют установить численность жителей его достаточно уверенно. Для Отрара XVII в. наиболее перспективным оказался в решении этой задачи путь на основе определения числа домовладений в квартале, численности жителей одного квартала, количества кварталов в городе и числа всех жителей.

Рассуждаем так. Площадь жилого квартала в Отраре — 1200—1800 кв. м, или в среднем около 1500 кв. м. Территория, занятая Отраром

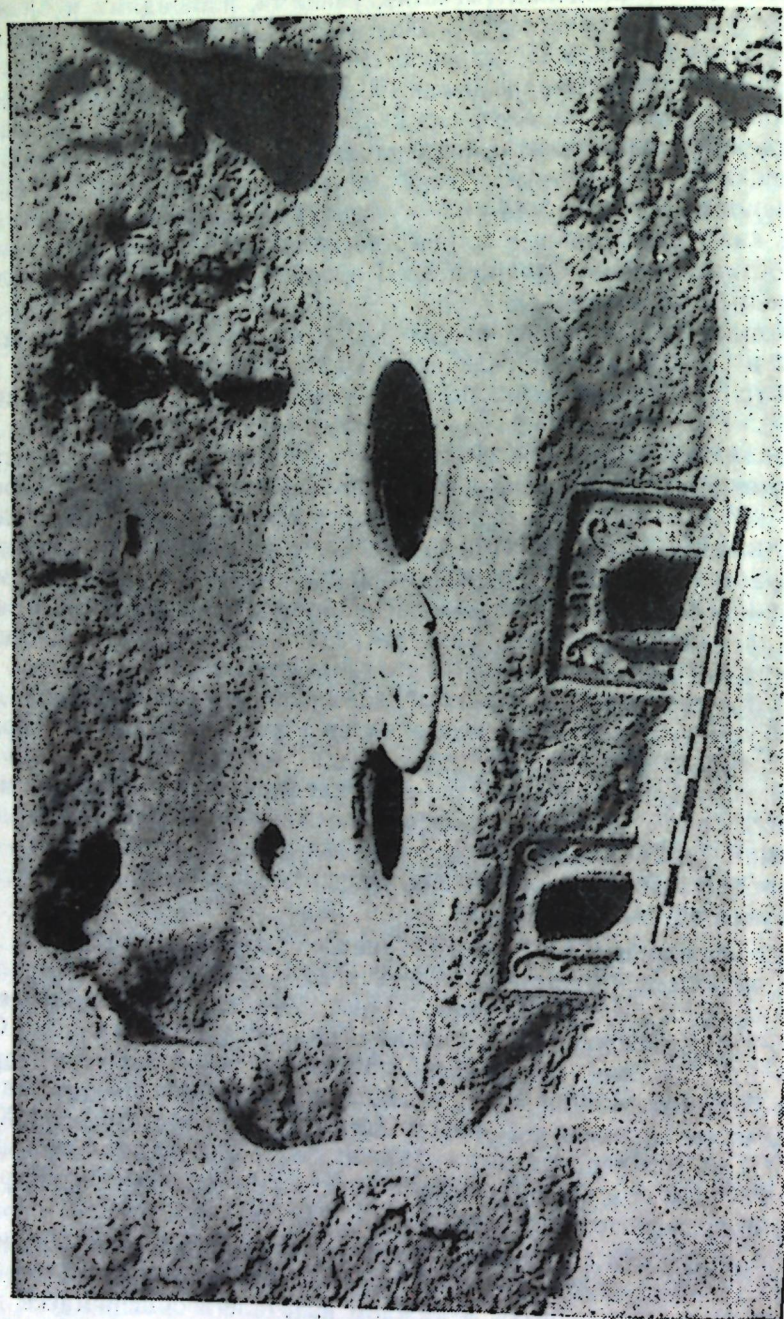
в XVII в., исчисляется 20 га, или 200 000 кв. м. Если учесть, что четвертая часть ее (общепризнанный коэффициент) была занята зданиями общественного пользования (мечети), улицами, площадями и базарами и отвести на все это четвертую часть города, то площадь, занятая жилыми кварталами, — 15 га, или 150 000 кв. м. Таким образом, в позднесредневековом Отраре было 100 жилых кварталов. Рассуждаем далее. Число домов в каждом из кварталов — от 6 до 12. Каждое из домовладений принадлежало индивидуальной семье, состав которой 5—7 человек, а всего в квартале, таким образом, проживало 30—42 или 60—84 человек, в среднем 45—63 человека. Перемножив число населения в одном квартале на общее количество жилых кварталов, получим, что численность населения Отрара в XVII в. составляла 4500—6300 человек, или в среднем 5500 жителей.

Накопленный за последние годы археологический материал анализируется в различных направлениях. Одно из них — это изучение социальной стратификации горожан, которое позволило установить следующее.

Выделяются дома богатых горожан, состоящие из трех-четырех и более помещений, где, кроме жилого помещения, айвана или передней (иногда и то, и другое), присутствуют хозяйственные помещения — амбары, кладовые, летние помещения, причем встречаются самые различные варианты, и дома рядовых горожан, в которых функции амбара и кладовой совмещены (закрома располагаются иногда прямо в жилой комнате по периметру стен). Заметно различаются размеры помещений и полезная площадь этих видов домов. Для жилища состоятельных горожан характерно также широкое использование жженого кирпича, применение художественных керамических плит для отделки печей и крышек ташнау, использование в сливных колодцах сосудов специального изготовления и в большом количестве деревянных деталей и т. д. В многокомнатных домах типичны помещения, специально предназначенные для содержания скота. Беднота ютилась в небольших по площади одно-двухкомнатных домах с каркасными стенами; постройки были расположены скученно.

Были выявлены в каждом из кварталов Отрара один или два дома, которые отличались от других наличием двух тандыров в центральном помещении (как выглядели такие тандыры, показывает приведенный снимок), что, возможно, было привилегией квартальных старшин. Однако дома с двумя тандырами — необязательно самые большие в квартале и самые богатые, а напротив, в подавляющем большинстве случаев рядовые. Такое положение можно понять по аналогии с Бухарой XIX — начала XX в., где квартальные старшины-аксакалы никогда не выбирались из богатей или знатных людей. Это был почетный пост: старшина считался слугой общества.

Характерно, что социальная картина в кварталах, воссозданная на основе археологических материалов, как правило, однородная: нет кварталов «богатых» и «бедных», в каждом квартале в общей массе домов есть два-три богатых, один-два бедных. Такой феномен объясняется

Жилище с двумя тандырами состоятельного горожанина, XVIII в. (Отраре)

этнографическими параллелями. В той же Бухаре в одном и том же квартале, в одной и той же квартальной общине имелись богачи и бедняки. Причем, социальное неравенство не нарушало издревле бытовавшего уклада, напротив, для богатых и знатных семей такое соседство представляло много удобств, ибо им легко было найти людей для услуг.

Таким образом, для большинства кварталов Отрара характерна определенная социальная уравниловка состава жителей.

Отмечается ремесленная специализация кварталов. Например, в северо-восточной части города располагался квартал, где жили гончары. Судя по обилию шлаков, связанных с производством металла, в некоторых домах в центральной части Отрара обитали кузнецы. Видимо, были и кварталы, специализировавшиеся на торговле — на это указывает целый ряд таких небольших помещений, как лавки со стороны улицы.

Большинство жилых домов Отрара имели зернохранилища вместимостью до тонны, что вполне достаточно для потребления одной семьи. Однако обращает на себя внимание то, что многие дома имели амбары, вместимость которых явно превышает годовую потребность одной семьи. В среднем каждый третий дом в Отраре имел зернохранилище емкостью 5—8 т в пересчете на пшеницу или ячмень. Встречаются зернохранилища, куда можно было засыпать до 15 т зерновых культур. Если учесть зерно, необходимое для посевного фонда, то в этих домах количество зерна, засыпаемого в амбары, в три-четыре раза превышало среднюю годовую потребность семьи в хлебе. Значит, производственная деятельность, по крайней мере третьей части городского населения, была тесно связана с товарным сельским хозяйством, в частности, с выращиванием зерновых культур — проса, ячменя, пшеницы.

О том, что именно городское население было втянуто в сферу сельскохозяйственного производства, свидетельствует то, что сельскохозяйственной округи у Отрара XVI—XVIII вв. практически не было. Видимо, часть городского населения на лето переселялась за город на сельскохозяйственные участки, принадлежавшие отдельным семьям, где вело сельское хозяйство, заготавливая на зиму хлеб, овощи, откармливало скот. Часть населения занималась производством товарного зерна. Такой способ хозяйствования был характерен и для городского населения Ташкента, Самарканда, Сайрама в XIX — начале XX в.

Изучение застройки центральной части Отрара выявило также несколько разновременных строительных горизонтов с XIV по XVI вв.

Жилые постройки второй половины XV — первой половины XVI вв. вскрыты на площади 7500 кв. м. Полностью раскопан участок (трапециевидной в плане формы), ограниченный с северной, восточной и частично южной сторон улицами, которые уже были известны по верхнему слою. В целом в раскоп вошел жилой массив площадью около 1200 кв. м, с трех сторон ограниченный улицами. Судя по глухой стене, которая пересекает жилой массив по длинной оси, перед нами две части различных кварталов. Задние стены домов проходят по линии глухой стены внутри жилого массива, выходы из домов обращены в разные стороны, на две противоположные внутриквартальные улицы.

Жилые постройки конца XIV — начала XV вв. исследовались на площади 1500 кв. м. Объектом стал «квартал», включающий внутриквартальную улицу протяженностью около 40 м и открывающиеся на нее проходами жилые дома строительного горизонта конца XIV — начала XV вв. Всего вскрыто 11 домовладений, для которых характерна традиционная планировка, хорошо выявленная в вышележащих горизонтах — анфиладная (линейная) и крестовидная (периметральная). В отличие от построек более верхних горизонтов для этого характерны жилища меньших размеров, с планировкой менее четкой. Постройки этого времени погибли в результате пожара. На полах, в завалах собрано большое количество монет, изделий из металла и особенно много поливной керамики: чаши красноангобированные с зеленой, желтой и коричневой поливами, желтополивные чаши с полихромными росписями, изделия с голубой поливой и росписью черным.

На раскопанном в течение ряда лет участке прослежена традиционная на протяжении 400 лет застройка в твердых границах квартала при подвижной планировке площади отдельных домовладений. Выясняется, что границы кварталов города XVI—XVIII вв. в основном совпадают с кварталами более раннего периода XIII—XV вв. Сохранилась преемственность не только в градостроительстве, но и в типах домов.

Изучение жилища позднесредневекового Отара показало, что в его простейшей основе находится однокамерная постройка, в которой объединены функции жилья, кухни, хранилища. В доме различаются две зоны — жилая и хозяйственная. Большую часть помещения (до 80 %) занимала суфа с вмазанным в нее тандыром, имевшим дымоход и служившим для обогрева дома и приготовления пищи. На суфе, в углах, противоположных месторасположению тандыра, находились закрома и сосуды для хранения продуктов, перед очагом на уровне основания стен — площадка ташнау, под кирпичной вымосткой площадки — устье сливного устройства. На полу площадки у стен, а также на борту суфы у тандыров стояли сосуды хозяйственного и столового назначения. Здесь же (на площадке или на специальной круглой тумбе) находился ручной мельничный постав (зернотерка). Кроме очага-тандыра на специальной площадке ближе к одному из углов ташнау, на уровне суфы располагался очаг открытого типа.

Развитой формой такого жилища являются обнаруженные в раскопе многокомнатные дома с различными вариантами планировочных схем: анфиладной, четырехчастной, Г-образной. В них функции, совмещавшиеся ранее в одной комнате, рассредоточены, и обязательно есть кладовые и дворики.

Многие черты планировки, интерьера строительных особенностей жилища восходят к IV—XII вв. Так, жилище IV—VII вв., известное по раскопкам Кок-Мардана, однокамерное и двухкамерное. Жилые и хозяйственные функции совмещены. У стен — П-образные суфы, в углах — секторальные закрома, вмазанные хумы. Для отопления использовался открытый очаг, близко напоминавший жаровые открытые очаги в домах XIII—XVIII вв. Для приготовления пищи служили вырубленные в

стенах камины. Отапливались жилища «по-черному». В некоторых домах перегородкой была отделена кладовая. Встречены тумбы для зернотерок. Такие детали интерьера дома IV—VII вв., как закрома, ручные поставы для помола, близки описанным выше деталям внутреннего убранства позднесредневекового дома. Этот факт говорит о долговременном сохранении автохтонного пласта населения Сырдарьи.

... И другие позднесредневековые города Отрарского оазиса

Еще совсем недавно исследователи прошлого Казахстана считали, что в послемонгольское время городская жизнь здесь была подорвана и лишь несколько городов продолжали существовать, напоминая о некогда цветущих оазисах оседлой жизни и городской культуре. Действительно, монгольское нашествие оказало губительное воздействие на развитие городов в Семиречье — Илийской и Таласской долинах. Однако иначе сложилась судьба сырдарьинских и каратауских городов. Сожженные и разграбленные в начале XIII столетия, они вскоре возродились и уже в конце XIII—XIV вв. играли важную роль как центры ремесел и торговли, будучи также в XVI—XVII вв. резиденциями казахских ханов. Начиная с XVI в. немаловажное значение в их судьбе имели новые караванные пути из Средней Азии через долину Сырдарьи и перевалы Каратау в Россию, когда она для среднеазиатских государств и казахских ханств становится главным торговым партнером. Вообще именно торговля была важным стимулом, благоприятствующим сохранению городской жизни в Казахстане вплоть до XVII—XVIII вв.

Разведывательные маршруты археологов выявили десятки позднесредневековых поселений и городов на левом и правом берегу Сырдарьи в долинах Бугуни и Арыси, в оазисе Туркестана, на южных и северных склонах Каратау. Уже одно соотнесение обследованных развалин с данными письменных источников позднесредневековых авторов позволило определить местоположение многих из этих городов и более полно расставить знаки на карте Казахстана XIII—XVIII вв.

В среднем течении Арыси источники помещают два города: Карасаман и Яганкент. Первый из них известен уже с конца XIV в., именно в нем в 1392 г. Тимур принял послов золотоордынского хана, бывшего союзника, а затем непримиримого врага Тохтамыша. Затем Карасаман упоминается Халедом-Халедом, под названием Халадж-Карасман упоминается Хафизом Танышем, придворным поэтом и хронистом бухарского хана Абдаллаха II. Сопровождая хана в его походах на казахов в 1582 г., он оставил нам записки очевидца, из которых, например, известно, что в Халадж-Карасмане Абдаллах II расположил часть своего войска и обозы. Остатки этого города находятся вблизи современного села Обручевка и до сих пор сохранили свое несколько видоизмененное древнее название — Караспан. При обследовании его развалин обнаружена керамика XV—XVII вв., монеты, поделки из железа и бронзы. Обилие керамики свидетельствует об интенсивной жизни города в период позднего средневековья.

О втором городе — Яганкенте (Яаканкент) — известно благодаря тому же походу Абдаллаха II. Согласно источникам, выступив из Саурана, хан с многочисленным войском «...расположился лагерем на берегу р. Арс (Арысь. — Авт.), в окрестностях Яганкента, в Кушулуше, реки Буралдай (Боролдай. — Авт.)»⁴⁵. Поиски археологов в районе слияния рек Арысь и Боролдай открыли несколько городищ и среди них Тортколь, что выше с. Тамерлановка, существовавшее, как показали предварительные работы на нем, в XV—XVII вв. Таким образом, можно довольно уверенно расположить Яганкент на месте развалин Тортколя-тобе.

Неподалеку от Отрара, как свидетельствуют письменные источники XV в., находилось селение Чилик. По всем признакам это и есть то селение в 5 фарсах от Отрара, которого достигли отряды Тимура в 1404—1405 гг., перед тем, как правитель сконцентрировал войска перед грядущим походом на Восток в Отраре незадолго до своей смерти. Название Чилик сохранилось в современной топонимике — так именуется речка и населенный пункт в 30 км северо-западнее Отрартобе. Рядом с Чиликом расположены развалины Бузуктобе, одного из крупных средневековых городищ Южного Казахстана: только центральные развалины его в виде высокого плоского бугра, который вы видите на фотоснимке, протянулись на 150 м с севера на юг и на 300 м с востока на запад. Выделяются цитадель, шахристан и рабад. Раскопки, проведенные на шахристане Бузука, установили, что верхние слои городища датируются XIII—XV вв. В раскопе были обнаружены остатки жилища из сырцового кирпича с системой отопления при помощи жаропроводящих каналов — канов. Возникновение же Бузука восходит к первым векам, судя по обломкам керамики, собранной в осыпях крепостных стен и на территории городища. В XV в. жизнь на городище прекратилась, и этим можно объяснить тот факт, что в письменных источниках XVI—XVIII вв. название Чилик больше не встречается.

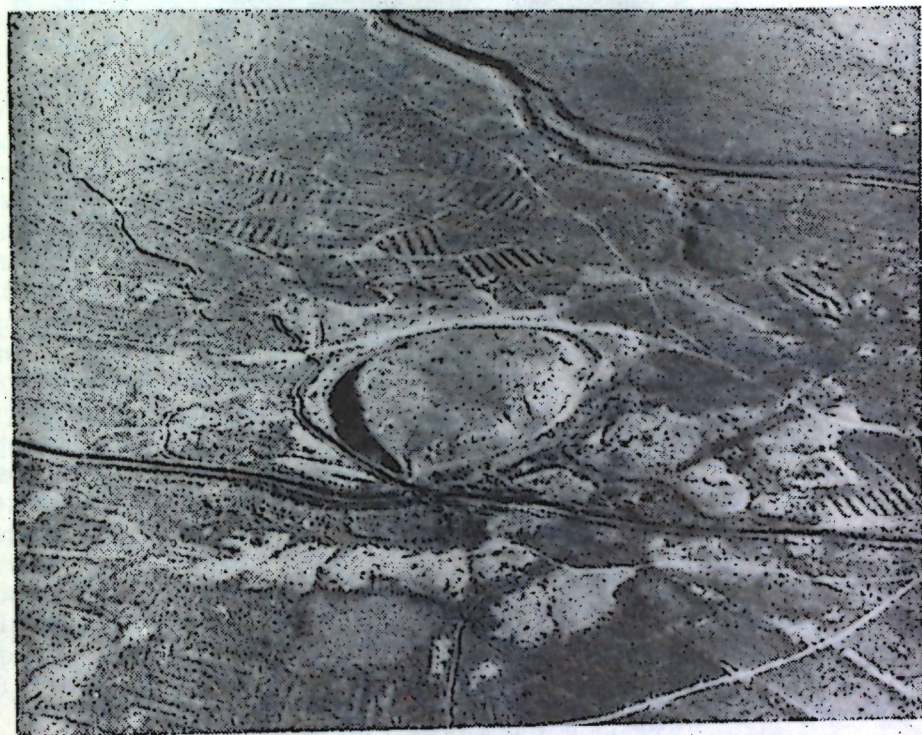
Источники, называя центром крупного экономического округа в позднее средневековье Туркестан, упоминают о многочисленных селениях вокруг, в том числе наиболее известных — Карачук, Карнак, Иунка и Сура.

Карнаку, который известен как место, где отливали огромный котел для мавзолея Ахмеда Ясеви, соответствует городище в селе Атабай в 25 км севернее Туркестана. Село до недавнего времени называлось Карнак, сохраняя, таким образом, имя древнего города. Городище носит название Ишкан (старый город). Это бугор (прямоугольный в плане), сильно разрушенный современным строительством, но сохранивший топографию средневекового города.

Карачук, Сура и Иунка упоминаются в сочинении Хафиза Таныша как города, находившиеся в дневном переходе от города Икан, местоположение которого хорошо известно, поскольку сохранилось название

одноименного поселка. Карачук упоминается, кроме того, в русских источниках XVII в., согласно которым он находился в 5 верстах от Туркестана на караванной дороге из Сибири в Среднюю Азию.

Название Карачук (Карачик) сохранилось в гидронимике региона: под этим именем известна речка в окрестностях Туркестана, на берегах которой зафиксировано несколько древнеземледельческих поселений и средневековых городищ. Для одного из них — Тортколя II — характерны специфическая топография позднесредневековых городищ и обилие

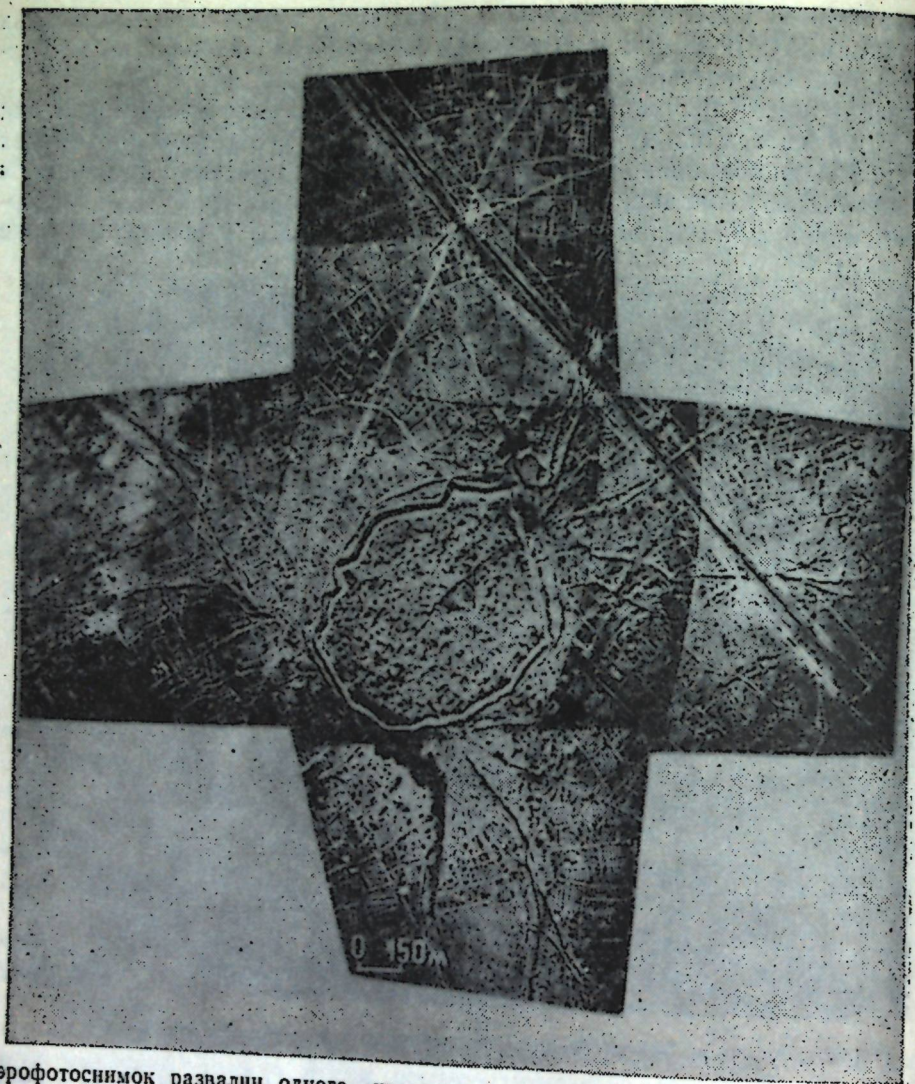

Аэрофотооснимок Бузуктобе, отождествляемого с селением Чилик, I—XV вв.

керамики XV—XVIII вв. Городище расположено на левом берегу реки Карачук в 8 км севернее Туркестана и представляет собой два плоских прямоугольных бугра, в топографии которых читаются остатки улиц, городских кварталов, крепостной стены и башен на ней. Многочисленные керамические шлаки, черепки бракованной посуды — все это позволило определить местонахождение кварталов древних гончаров: они стояли близко к воде, на берегу речки. Отождествление Карачука с городищем Тортколем II не вызывает сомнений.

Неподалеку от Карачука находилось селение Иунка. Предположив, что ему должно соответствовать городище неподалеку от Туркестана, нашли ему соответствие — это скорее всего городище Жойнектобе, лежащее в 15 км северо-восточнее Туркестана. На снимке вы видите

⁴⁵ Волин С. Л. Сведения арабских источников о долине р. Талас и смежных районах // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1960. Т. 8. С. 81.

Аэрофотоснимок развалин одного из древних городов левобережья Сырдарьи — Саурана, I—XV вв.

мощный бугор, напоминающий горб верблюда. Городище частично размыто рекой Черменсай и, судя по собранному в разрезах материалу, возникло в первые века и благополучно процветало вплоть до XVIII в., о чем свидетельствует характерная для этого времени поливная керамика (грязно-белые и синие поливы, роспись в виде спиралей, клякс, мазков, выполненных фиолетовой и марганцевой красками). В 40 км западнее находился крупный город Сауран, развалины которого хорошо сохранились, что четко можно различить на приводимом аэрофотоснимке.

Важное значение в судьбах позднесредневекового Казахстана играли города левого берега Сырдарьи. В источниках упоминаются Сюткент, Куджан, Аркук, Аккурган и Узгент. Месторасположение их, кроме Сюткента, долго не было известно, сейчас установлено.

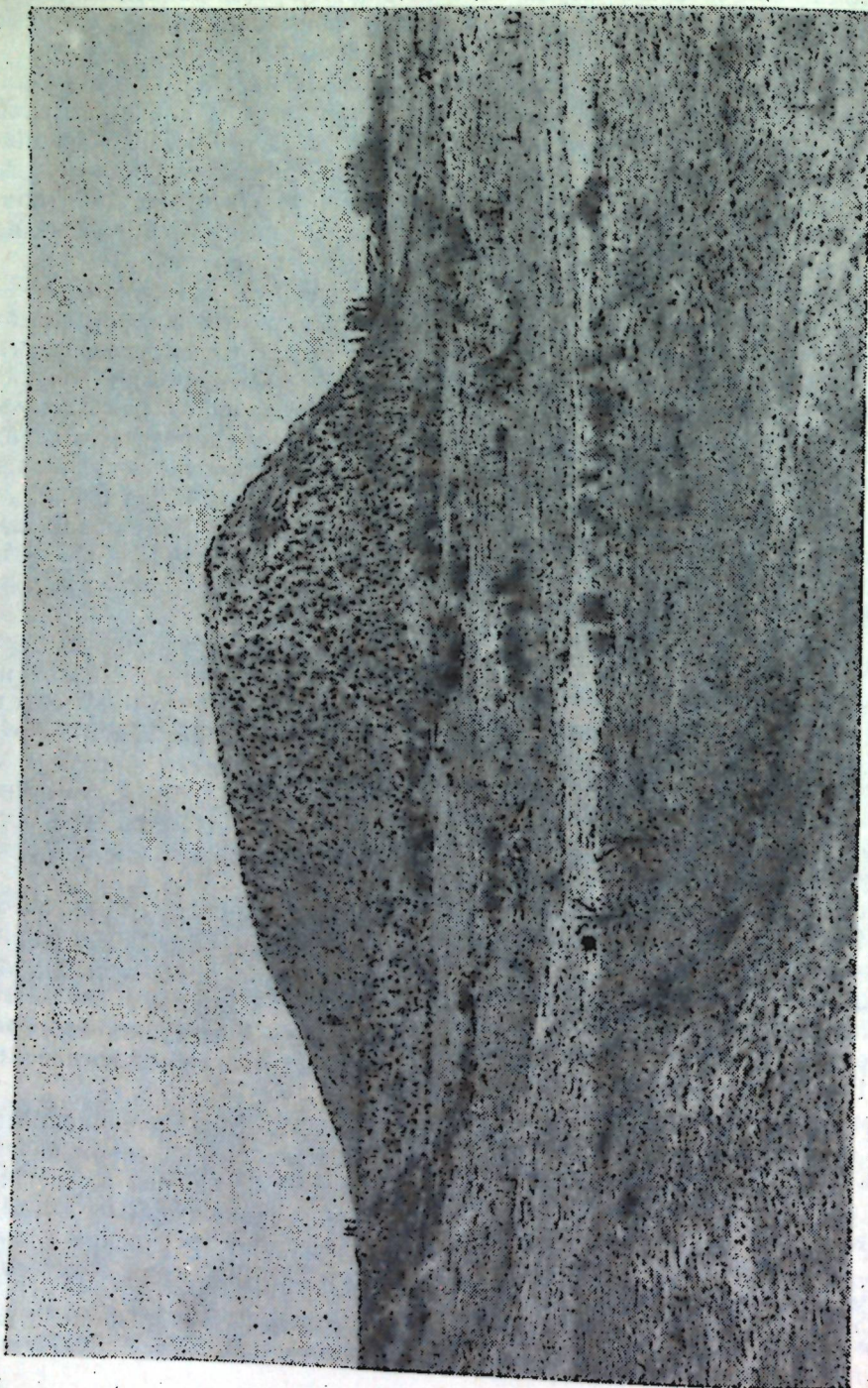
Куджану (Кугану) соответствует городище Кавган-Ата на южной окраине поселка Балта-Куль. Это бугор (округлый в плане) высотой 8—10 м и диаметром 170 м, по периметру окруженный стеной с башнями. Вокруг в радиусе до одного километра прослеживаются следы предместья и отдельных усадеб. Керамика датирует верхний слой городища XVI—XVIII вв. — временем, к которому относятся собранные на поверхности городища монеты чекана Яссы и Бухары.

Аркук, известный как селение, охарактеризован историками XV—XVII вв. довольно подробно. Находился он на расстоянии фарсаха от Сырдарьи, имел небольшие размеры и был богатым земледельческим поселением с сильной крепостью, которую называли «ключом для завоевания других крепостей». Аркук приобрел известность в связи с началом деятельности Мухаммеда Шейбани. В 1509 г. во время похода на казахов войска этого хана оказались в тяжелом положении — кончились запасы продовольствия и фуража. На пути был Аркук, и жители его смогли полностью снабдить воинов всем необходимым. Богатство селения удивило Шейбани. Историк так описал этот эпизод: «И это — дело весьма диковинное, потому, что если бы прохождение такого войска случилось через большую часть местностей Мавераннахра, Хорасана, Ирака и Азербайджана и оно потребовало бы продовольствия на один месяц, то, возможно, разорилось и погибло бы множество народа от наказаний и мучений при поисках зерна. Войско не смогло бы удовлетворить свои потребности, а те местности лишились бы красоты благоустройства и процветания, и даже долгое время спустя никто бы не посеял семян на пашнях ни в одном округе из округов...»⁴⁶. Не случайно Шейбани приписывают следующие слова об Аркуке: «Эта крепость Аркук имеет по отношению к нам такое же значение, какое имела Медина по отношению к пророку».

Ниже городища Кавган-Аты археологами обнаружен Бузук, представивший материал XV—XVIII вв. Это — площадка, округлая в плане, диаметром около 300 м, окруженная валом с башнями. Два въезда соединялись улицей, которая делила территорию города на две части. Внутри различаются городские кварталы, улицы и переулки. Топография Бузука полностью соответствует позднесредневековому поселению, каким был Аркук.

Города Аккурган и Узгент локализованы благодаря сохранившимся до сих пор топонимам: так называются два городища на левом берегу Сырдарьи. В «Истории Абу-л-Хайр-хана» Мас'уд бек Усман Кухистани называет Аккурган в числе городов, добровольно сдавшихся Абу-л-Хайр-хану, как и Сыгнак, Сузак и Аркук. Город известен и по русским источникам XVII в. В «Книге Большому Чертежу» Аккурган-град помещен в

⁴⁶ Фазаллах ибн Рузбихан Исфгани. Михман-наме-йи Бухара: (Записки бухарского гостя). Перевод, предисл. и примеч. Р. П. Джалиловой. М., 1976. С. 75—76.

Бугор Жойнектобе, I—XVIII вв.

70 верстах от Янкурмана (Яныкурман) и в 110 верстах от Сайрана (Сайрама).

Городище Аккурман расположено в 4 км от Сырдарьи. Это большой двухъярусный бугор трапециевидной формы, сторонами ориентированный по четырем странам света. Наиболее высокая часть городища размерами 150×110 м возвышается на 6 м над общей поверхностью развалин. Эта часть городища (видимо, цитадель) была укреплена стеной с башнями. Вокруг возвышенной части расположены развалины в виде плоского бугра (подчетырехугольного в плане). Размеры его сторон: восточной 210 м, западной — 240 и южной — 230 м. Городище опоясано ровом. Датируется памятник на основании подъемного материала XIII—XVIII вв. Отождествление Аккурмана с одноименными развалинами не вызывает сомнения.

Такое же положение обстоит с локализацией Узгента. Он впервые упоминается вместе с Сыгнаком, Аркуком и Аккурманом, сдавшимся Абу-л-Хайр-хану. Затем город описывается в связи с началом деятельности Мухаммед Шейбани-хана.

Городище Кыр-Узгент, этот многоугольный бугор, окруженный по периметру стеной с круглыми башнями, имеет наибольшую протяженность с севера на юг 250—300 м. Стена, которая окружает городище, состоит из сомкнутых под тупым углом отрезков длиной 50—70 м, места их соединения усилены пятнадцатью башнями. Городище опоясано ровом. Въезд расположен в восточной части. Центральная улица, которая начинается от въезда, пересекает территорию и подходит к водохранилищу-хаузу, расположенному в западной части городской территории. Вокруг центрального бугра расположены остатки прежней застройки в виде бугров различной конфигурации. Прослеживаются участки садов, следы ирригационных планировок. Датируется городище XIII—XVIII вв.

На северных склонах Каратау наибольшей известностью пользовался Сузак. Рядом с ним источники XV—XVI вв. помещают населенный пункт Каракурун. У Бинаи, автора второй половины XVI в., в «Шейбанинаме» описывается эпизод подготовки казахского хана Бурундука к военной кампании против узбеков: «Собрав пехоту и конные войска из людей Сузака и окрестностей Каракуруна, соединил (их в одно) большое войско»⁴⁷. Поиски на склонах Каратау открыли городище Культобе, расположенное в 25 км западнее Сузака в ущелье, носящем название Карагур (сравни с Каракурун). Цитадель городища в плане имеет вид треугольника, окруженного стеной из плит камня. Размеры сторон соответственно равны: северной 30 м, западной — 70, юго-западной — 40, юго-восточной — 60, восточной — 30 м. Цитадель расположена в центре шахристана, протяженность которого с севера на юг около 200, с востока на запад — 120 м.

Раскопки, которые вскрыли четвертую часть шахристана Культобе, открыли кварталы, улицы между ними, жилые дома. Наличие на Каратау камня позволило строителям Каракуруна сооружать стены домов из камня или из камня в сочетании с сырцовым кирпичом. Выяснилось,

⁴⁷ Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1970. С. 21.

что дома аналогичны оттарским: в них обязательно имеется помещение с тандыром, от которого идут дымоходы в суфы, заканчивающиеся вертикальным колодцем в стене. Рядом с тандыром ташпау, сверху вымощенные каменными плитками. В доме кроме помещения с тандыром (кухни) есть комнаты хозяйственного назначения.

Город являлся своеобразной провинциальной репликой Отрара. Если Отрар — город, то Каракурун — сельскохозяйственное поселение в глубине Каратау. При раскопках получена многочисленная серия сосудов, вылепленных от руки. Это — котлы, горшки, характерные для кочевого быта. Интересно, что на Отраре такого рода посуды мало.

Каракурун был не единственным поселением на северных склонах Каратау: рядом в 15 км в ущелье Рап археологи обнаружили еще одно такое же городище. Известно городище Аксумбе, которое упоминается в источниках XIV—XV вв. в связи с походами Тимура на золотоордынского хана Тохтамыша. В Аксумбе находился пограничный гарнизон Тимура. Здесь было удобное место для наблюдения за степью. Свое название город получил от сторожевой башни на вершине горы, которая сохранилась до настоящего времени.

На северных склонах Каратау на дороге из Сузака в Сауран источники помещают также крепость Иилан-Караул. Когда Абдаллах-хан осаждал Сауран, другая часть его войска была у стен Сузака. Абдаллах приказал войску, стоящему у Сузака, объединиться, и по пути оно прибыло «к одной крепости, укрепленной и сильной, носящей название Иилан-Караул. Здесь укрепившись сидело многочисленное войско Дашта и препятствовало проезду»⁴⁸. В настоящее время в топонимике Каратау названия Иилан-Караул не сохранилось. Поиски памятника, который мог бы соответствовать Иилан-Караулу, привели к открытию двух «каменных городищ», расположенных северо-западнее Туркестана на горных перевалах через Каратау: Большая и Малая Кыркыз (современное название). Это крепости, стены которых сложены из плит дикого камня. Раскопки, проведенные здесь, установили время жизни крепостей — XV—XVIII вв. Крепости охраняли горные проходы и скорее всего именно их можно сопоставить с Иилан-Караулом...

Археологические поиски и исследования позднесредневековых городищ уже сейчас позволяют привязать к конкретным памятникам такие летописные города и селения, как Карасаман, Яганкент на Арыси, Чилик на Бугуни, Карачук, Иунка вблизи Туркестана, Куджан Аркук, Аккурган и Узгент на левобережье Сырдарьи, Каракурун и Иилан-Караул на северных склонах Каратау. Эти города и селения жили полнокровной жизнью, как и Отрар, Сузак, Туркестан, Сауран, Сайрам, а значит, можно утверждать, что городская жизнь в Казахстане продолжалась и достигла определенного расцвета в XV—XVIII вв., т. е. в период существования Казахского ханства.

⁴⁸ Материалы по истории Казахских ханств. С. 293.

Через Оттарские находки — к познанию материального и духовного

В каждой мимолетности
Вижу я миры,
Полные изменчивой
Радужной игры.

Д. Бальмонт

У земли и воды брал силу народ

Оттарский оазис... Мы заглянули в его глубокое прошлое и поняли: города Казахстана, эти древние центры оседлого образа жизни, возникали, как и везде, при благоприятном стечении обстоятельств. Им были богатые природные данные и определенные возможности завязывать отношения с соседями. Оазис, о котором мы рассказывали, находился на средней Сырдарье в удобной для земледелия местности. Но центры оседлости, изначально аграрные, постепенно выросли в торгово-ремесленные, что было связано с начальным процессом отделения ремесла от сельского хозяйства и значительным расширением ремесленного производства. И в этот период положение Отрара на стыке международных торговых путей оказалось ему как нельзя на руку: отношения с соседями, близкими и дальними, стали принимать форму торгового обмена продукцией... Контакты торговые перерастали в контакты культурные, ибо международные пути между Востоком и Западом служили проводниками духовности — технических новшеств, религиозных идей, искусств. Все это служило углублению процесса урбанизации, который, по К. Марксу, был естественно обусловлен ростом ремесла и торговли: «Как только городская промышленность как таковая отделяется от земледелия, ее продукты с самого начала становятся товарами и, следовательно, для их продажи требуется посредство торговли. Связь торговли с развитием городов и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлей понятны таким образом сами собой»¹.

Однако с урбанизацией, как мы знаем, значение сельского хозяйства в жизни городов не потеряло своего значения. И об этом стоит сказать подробнее.

Земледелие и скотоводство как одно из направлений хозяйства в средние века всегда было в тех либо иных размерах занятием городского населения и на Востоке, и на Западе. Известный исследователь Б. Н. За-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Т. 25. Ч. I. С. 365.

ходер при характеристике городов Хорасана указывает на важную роль сельского хозяйства в жизни горожан. Письменные источники повествуют о полях и садах горожан Малой Азии, называют земледелие одним из подсобных занятий населения городов Индии, Закавказья, Монголии, России. Увлечение сельским хозяйством горожан Западной Европы долгое время отмечалось в литературе как закономерное явление.

И все же, отмечая определенную роль сельского хозяйства в жизни средневекового города, подчеркнем: оно играло подчиненную роль в отличии от ремесла и торговли, представлявшим собой основное занятие городских жителей.

Формирование феодальных владений, сложение городов в свою очередь не могло не отразиться и на развитии сельской округи.

В Отрарском оазисе в VII—VIII вв. строилась оросительная система, базировавшаяся на водах Арыси. Магистральные каналы этого времени в отличие от более поздних имели оплывшие валы и несколько поднятые над общей поверхностью русла. Остатки системы хорошо прослеживаются севернее Отрара в районе городища Пшакчитобе, где расположена группа памятников Бес-Актобе, возникших в первые века и существовавших до VI—VIII вв. К этому же времени относится и формирование ирригации на левобережье Сырдарьи в районе городища Оксус.

На нижней Сырдарье вплоть до IX в. использовались оросительные системы, построенные еще в предшествующее время. В урочище Джеты-Асар для орошения жители использовали паводковые воды, собранные в водохранилищах на старицах, отсюда их по магистральным каналам через оросители подавали на поля. Система сооружения бассейнов-водохранилищ в Джеты-Асарах получила наибольшее распространение в VII—XIII вв., когда уменьшилось количество воды, поступающее в основные протоки северной Кувандарьи.

В IX—X вв. отмечен процесс совершенствования системы ирригации, изменения конфигурации агроиригационных планировок. Это подтверждается раскопками. Так, в районе Оксуса и Мейрамтобе обнаружены магистральные каналы, дамбы, чигирные ямы, агроиригационные планировки. От того времени сохранилось название одного из городов левобережья Сырдарьи — Зернук, означающего «скворец», а так именовался вид чигиря, использовавшегося в средневековом поливном земледелии.

Сведения письменных источников, характеризующих эпоху средних веков, в сочетании с археологическими материалами позволяют проследить в Отрарском оазисе развитие земледелия, определить сельскохозяйственные культуры.

В X в., согласно Ибн Хаукалю, ландшафт округа Фараб был близок современному. Вот что он писал про Фараб: «В стране этой солончаковая почва и есть болота, и посевы к западу от фарабской реки»². Имелись

² Бетгер Е. К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма Ибн Хаукаля (Труды Среднеазиатского Гос. Университета. Новая серия. III. Исторические науки. Кн. 25) // Археология Средней Азии. Ташкент, 1957. Т. 4. С. 24.

поля и виноградники в округе Испиджаб. Именно вокруг них по приказу саманида Нуха б. Асада была построена для защиты от кочевников «стена вокруг виноградников и пашен жителей».

Раскопки поселений и городищ подтверждают данные письменных источников о развитии на юге Казахстана полеводства, хлопководства, виноградарства, садоводства. При раскопках Кок-Мардана, Отрара, Куйруктобе, Куяк-Мардана в слоях V—XIII вв. обнаружены остатки риса, магара, проса и пшеницы, косточки винограда, урюка. О бахчеводстве говорят обнаруженные арбузные и дынные семечки на Отраре, Актобе. Жители Баба-Аты в кувшинообразных сосудах хранили арбузные семечки, один из таких сосудов, содержащий обгоревшие арбузные семечки, найден при раскопках.

Монгольское нашествие отрицательным образом сказалось на развитии сельского хозяйства. В Семиречье, Илийской долине, на Чу и Таласе земледельческая культура погибла. Земли, освоенные под пашни, превратились в пастбища. К концу XIII в. Илийская долина, а к середине XIV в. — Чуйская и Таласская становятся районами кочевого и полукочевого скотоводства.

В последующие столетия подъем сельского хозяйства на юге Казахстана происходил постепенно, хотя и в жизни городов оно продолжало играть важную роль. К середине XIII—XV вв. относится восстановление оросительных систем в Сыгнаке, на левобережье Сырдарьи. К концу XV — началу XVI вв. в условиях более устойчивой политической власти и централизации казахских земель происходил интенсивный подъем сельского хозяйства. Стала расти численность оседлого населения, в том числе и благодаря оседанию на землях кочевников: увеличивались площади обрабатываемых земель, строились новые оросительные системы.

Переход к оседлости кочевых масс нашел отражение и в письменных источниках. В них население сыгнакского вилайета подразделено на «аймаков» — кочевое смешанное население, переходившее к оседлости, «дихнишин» — людей, живших в селениях постоянно, «кишлакнишин» — живших в зимовках и «сахранишин» — продолжавших кочевать. В конце XVI в. в одной из грамот в числе жителей городов перечислены арабы, тюрки, казахи и каракалпаки.

В XVI — начале XVII вв. в связи с окончательным утверждением казахских ханов на Сырдарье численность оседлых казахов резко возросла. Большая роль земледелия в жизни городов явствует из терминологии письменных источников: не случайно крестьянство вместе с податным сословием горожан называли общим термином «райят». Источники упоминают и «феодальную эксплуатацию», называя некоторые, связанные с земледельческими занятиями, налоги: «мардикар» — налог для работ по устройству и поддержанию в порядке оросительной сети, «тагар» — продовольствие для войск в виде хлеба и фуража для верховых и выючных животных.

Развитие земледелия, зависевшее от уровня развития ирригационного строительства, подтверждают источники, характеризуя отдельные

сырдарьинские города и селения, называя каналы, которые снабжали население водой и служили для орошения пашен.

Туркестан являлся центром обширного и богатого земледельческого округа. В окрестностях, например, Саурана в XVI в. существовала и действовала кяризная система орошения³, остатки которой были обнаружены археологами. На местности следы кяризов выглядят цепочками оплывших вентиляционных колодцев. Исток первого (восточного) кяриза находился в районе городища Мыртобе, далее он прослеживается на расстоянии 0,5 км. К главному руслу кяриза идут два притока с восточной и западной сторон. Современные диаметры оплывших колодцев — 5, расстояние между ними — 15 м. Второй кяриз (западный) прослежен на участке в 1,5 км.

В Сыгнаке, сообщает Рузбихан, поля орошались выведенными из Сейхуна арыками, которые перечислены в грамотах из Сыгнака: Кызилтал, Чихил-Тургай, Ордакент, Калта-Джалгийя, Джулак, Минг-Булак, Арсланды, а также водные источники Токтамыш, Харах, Хисарчук.

Археологические исследования в районе позднесредневековых городов левого берега Сырдарьи — Куджана, Аркука, Узгента, Аккурмана — свидетельствуют о том, что орошение здесь базировалось на магистральных самотечных системах, начинающихся головными каналами в основном русле реки. Крупным центром производства зерна был Аркук и селения вокруг него. В предгорных районах для орошения использовались воды горных рек, а также широко практиковались посевы по богаре.

Вблизи Сайрама находились массивы орошаемых земель. Вода на них поступала из Аксу, Сайрамсу, Бугуни. Письменные источники свидетельствуют о производстве в земледельческих поселениях пшеницы, ячменя, проса, овса, фруктов и бахчевых культур. Как отмечает Рузбихан, в Сайраме снабжалось войско Мухаммед Шейбани-хана. В конце XVI в. в Сайрам посылал за зерном для армии Абдаллах-хан, осаждавший Сауран.

Отрар и Отрарский оазис в XV—XVIII вв. снабжались водой из системы Тимур-Арык, голова которого находилась на Арыси в 10 км выше современного села Шаульдер. Общая протяженность магистрального канала — свыше 40 км при длине холостой части 10 км. Предположительная площадь командования канала максимально достигала 250 кв. км, или 25 тыс. га. Сокращение оросительной сети в оазисе началось во второй половине XVII в.

В домах Отрара, Культобе и Рана имелись кладовые с закромами, в которых хранились зерно, фрукты. Для хранения зерна и муки использовались хумы и зерновые ямы. Судя по разнообразию размеров, закрома имели специальное назначение. В некоторых из них обнаружены остатки проса и пшеницы, в других — косточки и плодоножки винограда

³ См.: Байпаков К. М. Городище Сауран // Памятники истории и культуры Казахстана. Алма-Ата, 1989. С. 56—60.

(видимо, в них хранили сушеный виноград), в других, зачастую очень небольших, возможно, лежали различного рода пряности.

О возделывании хлопка свидетельствуют находки семян и коробочек этой культуры. Найденные косточки персика, урюка, винограда, семечки дынь и арбузов позволяют с уверенностью судить о наличии в окрестностях города садоводства, виноградарства и бахчеводства. Палеоботаники смогли определить по остаткам зерна, мякины, соломы, найденным в раскопках, такие культурные растения, как пшеница, рис, ячмень, овес, просо, маш, тагар, анис, виноград, урюк, арбузы дыня.

Интересную информацию удалось извлечь, подсчитывая объем зерна, хранившегося в домах Отрара XVI—XVIII вв., ориентируясь на емкость зернохранилищ. Выяснилось, что кроме годового запаса на одну семью, в каждом третьем доме Отрара хранилось еще около 3—5 т зерна. Это заставляет предположить, что третья часть горожан была связана с товарным производством зерна. Отсутствие поселений XVI—XVIII вв. в оазисе позволяет считать, что производством зерна занималась часть городского населения и что жители города были в той либо иной степени заняты земледелием.

«Не боги горшки обжигают»,

Действительно, это так, если говорить об отрарских гончарах, ремесло которых принесло славу среднесырдарьинским городам. Богатые наборы керамики, как уже было сказано, найденные при раскопках многих городищ Отрарского оазиса, побуждают задуматься о гончарном производстве как о деле не только доходном, но и как о деле искусном. Ведь многие изделия отрарских мастеров можно отнести к художественным.

Письменные памятники содержат немного сведений об организации ремесла в средневековом городе Средней Азии и Казахстана, в том числе и позднесредневековом. Наиболее характерной фигурой для феодальной эпохи считался мелкий ремесленник, производитель продукции. Наряду с мелкотоварным производством сохранялось и натуральное ремесло, которое концентрировалось в казенных мастерских кархана. Известно о подневольных ремесленниках золотоордынских городов, причем есть и археологические подтверждения наличия кархана на Царевом городище (Сарай-Берке).

Раскопки в Отраре дают представление в первую очередь об индивидуальном производстве гончара, самостоятельно работавшего в собственной мастерской при доме.

Наиболее ранние гончарные мастерские были раскопаны на городище Отрар и Куйруктобе.

Две печи, одна из которых датируется VIII—IX вв., а вторая — X—XI вв., раскопаны на северном рабаде Отрара. В первой печи длиной 2,7, шириной 2,5 м, имевшей грушевидную форму, стенки сохранились на высоту 0,5 м. Огневая камера длиной 1,7, шириной 1,3 м имела меньшие

размеры, чем обжиговая, загрузочный люк в нее диаметром 0,5 м закрывался круглой глиняной крышкой, найденной в слое золы на полу камеры. Под камеры обрушился вниз. Удалось установить, что он опирался на «столб», внутри которого находился перевернутый хум без дна. Венчиком он стоял на трех «рогатых» подставках, и таким образом создавались проемы для прохода горячего воздуха через полый «столб-опору» внутрь обжиговой камеры.

Находки так называемой «кангарской» керамики в печи позволяют датировать ее VIII—IX вв.

Вторая печь — двухъярусная, по форме (в плане) неправильный овал диаметром около 4 м. Диаметр обжиговой камеры⁴, повторяющей очертания топки, чуть меньше. В огневую камеру глубиной около 2,5 м вел круглый лаз, вынесенный за пределы топки, которая была перекрыта двумя сводами, опирающимися на верхнюю грань топки и опорную стенку, делившую топку на две неравные части. На сводах лежал под, на который ставилась продукция для обжига.

Особый интерес представляют раскопки гончарной мастерской на городище Куйруктобе в квартале керамистов XI в. Она состояла из двух частей — производственной и жилой.

В производственной части два помещения. В одном из них (площадью 24 кв. м) находились три отсека для хранения глины и других компонентов производства: два открытых со стороны помещения, а третий, овальной формы, — закрытый. В южной, свободной части помещения с плотным полом имелись мусорные ямы, заполненные керамикой. В соседнем помещении (площадью 22,5 кв. м) находилась гончарная печь с топкой⁵ грушевидной формы (в плане). Топка длиной 3,5, шириной 0,6 м, была разделена на две части стенкой толщиной 0,5 и длиной 1,7 м, которая служила опорой для пода обжиговой камеры. Жилая часть мастерской состояла из трех помещений, одно из них имело общий проход с производственным комплексом мастерской. Площадь наиболее крупного помещения — 19 кв. м (3,5×5,2 м), оно использовалось как жилое. У стен устроена Г-образная суфа, в центре которой округлой формы земляной очаг в виде ямки с прокаленными стенками. У северо-восточной стены находились закрома в виде ящика⁶ с проемом внутрь. Другие помещения служили в качестве хозяйственных. Такой тип мастерских получил развитие в более позднее время.

...Совсем недавно керамическое производство позднесредневекового города Казахстана и Средней Азии оставалось почти не изученным. Материалы из раскопок Отрара дали ценные сведения об этом периоде, позволившие сделать вывод, что гончарное ремесло в южно-казахстанском городе развивалось в общем русле керамического производства среднеазиатско-казахстанского региона.

Исследования велись в местах концентрации гончарного ремесла как в центральной части города, так и в предместье.

⁴ Сохранились лишь основания этой камеры.

⁵ Обжиговая камера не сохранилась.

⁶ Размеры: 1×2, 5×1 м.

Гончарная слобода Отрара занимала около 2 га. Из двух выделенных строительных горизонтов нижний (второй) датируется временем второй половины XIII — первой половины XIV в. В комплексе монет, связанных с постройками этого горизонта, встречены в основном джагатайские дирхемы, чеканенные во второй половине XIII — первой половине XIV вв. Верхний (первый) строительный горизонт датируется на основе найденных в нем монет Тимура и тимуридов.

По уровню нижнего строительного горизонта раскопано шесть стандартных по своему устройству мастерских. Расскажем об одной из них.

В мастерской площадью 157 кв. м 89 кв. м занимала производственная часть, остальную — жилье. В одном из двух помещений производственной части, перекрытой навесом, опиравшимся на деревянный столб, каменная база которого расчищена в центре помещения, находился сложенный из жженого кирпича заком для глины, колодец и рядом — керамическое корыто для воды. Весь восточный угол вымощен жженым кирпичом⁷, эта площадка скорее всего служила для приготовления формовочной массы. Во втором помещении площадью около 40 кв. м перекрывалась одна половина, а вторая была открытой, пол под навесом был вымощен жженым кирпичом. В восточном углу находился сложенный из жженого кирпича ящик для сырья, в западном устроено место для гончарного станка, а рядом справа в пол был вкопан широкогорлый сосуд, куда наливалась вода для смачивания рук во время формовки изделий. Напротив находилась тумба (1×2×0,3 м), на которую выкладывались сформованные изделия. В двухъярусной печи для обжига керамики, расположенной в северо-восточном углу помещения, имелась сферической формы топка глубиной 1,6 м. Свод топки служил основанием пода обжиговой камеры, в нем имелись 12 продухов, расположенных двумя concentрическими кругами. Лаз в топочную камеру имел в разрезе арочную форму диаметром 45 см. Дымоход был выведен колодцем в стену двора и, видимо, для усиления тяги имел кирпичную трубу, от которой сохранилось выложенное из прямоугольных кирпичей основание.

Жилой комплекс мастерской представлял собой двухкомнатный дом анфиладной планировки, с двором.

Из особенностей, присущих другим раскопанным мастерским, отметим, что в одной из них не было гончарной печи — ее заменяла площадка для активной сушки керамики с жаропроводом по периметру. Постройки первого горизонта сохранились плохо, стены их выветрены и размыты. Выявлены остатки печей для обжига керамики, выемки из жженого кирпича, жилье. Удалось вычленить остатки двух мастерских. В них было по одной печи (остались лишь огневые камеры диаметром 155—160 и глубиной 80—90 см). Жилые дома при мастерских состояли из двух комнат.

Более полное представление о характере мастерской этого времени дает один из раскопов на центральном бугре Отрара, который частично

⁷ Размеры: 45×45×5 см.

вскрыл гончарную мастерскую, сохранившую детали, дополняющие характер устройства мастерских пригорода.

Два производственных помещения (их было больше) сохранились лучше других. В одном имелась земляная печь в виде ямы длиной 2 м, шириной 0,4 и глубиной 0,4 м, заполненная белой кристаллической золой, полученной при сжигании тростника⁸. У западной стены под навесом стояли два закрома с запасами минеральных красителей в виде порош-

Мастерская, относящаяся к нижнему строительному горизонту, XIV в.: помещение для сушки керамики (Отрартобе)

ковидных масс зеленого, серого, розового и белого цвета. В другом помещении (3,5×4,2 м), погибшем в результате пожара, находился тандыр. Под слоем сгоревшего камыша и прокаленной земли расчищены стоявшие на суфе сосуды, раздавленные рухнувшей кровлей. Среди них поливные чаши, кувшины. Можно предположить, что в этом помещении (фрагмент его вы видите на снимке) керамику просушивали перед обжигом.

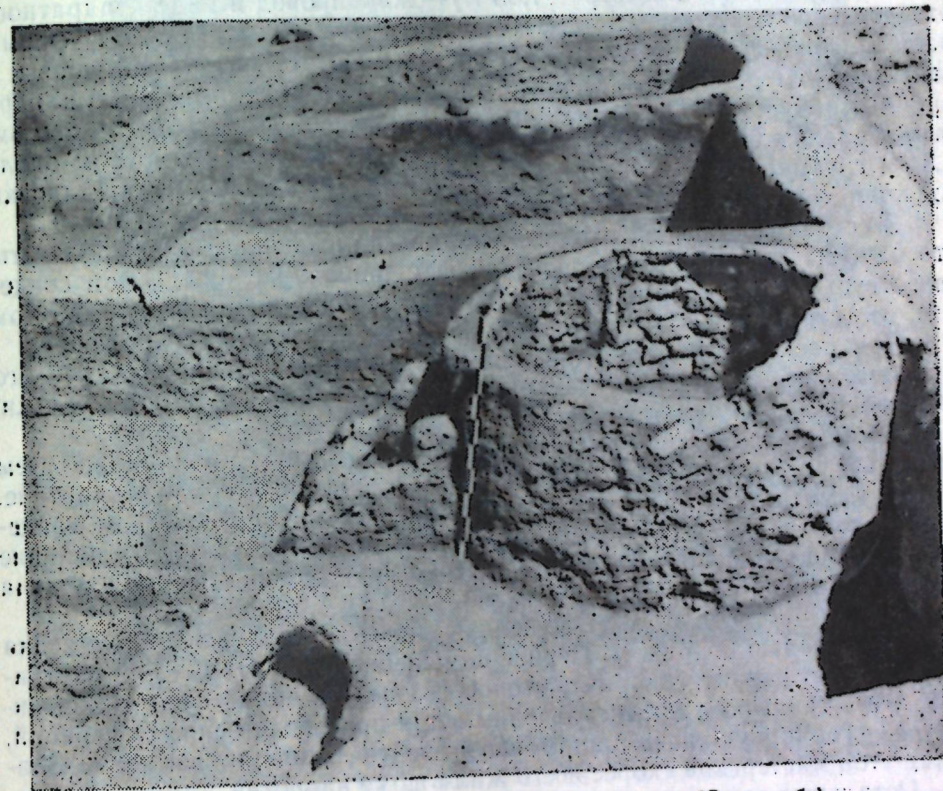
При раскопках мастерской собрано большое количество керамики, в основном поливной, созданной мастером, который специализировался на выпуске высокохудожественной керамики: чаши, покрытые желтой поливой с росписью зеленым и красным, два желтополивных кувшина, чаши, облицованные зеленой и бирюзовой глазурью поверх красного ангоба.

Жилой дом мастерской состоял из айвана и комнаты. Суфа занима-

⁸ Зола является необходимым компонентом при получении глазури.

ла большую часть помещения. Дом погиб от пожара, и рухнувшая балочная, глиняно-камышовая кровля законсервировала находившиеся на суфе предметы: остатки тростниковой цинковки, куски ватных одеял, кусочки деревянной чаши, железные оковки от сундуков, бронзовую и керамическую чернильницу.

Датируется мастерская находкой фрагмента рукописи на бумаге, почерк которой, по мнению специалистов, может быть отнесен к концу XIV — началу XV вв.⁹

Гончарная печь мастерской, XVI—XVII вв. (Отрартобе)

Интересный материал получен при раскопках гончарных мастерских и квартала гончаров, датированного XVI — первыми тремя четвертями XVII в. на центральном бугре Отрара.

Выделяется большая гончарная мастерская общей площадью 105 кв. м. В производственной части пять помещений, в одном из которых находились тандыр и гончарная печь (ее вы видите на снимке), занимавшая угол. Печь — двухъярусная, под ее сводчатый, в нем расчищено семь овальных отверстий-жаропроводов диаметром 9—15 см. Диаметр огневой камеры 1,1, а высота — 0,9 м. В правой стенке топки на-

⁹ Чтение и датировка Л. Д. Чехович и В. Н. Настича.

глубине 0,4 м от топчного устья был расчищен горизонтальный канал сечением 0,3×0,3 м, служивший для подачи дополнительного воздуха в огневую камеру, дым из которой выводился через вертикальный дымоходный канал, устроенный в стыке стен дома. Смежное помещение служило кладовой, там у северо-восточной стены располагались три отсека для хранения сырья.

Еще в одном помещении площадью 30 кв. м, перекрытом частично легким навесом, имелись две печи, одна оказалась хорошо сохранившейся. В центре пода (диаметр — 1,35 м) — жаропровод в виде квадратного отверстия со стороной 30 см. Топочное отверстие округлой формы расположено под углом к поверхности двора. Печь, находившаяся в западном углу, сохранилась плохо: под ее обрушился в огневую камеру крупными кусками. Та часть пола, которая находилась под навесом, вымощена жженым кирпичом. Здесь расчищена яма диаметром около 1,5 и глубиной 0,48 м, возможно, предназначавшаяся для установки гончарного круга.

В состав мастерской входили еще два помещения. Можно полагать, что одно из них использовалось для вымешивания глины, о чем свидетельствует ровная утрамбованная круглая в плане площадка с радиусом 2 м, от остальной части отделенная невысоким бортиком и канавкой.

При раскопках мастерской найдены нижняя половинка каменного жернова, каменный тигель с шариками поташа, стекловидные шлаки, наковаленки и глиняная «палитра» для красок.

Мастерская, по-видимому, принадлежала двум или даже трем владельцам, дома которых располагались напротив в том же квартале. О том, что эти люди были связаны с керамическим производством, свидетельствуют находки гончарного инструментария во всех домах и наличие ямы, расчищенной в помещении одного из этих домов, которая служила складом готовой продукции (см. фото).

Вторая мастерская, расположенная рядом, включала три помещения общей площадью 56,5 кв. м. Первое помещение было открыто на внутриквартальную улочку (дворик), второе (23 кв. м) имело суфу с вмазанным в нее тандыром, предназначенным для производственных операций, третье — гончарную печь, занимавшую почти половину комнаты. Владелец этой мастерской скорее всего жил в доме напротив.

Остальные гончарные мастерские обнаружены в различных кварталах Отрара XVII в.

Одна из мастерских, относящихся к этому времени, занимала около 215 кв. м; в ней хорошо различима жилая часть — дом, состоящий из двора с односторонней суфой, жилой комнаты с двумя тандырами и кладовой с пятью закромами. Производственная часть занимала пять помещений, в двух из которых находились гончарные печи. Назначение других комнат по сохранившимся остаткам интерьера можно лишь предположить: наверно, они использовались для хранения сырья, проведения производственных операций, сушки изделий. Одна печь разрушена полностью. От второй, двухъярусной, остались следы топки¹⁰, под-

¹⁰ Размеры: 1×0,7×0,9 м.

Яма (склад), заполненная керамикой, XVII в. (Отрартобе)

четырёхугольной (в плане), которая была впущена в землю. По внешнему периметру камера (почти квадратная в плане) имела размеры 2,2×2,2 м. Топка соединялась с обжиговой камерой овальным отверстием диаметром 0,4 м, расположенным в центре пода. На четыре угла камеры выходят продухи (размером до 10—12 см), служившие вытяжками для дыма и терморегуляторами.

Наряду с крупным отмечено мелкое ремесленное производство, когда небольшие гончарные печи устраивались во дворах. Так, в одном из кварталов два небольших домика имели во дворах маленькие гончарные печки, от которых сохранились огневые камеры грушевидной формы длиной 1,4 м, шириной около 1 и глубиной 0,6 м, предназначавшиеся для выпуска небольших пиал и кес.

Сравнение раскопанных отрарских гончарных мастерских и описанных в этнографических источниках среднеазиатских говорит в пользу

аналогии их устройства и оснащенности. Если обратиться к описанию мастерской Хорезма, то узнаем, что производственное помещение занимало 41 кв. м, было темным, с одним оконцем, через которое в мастерскую подавали глину. Рядом с оконцем находился гончарный станок, установленный в яме длиной 2 м и шириной 1,7 м, состоявший из двух кругов на вертикальном стержне: нижний служил для вращения, верхний — для формовки изделий. Круги деревянные¹¹. По всей вероятности, рядом устанавливали котел с водой и клали мокрую тряпку, чтобы мастер имел возможность очищать время от времени свои руки от глины.

Гончарные станки и в отарских мастерских, где расчищены круглые ямы для установки гончарного круга, а рядом вкопаны сосуды для воды, скорее всего имели аналогичное устройство. Деревянные части круга не сохранились, и лишь в одном случае в сушильне мастерской XIV — начала XV в. на центральном бугре Отрара на полу расчищена четверть круглого деревянного изделия диаметром около 1 м, возможно, остатки нижнего круга.

В углу хорезмской мастерской рядом с входами устраивался навес для сушки изделий, рядом находилась площадка для вымеса глины. Печей в этих мастерских было обычно две: та, что функционировала зимой, находилась в помещении, летняя — во дворе. Такое же разделение печей (на летние и зимние) прослежено и в крупных мастерских Отрара, относящихся к XVII в.

Аналогичен набор гончарных инструментов на протяжении от позднего средневековья к новому времени: глиняный черепок (в Отраре встречены и костяные пластины) для выравнивания краев сосудов, нож, грибовидные наковаленки различных размеров, каменные ладьевидные сосуды для плавки поливы, пестики для размельчения глазури.

Что характерно для ремесленников среднеазиатских и казахстанских городов?

В среде ремесленников наблюдалось имущественное расслоение, что легко можно проследить по многим археологическим сведениям: по размерам мастерских, количеству печей, степени использования в интерьере помещений дорогих строительных материалов, таких, как жженный кирпич. Существуют среди раскопанных в пригороде мастерских XIII — середины XIV в. такие, которые выделяются своими крупными размерами, тогда как другие мастерские меньше их втрое по занимаемой площади. Состоятельным считался гончар, мастерская которого расчищена на территории центрального бугра и отличалась большими размерами.

Хозяева крупных мастерских могли иметь одного или нескольких учеников и подсобных рабочих. Известно, что в Самарканде XVI в. в ремесленной мастерской были заняты мастер («устан»), ученик («шагирд») и рабочий («коргард»). Мастеру подчинялся подмастерье («халпа», «ширик», «зири-заст»), закончивший срок обучения ученик, имеющий опыт самостоятельной работы. В этой связи обращает на себя

¹¹ Диаметр нижнего — 85–95 см, верхнего — 18–25 см.

внимание наличие в мастерских квартала керамистов XVII в. помещений с тандыром, аналогичных жилым комплексам отарских домов. Не здесь ли, непосредственно в мастерских, жили ученики и подмастерья?

В социальном смысле обращает на себя внимание принцип цеховой организации ремесленников. Первые же упоминания о цехах в Средней Азии встречены в источниках XIV–XV вв. Однако существуют и другие мнения у современных исследователей. По мнению А. Ю. Якубовского, ремесленники городов Средней Азии были объединены в цеха уже в X в.¹² О. Г. Большаков раскопанные в Мерве мастерские XII — начала XIII в. относил к небольшим мануфактурам, где вместе с подсобными рабочими было занято не менее десяти человек¹³. С. Б. Лунина по материалам тех же раскопок Мерва предполагает существование здесь товарищества (кооперации) двух мастеров-керамистов. По мнению этого автора, такая форма объединения являлась ступенью в переходе к цеху¹⁴.

Материалы раскопок позднесредневековых мастерских Отрара дают основание предполагать наличие здесь и товариществ, и цеховых объединений. Мастерские, объединенные на основе согласия двух мастеров, имели общие тупички, через которые осуществлялась связь с магистральными улицами. Вполне вероятно видеть в подобной паре родственные отношения мастеров (мастер-отец и отделившийся мастер-сын). Тем более, что исследователи гончарного ремесла отмечают семейный характер такого сотрудничества. Однако не исключен и корпоративный характер такой застройки, вызванный к жизни объединением двух мастеров, как это было в Мерве.

Более высокая степень организации, возможно, цеховая, заметна в квартале гончаров XVII в. Крупная мастерская с тремя печками, как уже говорилось ранее, могла принадлежать трем хозяевам, по всей вероятности, совладельцам. Кроме них еще, по крайней мере, две семьи владели двумя мастерскими. Видимо, перед нами случай ремесленной специализации городского квартала, и предположение о том, что «каждый квартал» (махалла) в городе был занят определенным ремеслом, приобретает силу факта. Но подобное соответствие специализации конкретному кварталу при изучении Отрара XVII в. носило единичный характер. Наряду с такой концентрацией гончарного ремесла приходится отмечать и расселение гончаров в других кварталах города.

Что же касается квартала гончаров, то ремесленники здесь скорее всего были объединены в цех, подобный тем, о которых известно по сохранившимся до недавнего времени цеховым уставам «рисоля». Ремесленники Хорезма, принадлежавшие к одной профессии, называли себя «улпагар», что означает «товарищество по профессии». Главой цеха считался «калантар», избравшийся на цеховом собрании. Употреб-

¹² См.: Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. // МИУТТ. Л., 1932. Ч. 1. С. 9, 33.

¹³ См.: Большаков О. Г. Город в конце VIII — начале XIII в. // Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 132–357.

¹⁴ См.: Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве // Тр. ЮТАКЭ. 1962. Т. 11. С. 303–418.

являвшийся в Фергане термин «бобо» и «аксакал» по отношению к старшине цеха бытовал и в Самарканде, и Туркестане. Обычно калантар выдвигался из высшего слоя гончаров. Например, калантаром кишлака Каттабаг в Хиве был потомственный усто, влиятельный и богатый бай Таджи-Палван. Он наблюдал за работой мастеров, следил за техникой производства, выступал в базарной торговле как аксакал ряда гончаров, регулировал отношения между мастерами и подмастерьями.

Традиции и обычаи цехового строя, зафиксированные уставом «рисоля», вырабатывались столетиями и, бесспорно, существовали у гончаров позднесредневекового Отрара.

Анализ производимой в мастерских Отрара керамической продукции — главным образом керамики из ям, заполненных браком и боем, а также керамики, по ряду обстоятельств не доведенной до кондиционного состояния (необожженной; расписанной по необожженной; керамики из обжиговых камер) — позволяет наметить пути специализации мастеров. Она, по мнению одних исследователей, должна была существовать уже в домонгольское время.

С. Б. Лунин¹⁵ пишет, что в гончарном ремесле X—XII вв. шел активный процесс специализации, который отмечен в выделении специализированных гончарных печей; в преимущественном внимании ремесленников к определенным видам изделий и специализации их труда уже внутри крупных мастерских.

На Отраре, в одной из мастерских квартала керамистов конца XIII — начала XIV вв. 92 % всего производства составляли водоносные кувшины и кумганы. Другая мастерская специализировалась на производстве двуручных горшков средних размеров и чирагов, третья — на изготовлении штампованной керамики — фляг, а также поливной посуды, четвертая — на выпуске водоносных кувшинов и поливной керамики.

Заметны следы кооперации в производстве посуды еще двух рядом расположенных мастерских, в одной из которых на том месте производственной части, где обычно располагалась печь, находилась площадка для активной сушки изделий с использованием специальной жаровой системы. Видимо, здесь производился промежуточный процесс производства — сушка изделий и передача полуфабрикатов в соседнюю мастерскую. О том, что у керамистов существовали промежуточные процессы, говорят этнографические материалы: известна группа гончаров, работавших начерно, изготавливавших керамику без поливы, тогда как разрисовка, покрытие поливой и восстановительный обжиг производился другими мастерами. В пользу подобной специализации последней мастерской говорит и большее, чем в других мастерских, количество фрагментов необожженных сосудов.

Помимо основного ассортимента в каждой из мастерских (вероятно, для собственных нужд) делали и другие типы изделий — их мы находим в небольшом количестве лежащими в отвалах брака и боя.

Еще дальше пошел процесс специализации в XVII в. В крупных

¹⁵ Там же.

мастерских производились в качестве основного товарного продукта изделия определенного характера — водоносные кувшины, двуручные горшки и хумы. Ярко выраженный специализированный характер имели небольшие мастерские с печками во двориках, выпускавшие мелкую и неполивную посуду — чаши типа пиалы и кесе, тарелки. То есть по сравнению с периодом раннего и развитого средневековья тенденция к специализации городских мастеров-гончаров все более прогрессировала по мере приближения к новому времени. Это явление подтверждается и этнографическими наблюдениями за характером гончарного производства в Средней Азии.

В Хорезме и в других районах Средней Азии, как отмечают исследователи, имела место специализация гончаров по типу производимых изделий: одни делали посуду, другие — трубы для арыков, третьи — тандыры. В свою очередь гончары, изготавливавшие посуду, делились на тех, кто делал мелкую поливную керамику и вообще керамику на круге, а также гончаров, специализировавшихся на производстве крупных форм.

Повсеместно в Средней Азии отмечалась специализация по производству неполивной посуды и специализация в последовательности самого процесса изготовления поливной керамики. Среди раштанских мастеров выделялись выпускавшие посуду только с белой поливой и изготавливавшие посуду только с желтым фоном. В Ташкенте, например, существуют отдельные кварталы керамистов, специализирующихся на определенных видах продукции.

Как известно, в средневековом городе не было четкой границы между ремесленниками и торговцами. Большинство ремесленников сами продавали свои изделия прямо из мастерской. Позднее в Хорезме отмечена частичная продажа товарной продукции на месте и на базаре. Продукцию могли реализовывать и через скупщиков — «вафуруш». Отсутствие запасов готовой продукции в раскопанных на рабаде Отрара мастерских XIII—XV вв. заставляет предположить о существовании где-то базара, куда, мастера сбывали свою продукцию. А населявшие квартал гончаров XVII в. на территории города могли продавать товар непосредственно на месте, через лавки, выходившие на магистральные улицы.

Гончарное ремесло в позднесредневековом южноказахстанском городе, развивавшееся в общем русле керамического производства среднеазиатско-казахстанского региона, со второй половины XIII—XV вв. и особенно в XVI—XVII вв., судя по материалам раскопок, переживало процесс специализации и подошло вплотную к цеховой организации и более узкой специализации мастеров на изготовлении тех или иных видов керамической продукции (горшки, хумы, чаши, бакалы, кувшины и пр.).

Археологи при раскопках чаще всего находят черепки глиняных сосудов и реже — целые горшки, чаши, бокалы и другие типы посуды. Вообще сотни тонн черепков, накопившихся в музеях мира, говорят о том, что глина — один из древнейших поделочных материалов,

освоенных человеком. Об этом же свидетельствуют такие гигантские памятники, как Римский акведук, Китайская стена, сооруженные из глины. Этот же материал избрали мастера Афраснаба для изготовления своей знаменитой посуды.

Для археолога найденный керамический сосуд — не только предмет утилитарный или произведение прикладного искусства, но и датированный признак культурного слоя. Дело в том, что именно керамика всегда очень активно отзывается на изменение вкусов и моды, именно ее формы, мотивы и композиции росписей строго конкретны и связаны с этносом, т. е. с племенем, этнической общностью, народностью.

Что собой представляли керамические изделия Отрарского оазиса?

Типы сосудов довольно разнообразны. Это и громадные хумы, и маленькие кувшины. Для хумов, использовавшихся для хранения зерна, жидкости, в первых веках характерно яйцевидное тулово высотой до 1 м, венчик, отогнутый наружу, в разрезе прямоугольный. Снаружи хумы обмазывались ангобом, т. е. окрашенной глиной, разведенной до консистенции сметаны, розового, темно-коричневого, оранжевого цветов. На горле и стенках хумов отчетливы потеки краски, которые, как установлено, символизировали изобилие (уместно вспомнить поговорку о полной чаше).

Кроме хумов, в слоях Отрара первых веков встречены разнообразные горшки с двумя ручками и без них. Тулово этих горшков обычно украшено ломаной зигзагообразной линией. Горшки использовались для хранения продуктов, транспортировки жидкостей и приготовления пищи. Горшки для приготовления еды изготовлялись из рыхлой глины с примесью песка, что делало их «огнеупорными», предохраняя от растрескивания. Из такого же глиняного теста выполнены древними мастерами котлы и жаровни¹⁶.

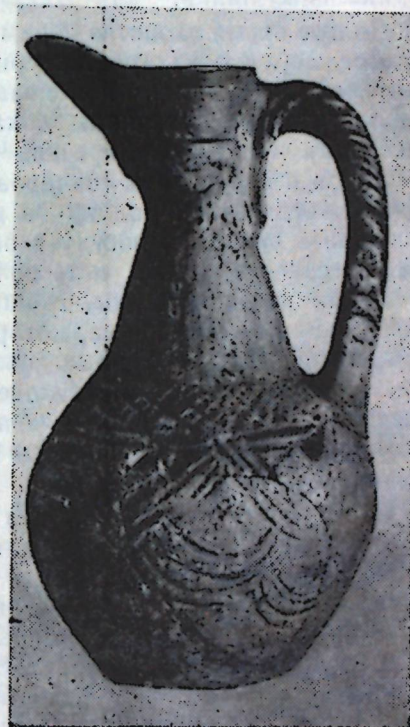
Кувшины предназначались для воды и напитков: в больших носили воду, в маленьких — подавали на стол воду, молоко, пиво, вино и другие напитки. Для кувшинов I тысячелетия характерно рифление на горлышке, наличие одного-двух сливов на венчике, двойной петлевидной ручки. Снаружи они покрывались ангобом самых различных цветов — красного, оранжевого, черного, коричневого, вишневого, зеленого. На плечиках многих кувшинов еще до обжига процарапаны знаки: крест, свастика, вилообразный знак, зигзаг, круг, треугольник. До сих пор между исследователями идет спор по поводу их значения. Одни считают знаки оберегами, предохранявшими сосуд и его содержимое от злых духов, другие относят их к личным меткам мастеров, третьи видят в них клеймо заказчиков...

Отрарская керамика и сопоставляемая с ней керамика раскопанных памятников среднего и нижнего течения Сырдарьи, предгорий Каратау обнаруживают много общего. Особая близость видна при сравнении комплексов Отрара и Ташкентского оазиса, что говорит о родстве племен, населявших долины Сырдарьи. Интересно, что при

¹⁶ При раскопках Костобе-Южное найдены чашечки с отверстием на дне. Полагают, что они служили для приготовления творога.

изучении посуды археологам удалось «разглядеть» черты, характерные для посуды гуинов, кангюйцев и других племен, подтверждающие перемещение племен в связи с торговыми и экономическими связями.

Тщательный анализ керамики, полученной при раскопках памятников Отрарского оазиса из разных культурных слоев, позволил наметить хронологические этапы, каждому из которых присущи определенные для времени элементы орнамента, цвета ангоба профилей венчиков,

Кувшин с резными и штампованным орнаментом, VII — начало IX в. (Отрартобе)

Кувшин, покрытый красным ангобом и вдавленным орнаментом, VII—VIII вв. (Отрартобе)

ручек. Однако в целом керамика с начала I тысячелетия и до VI в. сохраняла традиционные типы сосудов, орнаментику, технологию изготовления.

Новые черты стиля несут VII—VIII вв., своеобразие которого проявилось в подражании изготовлению керамических кружек и кувшинов металлическим образцам. Этот новый для того времени керамический стиль был связан с новыми тенденциями моды, распространившейся на огромной территории Азии, завоеванной тюркскими племенами. Мастера-гончары пытались в дешевой и общедоступной глине воспроизвести типы посуды из золота, серебра и бронзы, которые бытовали у

знати. Так появились кольцевидные реберчатые, как будто кованые ручки у изящных кружек, покрытых красным ангобом и лощенные, кувшины с массивными треугольными сливами (их вы видите на приведенных снимках). Для этого времени характерно изменение по сравнению с предыдущим стилем украшений горшков, кружек и крышек. Более тонким на сосудах стал геометрический орнамент, прочерченный острой палочкой в виде поясков, елочек, полуovalов, наклонных и вертикальных линий.

Долгое время сходство керамики из Отрара VII—VIII вв. с керамикой Согда (а также архитектуры и других элементов материальной культуры) объясняли колонизационной деятельностью согдийцев. Археологические материалы доказывают, что можно говорить и об интеграции культур Семиречья, Чача, Согда, об общности определенных видов и стремлении гончаров к одним и тем же образцам. В IX—XII вв., когда этот принцип в керамическом производстве получил дальнейшее развитие, посуду в основном стали изготавливать на гончарном круге, в том числе и те ее виды, которые требовали развитых гончарных навыков: хумы, горшки и водоносные кувшины. У хумов изменилась форма венчика, который стал удлиненным, с отпечатками пальцев в виде вертикальных ложбинок. В раскраске отдавали предпочтение ангобу розовому, на тулове оставляли потеки краски. Кувшины украшали линейно-волнистым орнаментом, нанося его на плечики. Форма тулова кувшинов оставалась округлой, либо грушевидной. Распространена была коленчатая ручка.

Из отрарских находок этого времени привлекает внимание своеобразная группа горшков с овальным туловом, покатыми плечиками, прямой горловиной, с ручками и без них. Горшки сделаны из теста с примесью песка, в изломе — черного цвета. Горшки, служившие для приготовления и подачи пищи на стол, были разукрашены. Столовые снаружи покрыты красным ангобом и обильно украшены наклепными валиками с насечками, полуovalами, выполненными штампом, фестонами, солярными знаками (обычно в сочетаниях). Горшки закрывались разнообразными крышками, плоскими и полусферическими, с навершием в виде гриба или шпешка, украшенные орнаментом, нанесенным штампами, резьбой, наклепом. Элементы орнамента на крышках самые разнообразные, сочетания их также различны: зигзагообразные линии с вихревыми розетками, цветы с геометризованными лепестками, ромбы и круги с вписанными солярными знаками, реберчатые шишечки, елочки, полуovalы...

Своеобразны и такие распространенные находки, как дастарханы (столики для еды), изготовленные в форме дисков диаметром до 50 см на конусовидной полой подставке. «Рабочая» поверхность столика гладкая, а обратная богато украшена оттисками штампов, наклепами и резьбой. Дастарханы были важной деталью интерьера средневекового дома: поставленные на ребро у стены украшенной стороной наружу, они оживляли убранство жилища, свидетельствовали о достатке и благополучии.

В слое XI—XIII вв. встречено много посуды, украшенной росписями минеральной краской — черной, темно-коричневой, красной и розовой. Расписаны главным образом кувшины, причем многообразно: простой росписью — наклонные линии, скобки, ряды пятен и сложной — солярные знаки, пояски из S-видных завитков, спирали, струйчатые линии, фестоны. Обычно роспись присутствует на плечиках и горле сосудов, а также на ручках. Такая посуда, относящаяся к этому времени, встречается в раскопках многих городов Казахстана и Средней Азии. Исследователи керамики полагают, что производилась подобная керамика не в городах, а в небольших поселениях, откуда гончары привозили ее на городской рынок. Однако наличие «сельской продукции» на Отраре может свидетельствовать и о демографическом росте самого города благодаря притоку населения из окрестных сел.

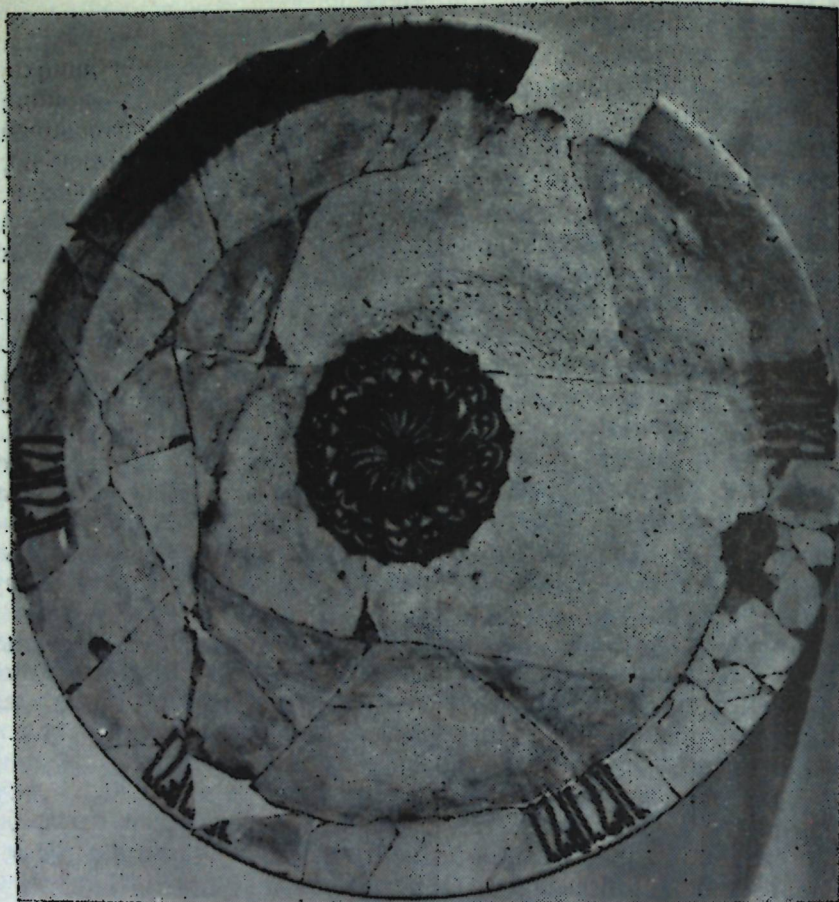
Начиная с IX в. и в X в. творческие искания мастеров керамики в Отраре были связаны с изобретением глазури, которая не только увеличивала прочность поверхности изделия, но и открывала новые декоративные возможности. Вначале появилась «ишкорная» (поташно-щелочная) глазурь. Убедившись в том, что она не очень прочная, тусклая, мастера стали искать новые составы глазирующих покрытий. И нашли. В X в. в изобилии появились прозрачные свинцовые и глухие оловянные глазури.

Технология получения росписи со свинцовой глазурью основана на сочетании ее с подглазурными красителями — окислами железа, меди, олова, серебра. При обжиге окислы окрашивали поверхность изделия, оформленного росписью и гравировкой, в различные цвета — красный, зеленый, желтый, коричневый, которые под блестящей прозрачной глазурью давали яркий цветовой эффект. Глазурь и краска, затекая в углубление резного рисунка, там сгущались, приобретая цвета более глубоких тонов. Разнообразные элементы росписи (растительные мотивы разной степени стилизации, геометрические фигуры, стилизованные буквы арабского алфавита, зооморфные и антропоморфные изображения), гравировка, цвет — все это усиливало художественное впечатление от изделия.

Если рассматривать поливную керамику с точки зрения особенностей орнамента, то для XI—XII вв. можно отметить его усложнение. Кроме перечисленных выше мотивов, участились различные замысловатые плетенки, меандры, розетки. Типичным для этого времени является отрарская находка — глазурованное блюдо, украшенное вихревой розеткой — его вы видите на снимке. Расположение орнамента в подобных блюдах может быть горизонтальным в поясах и радиальным — в секторах.

Редко, но встречаются чаши, украшенные росписью, изображающей животных, птиц, людей. Прекрасное блюдо с такой росписью было найдено на Куйруктобе: на белом фоне рисунок фазана, выполненный

¹⁷ В городах Средней Азии производство глазурованной керамики появилось раньше — в конце VIII в.

Глазурованное блюдо, украшенное вихревой розеткой, XI—XII вв. (Отрартобе)

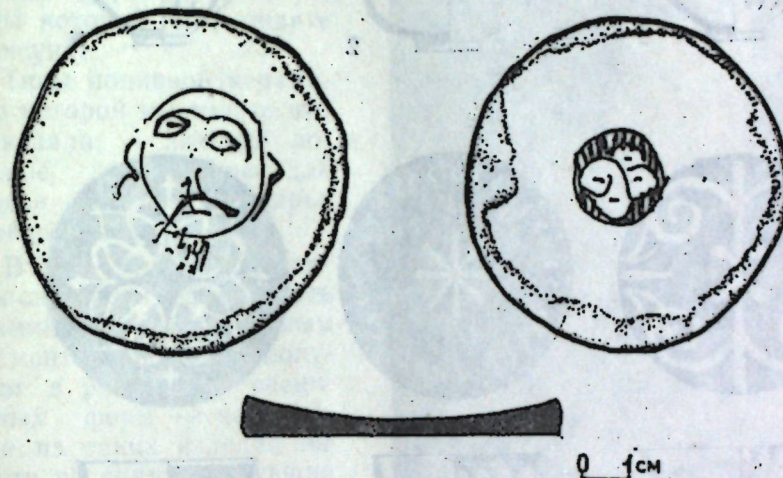
зеленой и красной красками. На схематичном рисунке показано подобное блюдо с рисунком на дне в виде лица человека.

Среди глазурованных изделий встречаются поливы, окрашенные в зеленый и коричневый цвета. Глазурами покрыты чаши различных размеров, блюда, подносы, тарелки, чираги-светильники.

В Отраре в X—XII вв. производилась также высокохудожественная штампованная керамика, изготавливавшаяся в специальных формах с негативными оттисками орнаментальных композиций. Как известно, общепризнанным ведущим центром выпуска штампованной посуды был город Мерв и Южный Туркестан, где существовали даже специализированные на ней ремесленные мастерские. Образцы такой керамики на Отрартобе найдены во время раскопок гончарной печи. Значит, здесь существовало свое производство. Изготовление таких изделий могло возникнуть лишь при высоком уровне развития технологии, когда важное значение имел выбор глины и подготовка ее до консистенции мягкой

и пластичной (ведь только такая глиняная масса может заполнить все выемки узора формы и не исказить его), создание высокой температуры в печи и поддержание ее в равномерном режиме (изделие при обжиге не должно деформироваться).

Иногда сверху штампованную посуду покрывали поливой коричневого или зеленого цвета. Сохранился обломок узкогорлого кувшина, судя по которому изделие было великолепным. Оно было украшено в верхней части горизонтальными рядами трилистников в трапециевидных рамках, сочетавшихся с мелкими восьмилепестковыми цветами. Кувшин был покрыт поливой густого темно-коричневого цвета с блестящим отливом.

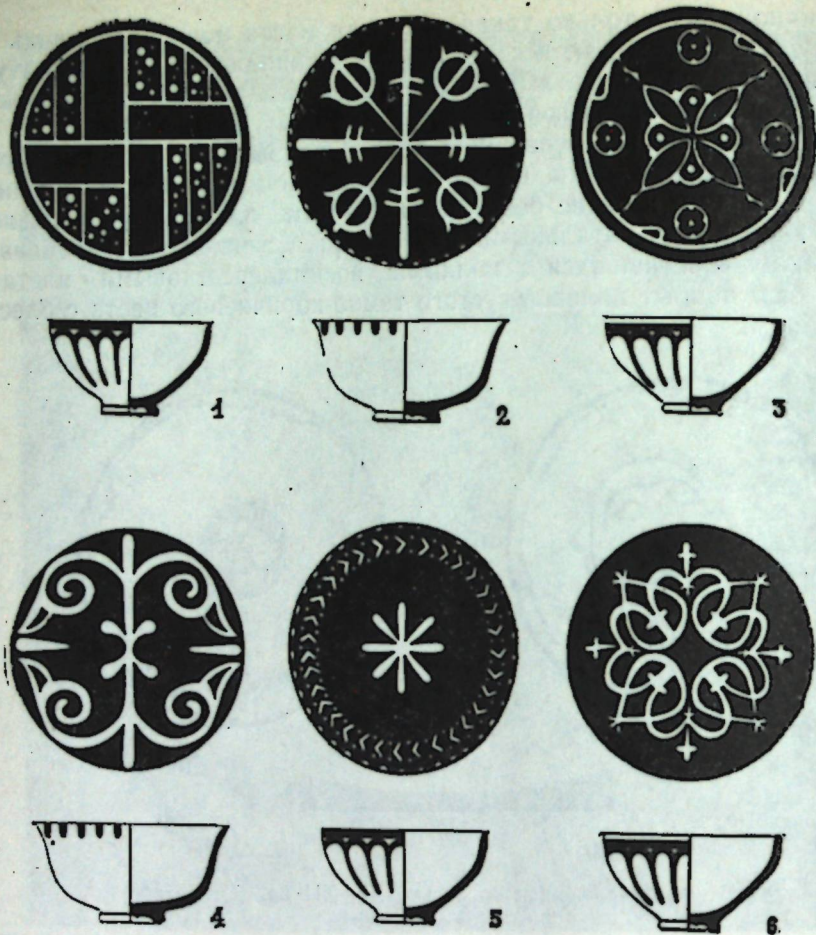

Чаша, украшенная росписью, XI—XII вв. (Отрартобе)

На Отраре найдены также обломки чаш с росписью люстром. Этот вид росписи является результатом восстановительного обжига смеси красок с другими компонентами, в том числе с медью, серебром, золотом, виноградным уксусом и др. Люстр, обладая всеми оттенками золота, как бы светится под глазурию, что делает чашу или кувшин ярким и привлекательным.

Особую группу найденной поливной посуды составили чираги-светильники традиционной формы (в виде вытянутого ладьевидного резервуара с петлевидной ручкой). Встречены экземпляры, на ручке которых для удобства сделан плоский выступ — пята овальной, круглой, прямоугольной или треугольной формы. Поверхность выступа украшена оттисками штампа, которым бывает цветок или плод граната, геометрический знак, изображение зверя или птицы. Кстати, на пята одного из чирагов изображена стоящая сайга, оглядывающаяся назад...

Говоря о керамике IX — начала XIII вв., нельзя не отметить, что в этот период гончарное ремесло достигло высокого уровня развития. Это совпало с подъемом в среднеазиатских городах экономики и

Образец поливной керамики XIII—XIV вв. (Отрартобе)

культуры. Наступивший затем период монгольского нашествия отрицательно сказался на этом ремесле: многие виды керамики оказались забытыми, затерялись в веках секреты производства ряда глазурей и красителей.

Слон Отрара XIII—XIV вв. сохранили традиционную неполивную керамику: хумы, горшки, кувшины, чаши, снаружи покрытые красным ангобом, украшенные штампами, резьбой, налепами. Однако в этот период по сравнению с предыдущим так оформленной керамики мало, постепенно к XIV в. она почти исчезает.

Поливная керамика Отрара этого периода богаче неполивной. Выразительны изделия, окрашенные полупрозрачными глазурями — зеленой, желтой и синей, с росписями зеленой, коричневой, желтой, синей красками. Сосуды, покрывавшиеся зеленой и красной глазурями, имели темно-красный подглазурный ангоб с нанесенным на него рису-

ком. Обычно орнаментация проста — овалы, плетенка, восьмеркообразные фигуры. Эффектна керамика с желтой поливой и подглазурной росписью по светлому ангобу с росписью, выдержанной в строго геометрических мотивах: пересекающиеся по диагонали тонкие линии, треугольники, ромбы, точки, штрихи. Встречена керамика с розовой поливой и росписью белой краской по коричневому фону, посуда с глазурью болотного цвета. Зато обычны чаши, у которых одна сторона покрыта зеленой, а другая коричневыми глазурями. Голубая полива встречается в сочетании с росписью черной краской и гравировкой, образцы которой вы и видите на рисунке.

Типы поливной керамики, о которой мы только что рассказали, — явление локальное, характерное для городов долины Сырдарьи и предгорий Каратау.

В XIV—XV вв. в Отрарском оазисе изготавливалась керамика со штампованным орнаментом, который получался в результате специальных форм — калыбов. Одно из таких изделий вы видите на снимке — кувшин (фрагменты штампованного орнамента с него — на другом снимке). В орнаменте «зашифрован» такой сюжет: по окружности движутся оседланные кони и гепарды. На седлах коней сидят соколы. В обрамлении — другие виды орнамента: розетки, линии и т. д. Кувшин найден в одной из гончарных мастерских на Отрартобе.

Наметившийся в XV—XVI вв. общий подъем города отразился и в изделиях гончаров, особенно в поливной посуде. Неполивная керамика с ее установившейся стандартизацией видов и типов в это время несколько огрубляется: по-прежнему много хумов, различных емкостей, горшков, кувшинов, чаш. Встречаются котлы из рыхлого дровяного теста. Высокого искусства гончары достигли в производстве тандыров, которые, как уже отмечалось, имели универсальный характер: служили как печи и как хлебопекарни. Тандыры лепились по частям из отдельных полос глины, которые затем соединялись, а швы хорошо промазывались. Их обжигали в специальных печах гончары, которые специализировались на этом виде производства. Обязательной принадлежностью

Керамический кувшин с орнаментом, получаемым с помощью калыбов, XIV—XV вв. (Отрартобе)

тандыра являлась глиняная крышка. В их незамысловатых украшениях чувствуется стремление мастеров избежать однообразия, проявившееся в обилии комбинаций, сочетании простых наколов, вдавлений, вмятин, расположенных по краям и поверхности крышек. В это же время были распространены небольшие кувшинчики с наклепными ушками, т. е. вид посуды, встречавшийся в керамике первых веков, затем забытый и вот возродившийся через столетия.

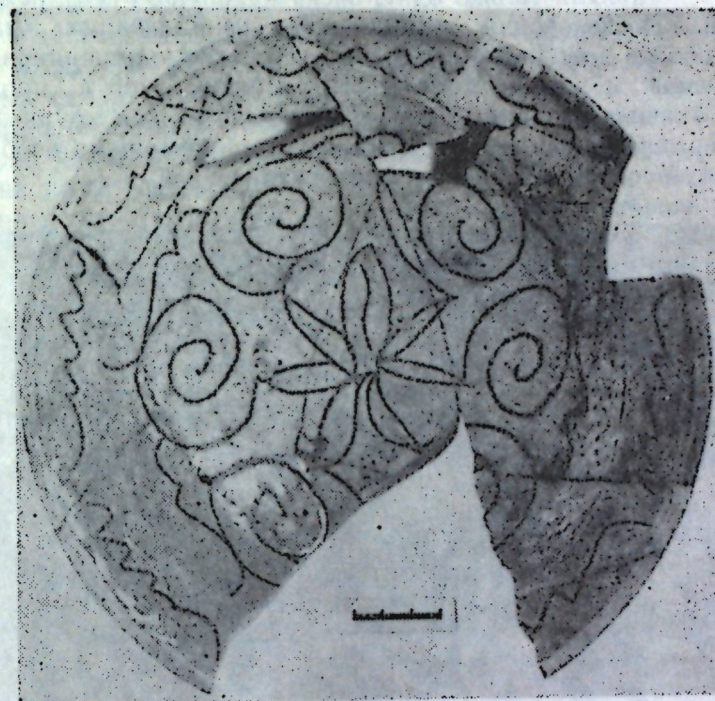

Штампованный орнамент: фрагмент кувшина, XIV—XV вв. (Отрартобе)

Поливная керамика — чаши, миски, блюда, тарелки и тагоры — покрыты прозрачной глазурью, с окраской фона в различные оттенки голубого и синего, реже зеленого. Моно- и полихромные росписи выполнены коричневой, марганцевой, фиолетовой, черной и редко красной красками. Привлекательны изделия, у которых внутренняя полость расписана красками одного цвета, а внешняя — двумя. Много посуды с росписью синим (кобальт), в чем прослеживается подражание фарфоровым изделиям Китая, именно такая керамика была широко распространена в XV—XVI вв. в Средней Азии. Росписи носят геометрический (крест, ромб, сетка), растительный и эпиграфический характер. Большим разнообразием отличается растительный орнамент: стилизованные «ботанические мотивы» — рисунки растений, цветов (лилия, нарцисс,

шиповник). В композициях с кустами и деревьями эпиграфический орнамент передан в сильной стилизации. В оформлении чаш, блюд, иногда сочетаются элементы различных видов орнамента.

Керамика Отрара XV—XVI вв. имеет много общего с керамикой Ташкента, Самарканда, Ургенча, Бухары. Однако местные самобытные признаки преобладают, в частности, использование в качестве узора тамгообразных знаков, помещаемых в центре чаш. Такие же знаки, но

Фрагмент чаши с оригинальной композицией рисунка, XV—XVI вв. (Отрартобе)

процарапанные еще до обжига, имеются снаружи в нижней части стенок и на поддонах. Возможно, мастера, делавшие посуду, ставили свой родовой знак или просто метку, а может быть, знак принадлежал крупным феодалам, которые могли владеть ремесленными мастерскими города.

В керамических изделиях XVII—XVIII вв. сохранены традиции XV—XVI вв., однако, значительно хуже качество поливы: серая или голубая глазурь шероховата на ощупь. Элементы росписи, выполненные марганцем или кобальтом, довольно однообразны: волнистые линии в сочетании с аморфными пятнами, спирали, «кляксы», расположенные группами и в одиночку. Однако встречена и оригинальная композиция на чаше, фрагмент которой до нас дошел и представляет интерес. На внутренней поверхности чаши изображена розетка группами бутоны хлопка, оплетенные растительными побегами. Дно сплошь

заполнено спиралями, а в самом центре помещен стилизованный цветок. Как видим, изделия гончаров Отрара представляют для науки ценный материал, позволяющий глубже понять духовный мир наших предков: род их занятий, вкусы, фантазию, художественное восприятие жизни.

По раскопкам мастерских ремесленников

Гончары представляли только одну, очень крупную группу ремесленников Отрара. Исследования ремесленной специализации населения позволили вполне достоверно выделить мастерские кирпичников, стеклоделов, кузнецов, медников, косторезов... Список могут продолжить хлебопеки, ткачи... Поздний Отрар представляется как крупный городской центр с присущими ему строительно-планировочными особенностями, с развитой социальной и ремесленной структурой.

Кирпичеобжигательная печь, вторая половина XIII — середина XIV вв. (Отрартобе)

В раскопе пригорода Отрара привлекла наше внимание мастерская по обжигу кирпича. По всей вероятности, она была центром строений, которые группировались вокруг нее. Как выяснилось, мастерскую окружали жилые и производственные помещения.

С начала существования мастерской выделяются три строительных периода на протяжении второй половины XIII — середины XIV вв. Видны следы ремонтов. Но кирпичеобжигательная печь, которая стояла в центре мастерской, функционировала все это время.

На снимке раскопа хорошо видна обжиговая камера этой печи.

Проведенное обследование позволило выявить ее параметры. Печь

двухъярусная, прямоугольная в плане. По внешнему обводу размеры ее 5,7×7,7 м. Топочная камера (2,9×4,7 м) выложена жженым кирпичом¹⁸. Топка перекрыта пятью арками. Высота печи от уровня пола до замка арок — 2 м. Между арками сохранились проходы, разделенные перемычками. По длинной оси топки, по центру, проходил дымоходный желоб из жженных кирпичей. Он соединялся с четырьмя выведенными вертикально дымоходами, которые одновременно служили для регулирования температурного режима печи. Дымоходы в верхней части своей часто прогорали, разрушались, и тогда старые каналы заменялись новыми. Удалось измерить длину (5,5 м) и ширину (4 м) обжиговой камеры. Высоту можно только предполагать. Считают, что высота обжиговых камер достигала 3,5 м.

С западной стороны от печи идут два ряда помещений. Ближний к печи ряд насчитывает три связанных проходами помещения, в одном из них на полу находился земляной очаг. В двух других сохранился вымощенный квадратным кирпичом пол, в центре которого находилось сливное устройство — ташнау с устьями, перекрытыми жженым кирпичом, с проделанным в центре отверстием. Следующий ряд помещений, их тоже три, сохранился плохо: в двух были суфы и вмазанные в них тандыры, в устье одного из них вставлен железный котел. Совершенно очевидно: постройки имели прямое отношение к производственным процессам.

Слева от печи находился двухкомнатный дом из двух помещений: одно, с тандыром, было жилым, а другое — подсобное, в нем располагались закрома.

Комплекс кирпичеобжигательной мастерской — первый полностью раскопанный объект такого рода в Средней Азии и Казахстане.

Наиболее ранняя из найденных при раскопках монет относится ко второй половине XIII в., поздняя — к середине XIV в. В большинстве своем монеты чеканены в третьей четверти XIII в. Керамика, бронзовое китайское зеркало с изображением животных двенадцатилетнего цикла, нашивные бляшки, найденные здесь — все это относится к XIII—XIV вв. По-видимому, по этим предметам можно сориентироваться в дате постройки печи.

Печи, подобные отрарской, известны. Аналогичная печь этого времени раскопана в Самарканде. Очень похожи на отрарскую печь Караван-Сарая Талайхан-Ата в Хорезме, относящиеся к концу XIV — началу XV вв.

Еще три кирпичеобжигательные печи, датируемые XIII—XV вв., раскопаны в разных местах предместья Отрара. Аналогичны им многочисленные: это и печь XIII в. из Сарайчика, и печи XIII—XIV вв. из Мерва и других среднеазиатских городищ.

При сопоставлении объектов раскопок между собой следует отметить общий принцип устройства печей. Все они двухъярусные, с топками, перекрытыми арочными конструкциями, которые выполняют роль пода. Дым выводился или через отверстие в своде, или же по специальному

¹⁸ Размеры: 24×24×5 см; 26×26×5 см; 36×36×8 см.

дымоходу. Разная ширина верхних плоскостей арок давала возможность получать разноформатный кирпич. Так, в печи мастерской наряду со стандартным размером $22 \times 22 \times 25 \times 4 \times 5$ см обжигался кирпич крупных размеров — $40 \times 40 \times 5$ см. Сложное устройство вывода дыма и терморегулирующая система позволяли в этой же печи производить обжиг поливных изразцов и плит, использовавшихся в строительстве.

Кирпичеобжигательных печей и мастерских было много в XIII—XV вв., что свидетельствует о размахе строительных работ в Отраре в позднем средневековье.

К X в. относятся массовые находки стеклянных изделий в городах Казахстана и Семиречья. Замечено, что с этого времени и до начала XIII в. формы, типы и наборы стеклянных изделий почти не менялись. Обнаружено и близкое сходство стекла со стеклом, изготовлявшимся в разных районах Средней Азии.

подавляющая часть стеклянной посуды сделана методом свободного выдувания, а малая — путем отливки в форме. Найденная посуда, отлитая в форме, имеет на стенках и на донце орнамент в виде «пчелиных сот», концентрических линий, розеток; посуда, сделанная методом выдувания, содержит орнамент в виде наваренных манжет, стеклянных нитей и полосок, реже — инкрустирована разноцветными стеклянными напайками.

Массовые находки стекла — показатель того, что стеклянное производство в средневековых городах достигло высокого уровня и обслуживало самые различные слои населения. Классификация изделий позволяет выделить несколько основных видов посуды: кринкообразные сосуды с округлым удлиненным туловом, резко суживающимся к шейке, с прямым венчиком; графины нескольких типов из прозрачного зеленоватого либо голубого стекла, украшенные наварными нитями темно-зеленого, красноватого либо темно-синего цвета; очень часто прямые параллели графинов, встреченных в материалах среднеазиатских городов; кувшины, широко распространенные, как и графины; чаши, тубеки, бокалы и кружки, рюмковидные сосуды, флаконы.

Какими же были, например, стеклянные чаши?

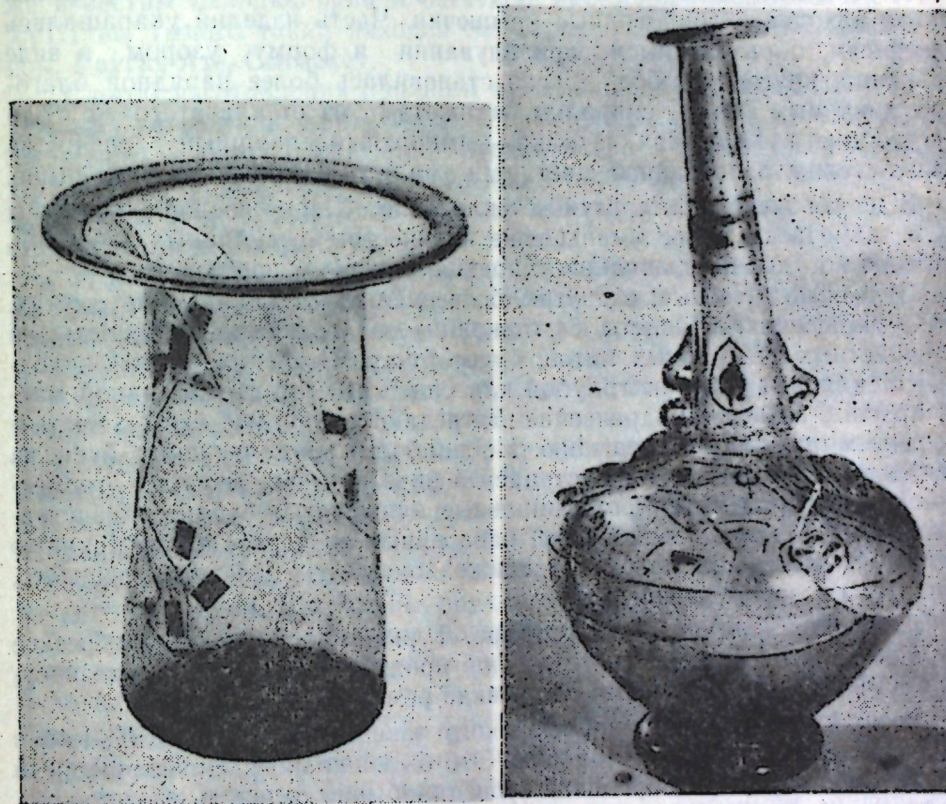
Характерный признак — невысокие стенки и широкое устье. У некоторых стенки плавно расширяются наружу или вогнуты внутрь, или имеют сложный фигурный профиль. Есть чаши, украшенные орнаментом в виде ромбов или овалов, расположенных в шахматном порядке. Аналогичные чаши представлены в коллекции стекла из Нисы и Узгента. Известны они в материалах городища Хульбук.

Распространенный вид стеклянной посуды — тубек, гигиенический сосуд. Один из них приведен на снимке. Аналогичные предметы найдены в Хорезме на городище Шах-Сенем в слое XII — начала XIII в.

Бокалы и кружки имеют цилиндрическое или шаровидное тулово с прямыми тонкими стенками. Кружки в отличие от бокалов с петлевыми ручками на середине тулова. Стенки украшены орнаментом в виде ромбов, овалов, шестиугольников (сотовый узор). При вдувании

в форму на дне отпечатывался узор в виде завитков или кругов. Сходные изделия есть в Шаше, Самарканде, Карабулаке и других среднеазиатских городах.

Рюмковидные сосуды — цилиндрические в основе, с мягким абрисом емкости, на ножках — имеют аналогии, обнаруженные в Нисе, Узгенте, Кузе.

Стеклянный гигиенический сосуд — тубек, XIII в. (Отрартобе)

Графин из белого стекла, расписанный цветными эмалями, XVIII в. (Отрартобе)

Мастера-стеклодувы делали и небольшие предметы, такие, как флакончики. В раскопках встречены экземпляры, имеющие горлышко с венчиком растробом, плавно переходящее в округлое тулово на вогнутом внутрь поддоне. Этот вид изделий характерен для многих городских центров средних веков.

Редкие формы стеклянных изделий представлены обломками сфероконуса из голубоватого толстого стекла и аламбиками — алхимическими сосудами в виде колпачка с трубкой-отводом для испаряющегося вещества. Аламбики — обычная находка в комплексах стеклянных изделий средневековых городов.

Кроме посуды стеклоделы умели изготавливать оконное стекло в виде небольших дисков.

В позднее средневековье в городах по-прежнему действовали мастерские по производству посуды из стекла, которое отличалось богатой цветовой гаммой — от зеленого с различными оттенками до синего, голубого, красного, желтого и темно-коричневого. Достаточно полным был ассортимент изделий: кружки, чаши, бокалы, рюмки, графины. Частая находка — грибовидные крышечки. Часть изделий украшалась рельефным, образующимся при вдувании в форму узором в виде вдавлений, кругов, ромбов, другая становилась более нарядной благодаря наварным нитям, спиральям, манжетам из стекла этого же или другого цвета. Подобная находка — импортный изящный графин из белого стекла, расписанный цветными эмалями, — приведена на снимке.

В целом же, характеризуя стеклоделие XIII — первой половины XV в., замечаешь явное уменьшение количества стеклянных изделий, особенно посуды, по сравнению с предшествующим временем.

Нельзя не сказать и о других, более мелких стеклянных предметах. Это — украшения: браслеты со стеклянными глазками, браслеты из разноцветных стеклянных нитей, бусы, бисер. Особенно частая находка — стеклянные бусы из голубой или синей рыхлой стекловидной массы, круглые либо цилиндрические. Встречаются круглые бусы с частым рифлением размером с черешню. Но наиболее многочисленны бусы из разноцветного стекла с инкрустацией в виде колечек, разводов, геометрических фигур. Найдены оригинальные пупырчатые бусины, представляющие собой гроздь мелких бус, наваренных на центральную крупную бусину. В коллекции находок — также бисер из зеленого, желтого, красного и розового стекла.

По материалам раскопок Отрара, Туркестана отмечается резкое сокращение в производстве стеклянной продукции и прежде всего посуды в XVI—XVIII вв. и упадок этого вида ремесла.

Находки на городищах Отрарского оазиса привели к открытию и такого ремесла, как кузнечное дело. Это был широко распространенный вид занятий горожан. Городские кузнецы обычно селились в отдельных кварталах (такие кварталы были зафиксированы в Термезе). В источниках упоминаются базары кузнецов в Мерве и Нишапуре.

Как установлено, железную руду обрабатывали на местах добычи, здесь же производили плавку металла. В кузницы железо попадало в виде криц, заготовок и железного лома. Существовали крицы двух видов. Так называемая спецкрица, неоднородная по составу, сильно загрязненный шлаками пористый слиток металла — это еще сырой материал. Такую крицу необходимо дополнительно обработать — выжечь шлак, сварить железо в монолитный кусок, поддающийся ковке, т. е. получить вторичную крицу, из которой уже можно делать полуфабрикаты, пруты, бруски — заготовки будущих изделий. Именно такие крицы были найдены в кузнице на городище Куйруктобе. По сути дела — это болванки железа округлых сечений, среди них крицы со следами разубов, сделанных для определения качества металла.

Мастерские сохранились плохо, и по этой причине трудно представить их устройство. Однако по аналогии с металлургическими мастерскими, раскопанными в Куйруктобе и относящимися к XIII — началу XV в., где в раскопанном квартале металлургов в специальных тандыровидных печах производились переплавка криц и превращение их в спецкрицы, вероятно, можно предположить, как это делалось. К тому же известны находки криц и остатков железоплавильных печей XVI—XVIII вв. (много таких находок на Отраре, на Бузуктобе левобережном, Кауган-Ате, Сыгнаке).

Способ изготовления кричного железа предельно прост. В неглубокую яму загружали шихту — смесь древесного угля и железной руды, после чего ее плотно закрывали, предварительно поджигая содержимое. При плавке пользовались естественным дутьем: в процессе горения происходило восстановление окислов железа и образовывалась тестообразная масса — крица.

Уголь кузнецы готовили обычно сами. Видимо, иногда плавка железа и изготовление изделий совмещались в одной мастерской. В пользу такого мнения свидетельствуют находки в одном из домов Отрара. В поздний период существования этого дома в конце XVII в. здесь жил мастер, связанный с плавкой и обработкой железа. В одном из помещений расчищен зольник. Были обнаружены обломки оплавленных стен сыродутного горна и около 50 кг железа в крицах, находившегося в одном из углов этого помещения. В другом помещении расчищена яма диаметром 0,7 м, заполненная древесным углем. При разборке кладовой найдены лемехи пахотных орудий. Определенно, дом принадлежал металлургу-кузнецу, который сам выплавлял кричное железо и готовил из него наконечники пахотных орудий типа «омач».

Пахотные орудия, изготовленные кузнецами, — массивные двухлопастные, сваренные из двух полос железа треугольной формы. Втулка, куда заколачивался конец рала, имеет овально-уплощенную форму. Длина наконечников — 30 см, максимальная ширина — 25 см.

Наряду с коваными пахотными орудиями в слое XVII в. на Отраре обнаружены и литые. Это значит, что его жители знали литье. Об этом же говорят находки литых чугунных котлов — обломки обнаружены в мастерской кирпичника и в бане. К тому же о производстве чугунных котлов в Средней Азии в XVI в. свидетельствуют и источники. Но из чугуна делались не только котлы, но и отдельные детали. Таким распространенным изделием были, например, имевшие характерную форму втулки с тремя выступами по периметру необходимые для крепления деревянных частей колеса.

Из железных изделий, найденных при раскопках, привлекают внимание кетмени, имеющие округлую лопасть и пробитое в верхней части отверстие — втулку. Верхняя часть орудия более массивная, сама лопасть с изогнутым профилем. Из железа изготавливались и серпы нескольких типов. Распространенной находкой являются топоры — чоты, для крепления которых к рукоятям изготавливались специальные зажимы; также ножи, набор железных подков, достаточно разнообраз-

ных по размерам, а значит для подковки не только лошадей, но и мулов и ослов. Из железа изготавливались и другие изделия, необходимые в быту: штыри, кольца от цепей, крючья, гвозди.

Этнографические сведения о развитии литейного и кузнечного ремесел свидетельствуют о специализации, существовавшей в этих отраслях. Литье чугуна и изготовление наконечников пахотных орудий, втулок для колес, котлов и светильников находилось в руках чугунищников (чуянгар), котельщиков (дегрес). Это считалось одним из наиболее развитых видов ремесла. В редком городе не было квартала с названием, указывающим на занятия жителей этим ремеслом. Обычно мастерские находились при жилье и центром их являлись печи для обжига форм и горны для плавки чугуна.

Наибольшей специализации, судя по этнографическим наблюдениям, достигло кузнечное ремесло. Так, в Самарканде имелись три группы кузнецов: специалисты по мелким изделиям (дверные цепи, подковы, гвозди, удила); мастера, делавшие инструментарий для плотников и каменщиков; ремесленники, изготавливавшие ножи, ножницы, бритвы. В Хорезме выделились группы мастеров, делавших лопаты и кетмени, теша и балта (топоры), подковы и гвозди. Имелись кузнецы, изготавливавшие только серпы (урак).

Производство изделий из меди было распространено повсеместно, тем более, что разработки полиметаллических руд и меди находились неподалеку от городских центров — в Каратау, Киргизском, Занлийском и Таласском Алатау. Медницкое дело, как полагают исследователи, было второй после гончарной по важности и многочисленности мастеров специальностью. Медники изготавливали посуду, подсвечники, чираги, украшения. Зачастую они же работали и с драгоценными металлами, будучи одновременно и ювелирами.

При раскопках городищ Отрарского оазиса собраны коллекции изделий из меди и бронзы.

Среди них изделия, относящиеся к IX—XII вв., — светильники и подставки для них. Наиболее простой по форме светильник — чираг — состоял из резервуара с вытянутым длинным носиком и ручкой; более сложный насчитывал до восьми носиков. Светильники такого рода опирались обычно на ножки, иногда выполненные в зооморфном стиле (имитация лап хищного или копытного животного). Сверху светильники имели откидные на петлях крышки. Тулово и крышки украшены богатым прорезным орнаментом, образующим сложные композиции.

С большим художественным вкусом сделаны подставки под светильники. Высокая (до 25—35 см) полая колонка, круглая или многогранная опирается на полукруглый поддон с тремя ножками. Наверху — плоская чаша, куда ставился светильник. Подставки покрыты гравированным растительным и буквенным орнаментом.

В фондах Центрального музея Казахской ССР хранятся два бронзовых кувшина, сведения о которых в музейных описаниях сообщают лишь место их находки — Семиречье или Южный Казахстан.

Первый кувшин (высотой 30 см) имеет грушевидное тулово (на-

большим диаметром 74 см), опирающееся на низкий кольцевой поддон. Горло переходит в вытянутое ладьевидное устье с плоским бортиком. Изогнутая S-видная ручка соединяет горло и тулово. На верхней части ручки — выступ в виде зерна граната. Средняя часть ручки псевдовитая, нижняя, прикрепленная к тулову, выполнена в виде стилизованной головы козла с рогами. Этот кувшин вы видите на снимке.

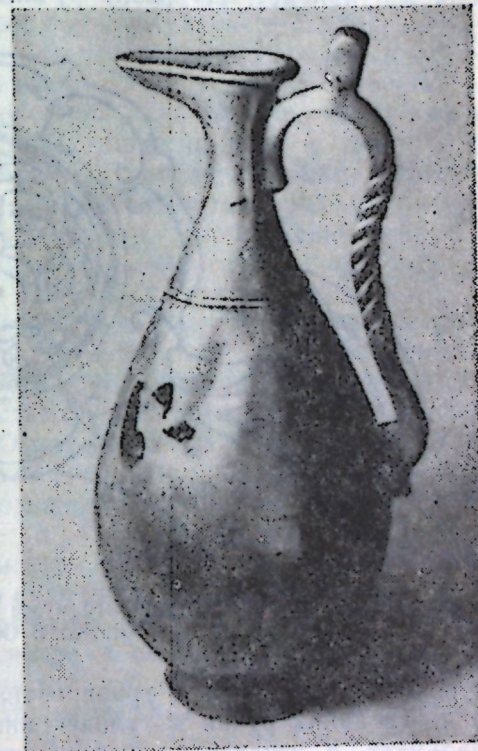
Форма описанного сосуда восходит к сасанидским серебряным прототипам. Такие сосуды известны в коллекциях достаточно широко и датируются в диапазоне от IX до начала XIII вв.

Отсутствие декора на тулове сближает семиреченский сосуд с кувшинами из Гератского и Берлинского музеев. Гератский кувшин датируется IX в. Ручка семиреческого сосуда аналогична ручке кувшина из Лувра, который датируется серединой XI — началом XII вв. Кувшин из Центрального музея Казахской ССР следует датировать XI—XII вв. Местом изготовления таких кувшинов мог быть и Мавераннахр и юг Казахстана и Семиречье.

Второй кувшин (высотой 33 см) из золотистой бронзы имеет реповидное тулово (диаметром 15 см), переходящее в горло с раструбом. Опирается кувшин на торовидный поддон. Венчик отогнут под прямым углом. Ручка расширяется к венчику и месту крепления к тулову. Она украшена шестью объемными бусинами. На верхней части ручки — украшение в виде цветка граната.

Горло украшено орнаментом, расположенным в трех поясах, разделенных тремя выпуклыми полосками, причем средняя из них инкрустирована красной медью. Верхний пояс (шириной 3 см) заполнен арабской благожелательной надписью на фоне растительных побегов, закрученных в спираль. От внешнего кольца спирали отходят прямоугольные отростки. Средний пояс (шириной 6 см) занят гравированными изображениями полупальмет. Нижний пояс (шириной 3 см) занят гравированной арабской надписью на фоне спиралевидных растительных завитков.

Отогнутый борт венчика инкрустирован тремя кружками красной

Бронзовый кувшин из Центрального музея Казахской ССР, XI—XII вв. (предположительно Семиречье, Южный Казахстан)

бронзы, обрамленными двойной окружностью. Ближе к ручке имеются два клювовидных выступа, на поверхности которых с помощью гравировки и инкрустации красной медью выполнены изображения птичьих головок.

На верхней площадке ручки гравировкой и инкрустацией изображен фигурный картуш, в верхней части которого выгравированы две полупальметы. На ручке ниже картуша фигура трилистника в обрамлении полупальмет. По ребру ручки идет полоска красной меди, окон-

Бронзовый кувшин из Центрального музея Казахской ССР, XI—XII вв.: изображение на ручке (предположительно Семиречье, Южный Казахстан)

туренная с двух сторон гравированными линиями. В месте прикрепления основания ручки к тулову инкрустацией и резьбой выполнена пальмета. К верхней площадке ручки, как отмечалось, прикреплен цветок граната (его схематический рисунок приведен выше) высотой 7 см. На венчике цветка в медальоне изображена птица с человеческим лицом на фоне растительных побегов.

Что касается формы кувшина, то они известны и по раскопкам: два кувшина были найдены на шахристане городища Куйруктобе. У обоих сосудов реповидное тулово, низкий поддон, цилиндрическая горловина, которая слегка расширяется кверху. У одного ручка овальная, в сечении имеет грибовидное, явно подражающее плоду граната, навершие. Для второго характерно блоковидное горло, плоский отогнутый наружу венчик с двумя клювовидными завитками в месте прикрепления ручки. Сама ручка литая, украшенная пятью бусинами и навершием в виде цветка граната. Высота первого кувшина — 21,5 см, второго — 24 см. Кувшины датированы XI в.

Кувшины описанного типа достаточно многочисленны и из них

известный исследователь Б. И. Маршак выделил две группы. К первой, более ранней, он относит два эрмитажных кувшина, кувшины Метрополитена Музеума и ряд других. Для них характерны объемные бусины на ручках, каннелюр на горле, орнамент в виде кружочков с точкой посередине. Группа датируется X в. Поэтому к этому же времени относятся кувшины из Куйруктобе.

Техника исполнения орнамента на кувшине из Центрального музея Казахстана — гравировка и инкрустация красной медью — считается одной из характерных черт нового художественного стиля в производстве металлической посуды. Он, как установлено, складывался в конце XI — начале XII вв. Изображения птиц в декоре кувшина — сюжет достаточно распространенный и находит широкие аналогии в художественных изделиях из металла, происшедших с территории Средней Азии. В целом же такие черты, как наличие орнаментальных лент с благопожелательными надписями, фестончатых арок, растительных побегов с прямоугольными отростками, изображений сирен и сфинксов, позволяют датировать кувшины, аналогичные описанному, XII — началом XIII вв.

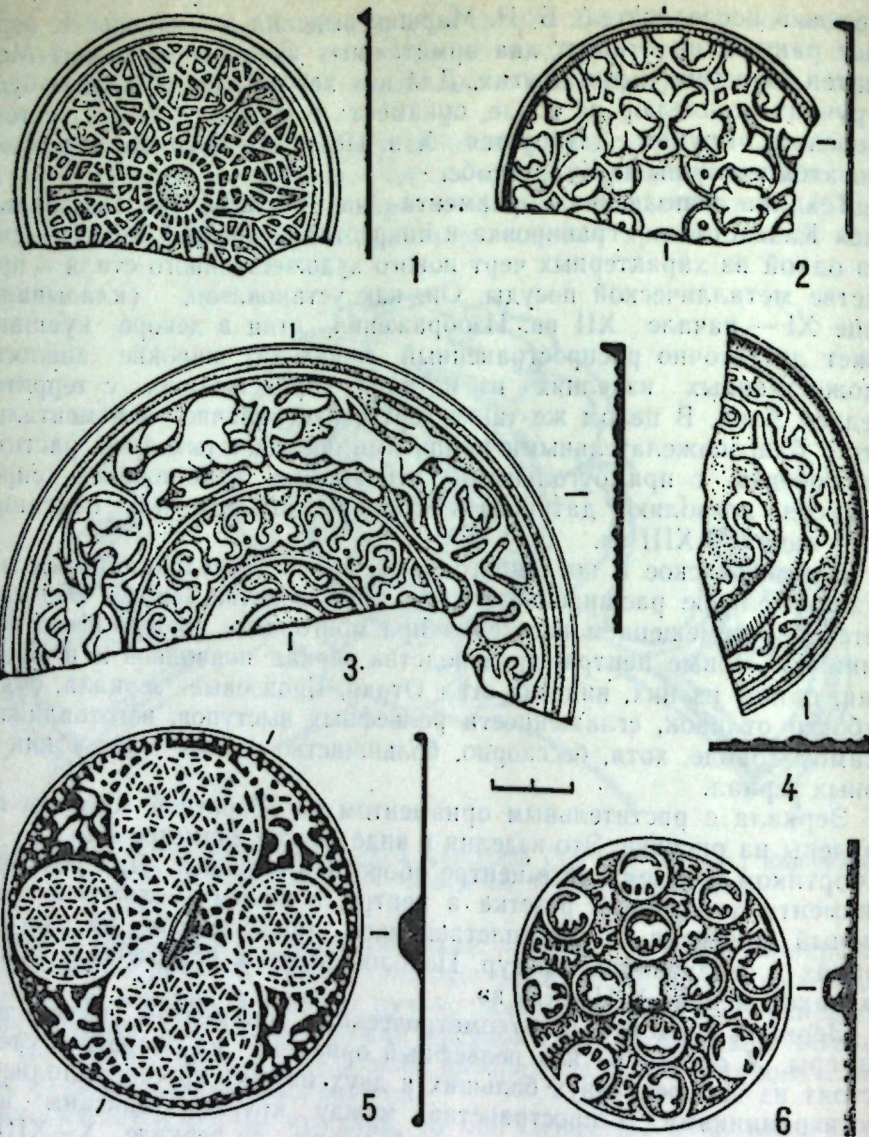
В монгольское и послемонгольское время исследователями отмечено значительное расширение центров производства зеркал. Это связывается с перемещением населения при монголах и прежде всего ремесленников. Новые центры производства зеркал появились и в Средней Азии, одним из них, видимо, стал Отрар. Бронзовые зеркала, судя по грубости отливок, сглаженности рельефных выступов, изготавливались в самом городе, хотя, бесспорно, большинство из них — это копии привозных зеркал.

Зеркала с растительным орнаментом на оборотной стороне представлены на рисунке. Это изделия в виде дисков диаметром до 7,5—8 см с бортиком и петелькой в центре оборотной стороны. Для рельефного орнамента характерна розетка в центре, а вокруг — сложный растительный орнамент из переплетающихся трилистников на изогнутых стеблях и сердцевидных фигур. Похожие зеркала встречены в половецких захоронениях XIII—XIV вв.

Зеркала с растительно-геометрическим орнаментом имеют те же размеры. У одного из них рельефный орнамент на оборотной стороне состоит из четырех (двух больших и двух малых) кругов, заполненных шестигранниками. В пространствах между кругами вписаны цветы лотоса. Похожие цветы лотоса изображены на зеркале X—XIII вв., найденном в Сибири.

У зеркала с солярной орнаментикой на оборотной стороне в центре изображен солнечный круг, от которого отходят лучи в виде сложных переплетающихся отростков. Аналоги зеркалу достаточно широки.

Группа зеркал имеет на оборотной стороне зооморфный орнамент. От нескольких зеркал сохранились обломки, украшенные изображением рыбы в обрамлении растительных побегов. Идентично им зеркало из Павлодарского Прииртышья с двумя рыбами. Есть такие же зеркала в памятниках Хорезма, Поволжья золотоордынского времени, в Сибири, на Дальнем Востоке.

Бронзовые зеркала, XIII—XIV вв. (Отрартобе)

Одно из зеркал диаметром 14,2 см украшено изображением «звериного гона». Различаются лев, олень и, видимо, собака. Животные изображены в переплетении растительного орнамента. Следующие две датируются XI—XIII вв. Аналогичное зеркало найдено в Минусинской котловине, но в отличие от отрарского у него есть пояс с благопожелательной арабской надписью.

Найдено зеркало диаметром 6,5 см грубой отливки с краями разной толщины, сделанное, как установлено, на месте отливки с импортного оригинала. По внешнему краю зеркала идет круг из восьми медальонов, по внутреннему — из четырех. В каждом из них — изображение животных. В медальонах внешнего круга различаются кабан (свинья), собака, птица (петух), барс; во внутреннем — лошадь, баран. В промежутках между медальонами нанесены нероглифические циклические знаки. Зеркало помимо своего утилитарного назначения выполняло роль календаря с распространенным на Востоке двенадцатилетним животным циклом.

Из бронзы и меди в Отрарском оазисе изготавливались различного рода украшения, амулеты. Например, интересной находкой является литой бронзовый медальон с рельефным изображением на обеих сторонах. На одной из них скачущий всадник с натянутым луком и бегущей под брюхом коня собакой; на другой — свернувшийся дракон. Сейчас известно несколько совершенно идентичных медальонов, найденных на территории Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья. Эти изображения находят широкие аналогии в памятниках прикладного искусства XIII—XIV вв.

Интересны поделки ювелиров, работавших с благородным металлом (золотом, серебром) и драгоценными цветными камнями. Серьги, браслеты, перстни, кольца — нередкие находки при раскопках. Привлекает внимание исследователей, например, перстень, украшенный гравированным изображением человека, убивающего змею. Перстень вы видите на снимке.

Обработка кости издревле являлась традиционным и широко распространенным ремеслом в казахстанском городе. В качестве поделочного материала использовались рог и трубчатые кости диких и домашних животных. В большом количестве при раскопках найдены рога оленей, джейранов, сайгаков со следами первичной обработки — спилами, обрезками, снятым роговым слоем, разрезами. Из длинных берцовых костей лошадей, коров делали ложила для обработки шерсти,

Серебряный перстень, XVI в. (Отрартобе)

приспособления для детской люльки (сувак). Для обработки шерсти использовали также лощила из крупных астрагалов коровы и лошади. Из лучевых костей в большом количестве изготавливали проколки; шилья.

Из кости изготавливали напрясла (урчок). В коллекции костяных поделок есть рукоятки ножей. В большом количестве найдены мелкие астрагалы для игры в «бабки», некоторые из них имеют отверстия для заливки свинца. Из кости изготавливали также пуговицы, застёжки, ручки ножей, неопределимые предметы.

Ручные жернова из песчаника и гранита составляют одну из наиболее частых находок Отрара. Ручные жернова, как правило, однотипны и по размерам и по весу. Диаметр их колеблется в пределах 30—50 см. Наряду с ручным поставом обнаружены остатки жерновов диаметром от 1 до 1,5 м, которые приводились в действие усилием впряженного животного.

Из камня изготавливали песты самого разнообразного назначения — от крупных (длиной до 30 см и весом до 5 кг) до мелких пестиков. Крупные использовались для дробления руды, они обычно встречаются рядом с ямами для выплавки железа.

Терочники — каменные ядрища различного диаметра из песчаника, кварцита; судя по обилию, они широко служили в хозяйстве и быту, например, для растирания компонентов поливы, дробления песка. Многочисленной категорией находок являются точильные камни различной формы и размеров. Это и плитки с выработанной поверхностью, и пластины, и подпрямоугольные бруски.

Можно отметить архаичность производимых из камня изделий, сохранявших свой облик на протяжении всего периода средневековья.

Раскопки кварталов ремесленников позволили археологам заглянуть в прошлое значительной трудовой группы, сыгравшей в развитии средневекового Отрара важную роль как фактор культурно-исторического процесса.

Отарский оазис

— „место стечения купцов,“

Известно, что в 629 г. буддийский паломник Сюань Цзянь отправился из Китая в Индию («чтобы взглянуть на священные останки Будды и серьезно изучить богословие»), и что дорога, по которой он ехал, служила международным путем, связывавшим Китай с Западом... Проехав на верблюдах вместе с караваном купцов из Чанъяни по краю великой пустыни Гоби через Дунхуан, пройдя соляную пустыню, известную под названием «Барханы Белого Дракона», оазисы Хами и Турфан, по северным склонам Тянь-Шаня и выйдя из Ледовых гор, которые соответствуют хребту Музур-Ола, Сюань Цзянь и его спутники прибыли к Прозрачному или Голубому озеру¹⁹. Обогнув его, паломники прибыли в

¹⁹ Еще его называли Горячим озером. Все это названия одного и того же водоема — Иссык-Куля.

город Суяб, где встретились с тюркским каганом, повелителем огромной империи, границы которой доходили до Черного моря.

Вот как описывает кагана тюрков и его приближенных Сюань Цзянь: «Лошади этих иноземцев были прекрасны. Каган был одет в халат из зеленого шелка; его голова была обнажена и обмотана лишь шелковой повязкой длиной более одного чжана (3,2 м.— Авт.) с отвисающими назад концами. Его сопровождали более двухсот тарханов²⁰, одетых в халаты из парчи, с заплетенными в косы волосами. Остальные воины, облаченные в одежды, подбитые мехом, и в мягкие головные уборы, несли бердыши²¹, знамена и луки. Едущих на верблюдах и лошадях было столько, что невозможно охватить взглядом»²².

Описывая прием, которым удостоил его каган, Сюань Цзянь неоднократно подчеркивает роскошь шелковых одежд тюркской знати и сообщает также о подарках, которые он получил: «целый набор одежд из малинового сатина и пятьдесят кусков шелка»²³.

В этом эпизоде вольно или невольно несколько раз упоминается шелк — основной продукт торговли Востока и Запада, давший название трансконтинентальной дороге древности и средневековья — Великому Шелковому пути. Однако вопрос о том, когда «заработал» этот путь, до сих пор остается открытым.

Китайские археологи, которые вели раскопки в провинции Чжецзянь, вблизи озера Тайху, нашли шелковые ткани и пояса, относящиеся к эпохе неолита. Возраст ткани 2750 ± 100 лет до н. э. Анализ ее свидетельствует о том, что уже к этому времени, т. е. почти 5000 лет тому назад, шелководство вышло из примитивной стадии. В VI—V вв. до н. э. китайский шелк стал вывозиться в другие страны, в том числе и на Запад. Шелковая попона с вышитыми на ней фениксами была найдена при раскопках одного из «царских» курганов Пазырыка на Алтае, датированного V в. до н. э. Шелковые ткани и бахрома, подшитая к изделиям из шерсти, обнаружены в захоронениях VI—V вв. до н. э. в районах южной и западной Европы.

В распространении драгоценных шелков участвовали кочевые племена саков и скифов, через них диковинный для того времени товар попадал в Центральную Азию, Средиземноморье. Однако вряд ли, считают исследователи, в том числе такие авторитетные, как Ма Юн и А. П. Франкфорт, можно говорить о VI—IV вв. до н. э. как о периоде существования Великого Шелкового пути; вернее предположить лишь доставку престижных товаров по степной зоне, которая проходила около сороковой параллели и, начинаясь в Большой излучине реки Хуанхэ, пересекала восточные и северные отроги Алтая, степи Казахстана и Причерноморья, достигала земель греков и этрусков. Кстати, последние имели очень смутные представления о том, где производился шелк и где находилась «Страна шелка». В то же время шелк попал и в Индию, о чем свидетельствует слово «синапатто» — «китайский шелк»,

²⁰ Тарханы — представители тюркской феодальной знати.

²¹ Бердыши — холодное оружие.

²² Цит. по: Зуев Ю. А. Китайские известия о Сузбе // Известия АН КазССР, Сер. истории, археологии и этнографии. 1960. № 3(14). С. 88.

²³ Там же. С. 89.

встреченное в трактате «Артхашастра» («Наука политики»), написанном в IV в. до н. э.

Полагают, что лишь в середине II в. до н. э. Шелковый путь начинает функционировать как регулярная дипломатическая и торговая артерия. А все началось в 138 г., когда из Ханьской столицы вышел посольский караван, который сопровождал князя Чжан Цяня, посланного императором У Ди в неведомые страны Запада. Через 13 лет Чжан Цянь вернулся назад. Он смог добраться до районов сегодняшнего Афганистана и первым прошел прямым путем из внутренних районов Китая в Центральную Азию. Вслед за ним по этому пути пошли на Запад караваны с шелком, а в Китай — товары из Средиземноморья, Центральной и Западной Азии.

Вскоре международная торговля перешла в руки торговцев из Согда — страны, расположенной в Средней Азии в долинах Зеравшана и Кашкадарьи. Согдийцы издревле славились высоким искусством торговли и удивительной предприимчивостью. Эти качества здесь закладывались в детстве. Начиная учиться с 5 лет, дети получали не только навыки грамоты, но и коммерции. Достигнув 20 лет, юноши отправлялись в zahraniчные торговые поездки. По мнению В. Хеннинга, уже в IV—III вв. до н. э., т. е. задолго до путешествия Чжан Цяня, согдийцы имели торговые колонии в «тохарских» городах Восточного Туркестана и Китая, таких, как Ланчжоу, Чанъань и др. Например, в Дуньхуане проживало около тысячи согдийцев. А о том, что согдийцы проникли в Японию (где Шелковый путь кончался), достигнув древней японской столицы Нара, говорит хранящаяся здесь в одном из храмов рукопись, написанная на согдийском языке.

Во II—V вв. Шелковый путь, если следовать с Востока, начинался в Чанъани и шел к переправе через Хуанхэ в районе Ланчжоу, далее — вдоль северных отрогов Нань-Шаня к западной окраине Великой китайской стены — к «Заставе Яшмовых ворот», где единая дорога разветвлялась, окаймляя с севера и юга пустыню Такла-Макан. Северная шла через оазисы Хами, Турфан, Бешбалык, Шихо в долину р. Или; средняя от Чаочана к Карашару, Аксу и через перевал Бедель — к южному берегу Иссык-Куля; южная через Дунхуан, Хотан, Яркенд в Алайскую долину и далее — в Тохаристан. Наиболее же популярным в это время был маршрут через Кашгар в Фергану и далее — через Самарканд, Бухару и Мерв в Хамадан, в Сирию и Средиземноморье, или же через Балх, Горат — в Индию.

В VI—VII вв. наиболее оживленным стал путь, проходивший из Китая на Запад через Семиречье и Южный Казахстан, хотя прежний (через Кашгар и Фергану) был короче и удобнее. Перемещение пути можно объяснить следующими причинами. Прежде всего тем, что в Семиречье находились ставки тюркских каганов, которые контролировали торговые пути через Среднюю Азию, и, кроме того, тем, что дорога через Фергану в VII в. стала опасной из-за междоусобиц. Но как бы то ни было, этот путь стал главным, и основное число посольских и торговых караванов в VII—XIII вв. проходило здесь. И именно

к началу VII в. относится путешествие Сюань Цзяня, с описания которого и начался наш рассказ.

Что же представляли собой Семиречье и юг Казахстана в канун их вхождения в орбиту Великого Шелкового пути?

Здесь издревле развивалась самобытная культура, в формировании которой участвовали кочевые племена и оседлые народы. Причем в этническом плане и кочевники, и оседлые жители были однородны или же были объединены в рамках единых этнополитических образований. Взаимодействие и взаимообогащение культур, оседлой и кочевой, явилось магистральной линией мирового прогресса. В недрах такого синтеза лежат многие достижения цивилизаций, созданных народами Казахстана и Средней Азии.

В VI—III вв. здесь обитали кочевые и полукочевые племена саков, высокая культура которых известна по раскопкам многочисленных курганных могильников, среди них: Бесшатыр, Иссык, Тегискен. Уже тогда существовали обменные связи саков с Китаем, Индией, Ближним и Средним Востоком — об этом свидетельствуют найденные в погребениях сакской знати китайские зеркала, привезенные из Средней Азии, Ирана высокохудожественные изделия. Монументальные погребальные сооружения Тегискена из сырцового кирпича наталкивают на мысль о привлечении к их возведению иноземных мастеров. Во время существования государств Усуней и Кангюй (в конце I — середине II в. до н. э. — первой половины I тысячелетия), когда, как полагают исследователи, Шелковый путь начал функционировать, сюда стало проникать римское стекло и монеты, китайский шелк, зеркала и лаковая посуда, европейские фибулы (застежки) и резные камни (печатки) из Сасанидского Ирана. В этот период в долинах Чу, Таласа и Сырдарьи шло формирование городских центров, предтечей которых были земледельческие поселения, окруженные стенами с башнями. Десятки их открыты сейчас в предгорной зоне Тянь-Шаня, в долинах Арыси, в среднем и нижнем течении Сырдарьи.

Во второй половине VI в. Семиречье и Южный Казахстан вошли в состав Тюркского каганата, огромной кочевой империи, охватившей пространства от Кореи до Черного моря. На рубеже VII в. каганат распался на две части — Восточнотюркский и Западнотюркский, причем центром последнего стало Семиречье, а столицей — город Суяб. Именно в это время произошло оживление степного участка Шелкового пути, который сыграл важную роль в развитии городской культуры Семиречья и Южного Казахстана. В Семиречье он стимулировал возникновение целого ряда городских центров, а на юге Казахстана способствовал более быстрому росту тех центров, которые оказались либо на самой трассе пути, либо были связаны с ней торговыми ответвлениями. Само размещение городов здесь еще раз подтверждает подчеркнутую К. Марксом мысль об огромной роли караванной торговли в развитии городов Востока в работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству»²⁴.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. С. 464.

Международная торговля обслуживала главным образом верхушку общества. Из Китая вывозили шелк, лаковые изделия, бумагу, зеркала, лекарства. В Китай из стран Запада поступала краска для бровей, вавилонские ковры, драгоценные камни, кораллы и жемчуга, стекло, ткани. Часть предметов роскоши из Византии, Согда, Китая и других стран оседала в ставках тюркской знати, в домах богатых горожан. Об этом говорят археологические находки, среди которых можно назвать серебряные кувшины с подражаниями византийских клеймов (с. Покровка), золотые византийские монеты, китайские зеркала.

Обменная торговля проходила на ярмарках, собиравшихся в больших и пограничных городах.

Крупнейший город Казахстана Испиджаб считался узлом караванных дорог. Сильное влияние на жизнь каратауской периферии оказывал Отрар: продукция отрарских ремесленников поступала на рынки многих городов северных и южных склонов Каратау, среднего течения Сырдарьи и долины реки Арыси. В самом Отрарском оазисе существовала денежная торговля, о чем говорят монеты VII—VIII вв., найденные на Отраре, Куяк-Мардане, Куйруктобе, Бозуке I — Актобе. О том же свидетельствуют обнаруженные также монеты ихшидов Согда VII в., древнетюркские монеты Чача конца VII — начала VIII вв., древнетюркские с тамговым знаком и согдийской надписью, отнесенные к выпуску тюркских правителей Ферганы; китайские династии Тан и бухарские типа «гитрифи». То есть, как видим, в раннем средневековье Отрар осуществлял внешние торговые связи, заботился и о развитии внутренней торговли.

В IX—XII вв. торговля по Шелковому пути получила дополнительный импульс, связанный с распространением ислама. По замечанию А. Меца, «богатый купец превращается в носителя мусульманской культуры... значительная часть отваги и энергии уделялась на базары и конторы»²⁵.

Казахстанский участок Шелкового пути начинался в Газгирде, далее шел на Испиджаб, в Тараз, затем — в Нижний Барсхан, Кулан, далее — в Мирке, Аспару, Харраджуван, Сарыг, Навакет, Суяб, Баласагун, Верхний Барсхан и через перевалы Бедель и Аксу — в Восточный Туркестан. Из Тараза через перевалы Беш-таш и Кугарт торговцы попадали в Ферганскую долину и Кашгар.

Из Испиджаба караваны направлялись через Усбаникет, Фараб, Шавгар-Ясы, Сыгнак и дальше в Дженд и Янгикент; из Усбаникета, Фараба и Кедера, Сыгнака — в города на северных склонах Каратау — Баладжу и Сузаку, оттуда через Бетпакадалу — в Дашт-и Кыпчак. Известный маршрут к кимакам, который вел на Сарысу к предгорьям Улугтау и по берегам Ишима на Иртыш, начинался в Янгикенте.

В X в. были проложены караванные дороги через Илийскую долину: сюда путники попадали из Чуйской долины через перевалы Курдай, Кастек и Санташ. В Талгаре (Тальхизе) караванный путь разветвлялся: Южноилийский шел через города Иссык, Чилик на Кегень и

далее — в Восточный Туркестан. Другой отрезок его (от Чилика) вел к городу Сумбе и далее — в Алмалык. Североилийский путь шел на город Жаксылык, к ущелью Тамгалы-Тас, где находилась переправа через Или. Затем через города Ики-Огуз и Каялык дорога проходила по берегу Алакуля в Алмалык, или через Тарбагатай в долину Иртыша к кимакам. Северный и южный путь соединились дорогой, которая из Чилика вела на Борохудзир, где имела переправа через Или, и далее — через долины Коктала, Усека и Хоргоса выходила на Алмалык. Из Тараза через города Адахкес и Дех-Нуджикес путники попадали к кимакам. Отсюда же торговые пути тянулись на Енисей, к хакасам, куда каждые три года приходил караван с шелком: по пути из Средней Азии он останавливался в Семиречье, в земле карлуков, где получал коней и охрану для защиты от нападений уйгуров. О связях Семиречья и Тувы может свидетельствовать кувшин и кружка из могильника Қалбат-Шай в Туве, похожие на семиреченские.

В X в. появились и новые торговые центры — Кедер и Янгикент на юге Казахстана, Дех-Нуджикес, Баласагун — в Семиречье, Ики-Огуз и Каялык — в Илийской долине.

Торговля в Испиджабе проходила на крытых рынках и рынке полотна. Известно, что здесь же имелись тиму — большие караван-сарай со специальными помещениями, где шла торговля тканями — карбас. Многие рабаты, видимо, тоже были караван-сараями, содержащими товариществами купцов, некоторые из них населяли нахшебцы и самаркандцы. В то же время купцы из Испиджаба добирались с товарами до Багдада, где жили в рабаде Харба ибн Абдаллаха ал-Балхи вместе с купцами из Мерва, Балха, Бухары и Хорезма.

Про округ Фараб и его главный город Кедер в источниках X в. говорится, что Фараб — богатый округ, главный город его называется Кедер, это место «стечения купцов». Как выше отмечалось, здесь в структуре застройки выделены торговые лавки — дуканы. В низовьях Сырдарьи крупным торговым городом был Янгикент, колония хорезмийских купцов, а важнейшим центром транзитной торговли — Тараз, о котором источники говорят как о месте торговли мусульман с тюрками.

В IX — начале XIII вв. в Отрарском оазисе получила широкое развитие местная торговля в самой округе, о чем мы узнаем из характеристик городов средневековых авторов, которые описывают его рынки, сообщают о ценах на характерные для данной местности товары. В город из округи поступала продукция сельского хозяйства, главным образом зерно, фрукты, мясо. Земледельческое население получало изделия городских ремесленников — керамику, стекло, ювелирные изделия, украшения.

Оживленной была торговля с кочевниками. Для Казахстана это означало интеграцию между оседлым и степным населением, их взаимодействие. Торговля приносила обоюдную выгоду, о чем, например, говорит один из сельджукских документов: «Товары и предметы их (кочевников. — Авт.), дающие прибыль, являются причиной увеличения благоденствия, довольства и пользы оседлых людей. Знать и простой

²⁵ Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1966. С. 365.

народ имеют свою долю в этих благах и преимуществах»²⁶. Население оазисов и городов получало в большом количестве лошадей, скот, шерсть, сырые кожи, кошмы, войлоки, молочные продукты, невольников. Отдельные города специализировались на вывозе товаров, получаемых непосредственно от кочевников, либо вырабатываемых из привозного сырья. Например, ал-Макдиси сообщает, что из Шаша вывозили высокосортные шагреньевые седла, колчаны для стрел и палатки, ввозили (от тюрок) кожу, которая дубилась здесь же. Фергана и Испиджаб поставляли рабов (из тюрок), вывозили ткани, оружие, мечи, медь и железо. Тараз — козын шкуры, Шельджи — серебро, Туркестан, так же, как Хутталь, — лошадей и мулов.

Торговля, носившая характер ярмарки, бойко шла особенно в пограничных с кочевниками городах — Сауране, Янгикенте, Дех-Нуджикесе. Через Дех-Нуджикес скот с продуктами животноводства поступал в Испиджаб. Не случайно одни из ворот Испиджаба назывались «воротами Нуджикета».

В Сауран как центр торговли, по запискам Ибн Хаукаля, в мирное время приезжали огузы, которые операции вели и в городах Баладж, Берукет. Через Янгикент они торговали с Хорезмом, который выступал в роли посредника между казахстанской степью, Поволжьем, Хазарией и Славянским миром.

На рынке особенно ценились тюркские лошади, которым Ал-Джахиз дает высокую оценку как превосходившим по качеству других. На рынках ценились тюркские овцы. Истахри сообщает, что «бараны в Хорасан поступают от халаджей, а мясо привозится в Мавераннахр от огузов и карлуков... в количестве большем, чем нужно им»²⁷.

Среди важных статей экспорта кочевников источники называют мускус и меха, одно из главных богатств чигилей, ягма и карлуков. Кимаки добывали соболей, горностаев, лисиц, куниц, которых продавали.

Большое место в кочевнической торговле занимали невольники. Ал-Макдиси указывает, что рабы из тюрок вывозились из Ферганы и Испиджаба. Спрос по этой статье торговли возрос в IX в., когда по примеру халифов различные правители стали обзаводиться гвардией из тюркских рабов, использовавшихся в услужении. Высоко ценились рабыни-тюрчанки.

Степные племена поставляли в города металл, одним из центров производства которого был Центральный Казахстан. Ал-Идриси указывал: «В этих местах от Гарбиана²⁸ рудники серебра. Шашские купцы отправляются к ним с товарами для обмена, покупают там у них много верблюдов с большим количеством груза (серебра) и вывозят во все страны»²⁹. В обмен на свои товары кочевники получали из городских

²⁶ Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 100.

²⁷ Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.: Л., 1939. Т. 1. С. 178.

²⁸ Ученый — академик А. Х. Маргулан помещает Гарбиан в районе Джезказгана.

²⁹ Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 221—222.

центров одежду, ткани, зерно, изделия городских ремесел, предметы роскоши.

В период IX—XII вв. отмечен рост товарно-денежных отношений, которые постепенно вытесняли товарный обмен. Для этого времени характерно функционирование монетных дворов в крупных городах Казахстана: в Испиджабе, который с середины IX в. являлся феодальным уделом в составе Саманидского государства, Таразе, Отраре. Чекан Испиджаба с некоторыми перерывами продолжался до первой половины XI в. По монетным данным, совпадающим с данными источников, последним правителем Испиджаба был Бограхан, второй сын Кадыр-хана, владетеля государства Восточных Караханидов³⁰.

О том, что Отрар выпускал деньги, говорит найденный в 1967 г. Самаркандский клад: в нем обнаружены саманидские монеты Бараба, точно такие же, какие найдены при раскопках городищ Отрар и Куйруктобе. Монетный двор в Отраре продолжал функционировать при Караханидах и хорезмшахах. Недавно обнаружен караханидский чекан Фараба 1164/65—1173/74 гг., который, по мнению исследователей, мог продолжаться до 1210/11 г., ибо известны монеты Мухаммеда ибн Текеша, чеканенные в Отраре в 1210 и 1217—1218 гг.

В конце 20-х гг. XI в. в Мавераннахре произошло резкое ухудшение качества дирхемов (содержание серебра уменьшилось до 20 %). К концу XI в. «серебряный кризис» охватил весь мусульманский восток, в том числе и города исследуемого региона. Поэтому в XI—XII вв. курс ходячей монеты выражался в золоте, ставшем в большей мере, чем раньше, мерилем стоимости. Возросла его роль как средства обращения.

В целом же все сведения — о структуре городов, наличии в них базаров, караван-сараев, лавок, о находках импортных товаров, монет — в контексте с данными письменных источников свидетельствуют об увеличивающемся объеме торговли и товарно-денежных отношений на юге Казахстана и в Семиречье в период VI — начала XIII вв.

Разгром городов, опустошение земледельческой полосы во время монгольского завоевания отрицательно сказались на торговле, особенно на торговле города и округи, города и степи. Однако международные торговые пути монгольской империи продолжали четко функционировать. По-прежнему оставался караванный путь, соединявший Китай, Монголию и Восточный Туркестан со Средней Азией, Средним и Ближним Востоком через Семиречье. В 1219 г. по нему китайский путешественник Чань Чунь через Монголию, Уйгурию, Кульджинский край и через Семиречье попал в Самарканд, Кеш и оттуда проследовал в ставку Чингисхана. Описывая проделанный путь, путешественник сообщает о мостах через Чу и Талас, характеризует город Сайрам. В 1246—47 гг. по этому же караванному пути проехал армянский полководец Смбат Спарпет в столицу монголов Каракорум³¹. В 1229 г. через долину Или,

³⁰ В состав этого государства входили Семиречье, Южный Казахстан и Мавераннахр.

³¹ Армянские источники о монголах / Извлечения из рукописей XIII—XIV вв. // Перевод, предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. М., 1962. С. 7, 48.

Семиречье и Среднюю Азию в Хорасан ездил Чан Дэ. Одними из последних в 1278 г. по этому маршруту прошли два несторнианских монаха Мар Ябаллахи III и Раббан Саума. Они отправились в путь из Ханбалыка в Тангут, затем в Кашгар, а оттуда через Семиречье, сделав остановку в Таласе (Таразе), в Среднюю Азию, Хорасан и далее на Кавказ.

При монголах важное значение приобрел дипломатический и караванный путь, соединявший Европу с Азией, который проходил через южнорусские степи, Поволжье на Урал, далее в Хорезм, на Сырдарью и через Семиречье — в Алмалык и Монголию. В 1246 г. путешественник Плано Карпини через Киев проследовал в ставку Бату — Сарай-Бату, а оттуда через Хорезм, Семиречье и Тарбагатай прибыл в Каракорум. В отчете Плано Карпини упоминал Сырдарью и множество разрушенных городов, среди которых Янкент, Бархин и Орнас (Янгикент, Барчылгкен и Аснас). Частично путь Плано Карпини повторила миссия француза Андре де Лонжюмо: через Акку и Мосул вдоль южного берега Каспийского моря она пришла в Хорезм, оттуда через Сырдарью — в Омыл.

В 1253 г. по этому же пути отправилась миссия Людовика IX к хану Мунке, возглавляемая Рубруком. Из Константинополя она морским путем достигла крымского города Сохдак (Судак), оттуда прибыла в ставку хана Сартака, расположенную в трех переходах от Волги, оттуда через заволжские степи достигла р. Урал и через Приаральские степи добралась до низовьев Таласа. Минув Талас, миссия Рубрука прошла по Семиреченскому участку Великого Шелкового пути в Илийскую долину, обогнула Алакуль и, перевалив Тарбагатай, достигла Каракорума.

В 1254 г. в Каракорум из Киликийской Армении выехал, как мы уже упоминали, армянский царь Гетум I, который из ставки Батыя направился на восток, переправился через р. Айх (Яик — Урал) и прибыл в Ор. Оттуда он, видимо, проехал степями Центрального Казахстана и, переправившись через Ертнч (Иртыш), достиг Монголии. Обратный путь Гетума проходил через города Восточного Туркестана и Талас (Тараз) по северным склонам Каратау на Сырдарью и через Самарканд в Малую Азию.

Названные в маршрутке города Алмалык и Илибалык свидетельствуют о том, что Гетум в отличие от Карпини и Рубрука, следовавших северо-илийским путем через Тарбагатай, проехал южно-илийским путем, которым за тридцать с лишним лет до него проследовал Чань Чунь.

Со смертью хана Мунке на Востоке и на западе Монгольской империи разразились междоусобные войны. Это отрицательным образом сказалось на караванных путях: стала опасной дорога через Среднюю Азию и Семиречье. Поэтому миссия исследователя Монтекорвино отправилась в 1291 г. в Ханбалык уже не освоенным путем, а круглым через Индию. Но он был долгим, поэтому купцы и миссионеры все же предпочитали ему налаженную дорогу по сухопутью из Каффы в Тану. Старый или новый Сарай, в Ургенч, Отрар, Алмалык и Ханбалык.

По расчету купца Пегалотти (1340 г.), этот путь длился 290 дней. Еще одно направление этого же пути проходило через Сарайчик, Ургенч, Бухару, Кашгар.

Обстановка, сложившаяся на этой трансазнатской магистрали в 20—30-е гг. XIV в., благоприятствовала международной торговле. Это в значительной мере было вызвано подъемом Золотой Орды, ростом Сарая Бату и Сарая Берке, а также подъемом экономической и культурной жизни в городах Ак-Орды на юге Казахстана. Последним географическим предприятием торгово-миссионерской деятельности европейцев в XIV в. в странах Востока стало путешествие Джованни Мариньолли, продлившееся 15 лет (1338—1358 гг.). Из Каффы через Таму он проследовал в Новый Сарай, оттуда в Ургенч и Алмалык.

В результате международной торговли на Запад, как и прежде, поступали шелк, предметы роскоши. Шелк вывозился из Китая и Средней Азии через Ургенч и Хорезм. Среди шелков, вывозимых генуэзцами из Каффы, в списке товаров назван шелк хорезмский и ургенчский. По свидетельству Пегалотти, в Средней Азии и Китае закупались также шелковая и золотая парча, шерсть, рис, шафран, сухие фрукты, керамика, фаянс, фарфор и многое, многое другое. Из городов Ирана на Восток везли художественный металл, украшения, драгоценные камни, сандаловое дерево, жемчуг, из Европы на Восток — полотняные ткани.

Все перечисленные товары, конечно, частично оседали в городах Казахстана, фактом, подтверждающим широкие международные торговые связи, является найденный в декабре 1974 г. на Отраре серебряный клад. Археологи установили, что клад связан с небольшой сельской усадьбой, от которой почти ничего не осталось: тонкие глинобитные стены совершенно оплыли, и лишь на полях сохранились основания тандыров и очагов. Однако найденная керамика показывает, что усадьба построена в XIII—XIV вв.

Клад, спрятанный в широкогорлый глиняный кувшин, был зарыт под полом в одном из помещений усадьбы. В кувшине находились в основном ювелирные изделия, детали наборного пояса, обломки серебряных чаш, слитки серебра и монеты. Судя по тому, что часть изделий преднамеренно сплющена, разломана, вещи готовились к переплавке. Наиболее многочисленны браслеты различных типов — гладкие круглые в сечении, плетеные, спиралевидные, пластинчатые. Из шестнадцати гладких браслетов двенадцать парных. Наиболее массивны браслеты³² весом до 110 г и сечением в наиболее толстой части до 0,9 см. У маленьких браслетов концы в отличие от массивных, у которых концы тупые, расплющены и заострены.

Плетеные браслеты (а их два) сплетены из трех серебряных проволок, концы которых прикованы и закатаны в шарики. Такого рода браслеты получили широкое распространение, как установили исследователи, в XI—XIV вв. Особенно много их найдено при раскопках городов и поселений Волжской Булгарии и в кладах предмонгольского и монголь-

³² Диаметр браслета — 5,8 см.

ского времени. Похожи на отарские и русские браслеты так называемого вятического типа (несколько таких браслетов найдено на городище Старой Рязани).

Наиболее интересны в художественном отношении витые браслеты. Первый из них (диаметром 5 см) свит из четырех проволок — дров, утолщенных в середине. Через каждые два витка в желобках припаяна витая тонкая проволока в виде веревочки. Концы браслетов прокованы и обвиты тонкой проволокой, образующей сложные завитки. В целом

Витой и спиралевидный серебряные браслеты из клада 1974 г., XI—XIV вв. (Отрартобе)

оформление концов браслетов сделано в виде стилизованных змеиных голов. Аналогичен, но несколько меньше размерами второй браслет.

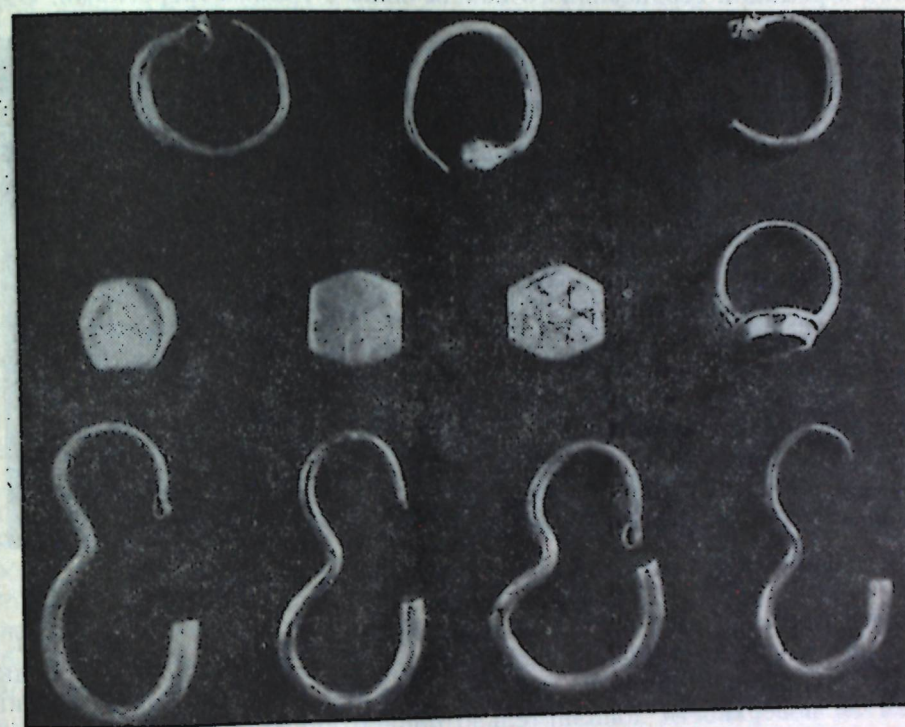
На снимке показан один из витых браслетов и браслет спиралевидный.

Впервые витые браслеты описанного типа были найдены еще в начале нынешнего столетия неподалеку от Чимкента в местности Сайрамсу вместе с монетами X — начала XI вв. Еще несколько аналогичных браслетов известны из случайных находок в Ташкентской области и в Чуйской долине. По мнению специалистов, они датируются X—XII вв. Возможно, и отарские витые браслеты изготовлены гораздо раньше, чем датируется весь клад (вторая половина XIII в.), или же, что более вероятно, находки их свидетельствуют о том, что такой тип браслетов был традиционным в течение по крайней мере трех столетий: с X по XIII вв.

Из пластинчатых браслетов, изготовленных из кованой полосы серебра шириной до 1 см, лишь один был целым, все остальные (а всего их 5 штук) оказались сломанными на кусочки. Целый браслет украшен штампованным орнаментом, гравировкой и чеканкой. Орнамент состоит из четырех каннелюр, крайние из которых обработаны пунктирным чеканом в два ряда, что придает каннелюрам вид плетенки. В центре — гравированный узор из двух ромбовидных фигур, на концах штампо-

ванные волюты. Вообще распространенный на браслетах мотив — изображение четырехлепесткового цветка, треугольника, растительных завитков. Аналоги пластинчатым браслетам многочисленны, особенно в древностях Поволжья монгольского времени.

Вторую группу украшений составляют перстни и обломки от них. Среди них выделяется, например, перстень, выкованный из плоской проволочки с раздвоенными концами, к краям которой припаяно гнездо для камня (самого камня нет), украшенное сканью. Интересны три

Серебряные серьги, перстни, височное кольцо из клада 1974 г., XI—XIV вв. (Отрартобе)

шитка, отломанные от перстней, имеющие форму правильных шестиугольников: один из них гладкий, на втором выгравирован четырехлепестковый цветок, на третьем вырезана сложная геометрическая фигура в виде пересекającychся шестиугольников.

Серьги из клада относятся к нескольким типам. Выделяются сделанные из тонкой серебряной проволоки в виде знака вопроса (см. снимок). Такие серьги, по мнению исследователей, были характерны как украшения для степных племен кыпчаков или половцев, упоминаемых в русских летописях. Второй тип представляет собой круглую, сделанную из проволоки серьгу с бусиной на конце. Серьги третьего типа выковывались из толстой проволоки в форме несогнутого кольца с расширением к одному концу, увеличенному многогранной головкой. И, нако-

нец, в кладе имелись серьги, или, точнее, массивные височные подвески в виде буквы З длиной 5 см, в верхней тонкой части завершающиеся петелькой. Нижняя часть — массивная, с плоским, как бы обрубленным концом.

Среди находок клада — и бусы в виде полых, спаянных из двух половинок шариков с дырочками, и детали наборного пояса: пряжки, две накладки и кольцо, которые вы видите на снимке.

Пряжка массивная литая состоит из двух частей: рамки для крепления к ремню и сердцевидного наконечника с тремя отверстиями. Одно

Серебряные детали наборного пояса из клада 1974 г., XI—XIV вв. (Отрартобе)

из отверстий служило для продевания крючка, который пришивался к другому концу ремня. Обе накладки — прямоугольной формы с арочными краями, сделанные путем штамповки из тонких серебряных пластин, затем по поверхности дополнительно обработанных точечным чеканом. Часть орнамента нанесена резцом. В центре накладки изображена геометризированная фигура, состоящая из предмета кувшиновидной формы с примкнувшими к нему треугольником и полумесяцем. Вокруг фигуры нанесен узор в виде растительных завитков. Вверху и внизу в рамках — арабские надписи декоративного, так называемого куфического стиля, выдавленные в зеркальном изображении и читаемые с оборотной стороны: «вечное могущество» или «непреходящая слава».

Кольцо, как и пряжка, литое, диаметром 2,5 см, служило для крепления к поясу различных предметов.

Среди разбитых и разломанных вещей выделяются обломки с позолотой: куски пластины с надписью, фрагменты предмета дисковидной формы (видимо, нагрудника), деталь украшения головного убора.

Были в кладе и слитки серебра. Самый крупный из них, овальной формы, весил 1410 г. Два брусковидных слитка имели закругленные

концы, два других — сделаны в виде конических палочек длиной 4—6 см. Слитки в период, к которому относится клад, использовались наравне с деньгами. Так, в сообщении флорентийского купца XIV в. Пегалотти можно найти совет брать с собой из Европы полотняные ткани, продавать их в Ургенче и там запастись слитками серебра, ходившими в «татарских» странах.

Монетный комплекс клада состоит из 235 монет общим весом почти 0,5 кг. Чеканены они на разных монетных дворах с 1240—1241 по 1263—1264 гг. Примечательно, что состав клада отличается разнообразием: как по типу монет, так и месту изготовления (монетный двор). Так, больше половины монет — 151 экземпляр, составляющий серебряные дирхемы, — чеканены на монетном дворе г. Алмалыка, в одном из крупнейших городов монгольской империи, столице Чагатайского улуса. Город располагался на правом берегу Или неподалеку от современной Кульджи.

В кладе есть монеты еще двух городов, находившихся в восточной части Монгольской империи: Эмиля и Пулада. Первый, располагавшийся на берегах Эмиля, в середине XIII в. входил в состав владений Орды, старшего сына Джучи. Неподалеку от Эмиля находилась ставка великих каганов Угэдэя и Гуюка. Интересно то, что до находки отарского клада монеты Эмиля не были известны. Точное местоположение Пулада не найдено, только ясно, что это в долине Боротала. На ряде монет Эмиля и Пулада изображена тамга верховного кагана Мунке в виде двойного трезубца.

Еще одна группа монет была отчеканена в летней ставке Чагатая, которая располагалась неподалеку от Алмалыка и называлась Куяш или Орду ал-Азам. Восемь монет чеканены в известном сырдарьинском городе Дженде, для которого чекан ранее XIII в. не был известен. Дело в том, что Дженд был разрушен войсками Джучи в 1219 г., но судя по монетам отарского клада, к середине этого же века он возродился. Работа джендского монетного двора подтверждает сообщение средневекового автора Джамала ал-Карши о том, что «Дженд прежде был значительным городом, а с недавнего времени разрушен, и все же это действующее торговое место, где купцы соперничают в важности и прибыльности своих сделок, и чаши весов на его рынке постоянно колеблются».

Группа монет клада была отчеканена в Крыму, который в легендах на монетах назван в качестве области и города.

Как видно из перечня городов, чеканивших серебряную монету, в нем нет монет самого Отрара. Но это и не удивительно, поскольку собственная серебряная монета там появилась только в 1271—1272 гг. — после денежной реформы Ма'суд-бека, знаменовавшей новый этап в денежном хозяйстве Средней Азии и Казахстана XIII в.

В целом отарский клад представляет собой богатый и весьма необычный комплекс, относящийся к одному из наиболее сложных и малоизученных периодов средневековой истории Южного Казахстана...

Другие находки говорят, что наряду с международной торговлей в

регионе постепенно налаживалась торговля местная, внутриобластная. В товарно-денежные отношения втягивалась также кочевая периферия, о чем мы узнали по монетам в кладах и погребениях кочевников, в частности, по монетам захоронения XIII—XIV вв., открытого неподалеку от Джамбула, — захоронения с монетами из Центрального Казахстана.

Теперь рассмотрим историю денежного обращения монгольского периода на территории Казахстана, причем в связи с денежным хозяйством Средней Азии этого же периода.

В первые десятилетия после монгольского завоевания состояние этого хозяйства настолько ухудшилось, что ни о какой денежной торговле этого времени говорить не приходится. Для первой четверти XIII в. после монгольского вторжения можно отметить очень быстрое сокращение, а потом и полное прекращение денежной торговли. Чтобы вывести Среднюю Азию из разрухи, восстановить хозяйство и оживить денежную торговлю, потребовалась централизованная внутренняя политика. Начало реформам положил Менгу-хан, провозглашенный в 1251 г. курултаем великим ханом Джэгатаидов. Согласно периодизации Е. А. Давидович, денежное хозяйство этой империи развивалось по трем этапам³³.

Первый — это четверть столетия от завоевания Средней Азии монголами и примерно до середины XIII в., когда более или менее регулярный выпуск монет осуществляли только в двух городах — Самарканде и Бухаре. Назначение этих денег было узколокальным, и поэтому они не способствовали ликвидации денежного кризиса.

Второй этап начался регулярным чеканом низкопробной (60 % золота) анонимной золотой монеты, имевшей хождение по всему Джэгатаидскому государству, вне зависимости от места выпуска. Проба монет была специально назначена низкой, чтобы приблизить золотые монеты к уровню и объему реальной торговли того времени. Вес их был различным. При мелких расплатах могли использоваться и их фрагменты, золотые монеты принимались на вес. Работали монетные дворы Бухары, Самарканда, Ходжента и Отрара.

На этом этапе оживилась и более мелкая денежная торговля. Наиболее показателен в этом отношении Отрар. На протяжении второго этапа, начиная с 649 г. х./1251—1252 гг., почти ежегодно по 662 г. х./1263—1264 гг., здесь выпускались медные посеребренные дирхемы. Как они выглядели, можно судить по приведенному снимку. Эти монеты обслуживали не только торговлю самого Отрара и его оазиса, но и районы Южного Казахстана, Ташкента и Ферганы, о чем свидетельствуют клады медных посеребренных дирхемов с чеканом Отрара, довольно часто встречающиеся и на территории Средней Азии. В 1972 г. на Отраре найден клад медных посеребренных дирхемов (190 экз.), которые чеканены здесь в 50—60-е годы XIII в. Клад представляет большой интерес, поскольку в нем оказались и медные фельсы отарской чеканки этого же периода (19 экз.), по типу аналогичные посеребрен-

ным дирхемам и отличающиеся от них только своим размером³⁴. В денежном обращении Отрара фельсы выполняли функцию мелкой разменных монет, что, безусловно, связано с ростом торгово-денежных отношений и во второй половине XIII в.

Третий этап начался с денежной реформы Мас'уд-бека, знаменовавшей кардинально новый этап в развитии денежного хозяйства Джага-

Медный посеребренный дирхем, XIII в. (Отрартобе)

таидов. Декретированная в 670 г. х./1271—1272 гг. она, однако, не была полностью осуществлена в короткие сроки, для этого потребовалось еще два последних десятилетия XIII в. Основное содержание реформы сводилось к переходу регулярного чекана настоящих серебряных монет во многих городах и областях Средней Азии, юга Казахстана и Семиречья. Сейчас известно более 15 монетных дворов, работавших в последней четверти XIII в., среди которых монетные дворы Отрара, Тараза, Кендже, Дженда. Установлена последовательность подключения к чекану отдельных городов. Серебряные монеты впервые после Алмалыка стал выпускать Отрар — с 670 г. х./1271—1272 гг., затем Тараз и Кендже — с 677 г. х./1278—1279 гг. Нумизматические данные позволили заключить с точки зрения денежной торговли, что в наиболее благополучном положении были юг Казахстана и юго-западное Семиречье.

В 1321 г. Кебек-хан ввел в оборот новые серебряные монеты — «кебеки». В это время по-прежнему выпускал обильную монетную продукцию Отрар, функционировали и монетные дворы Тараза, Испиджаба. Во второй половине XIV в. стал выпускать монеты Сыгнак.

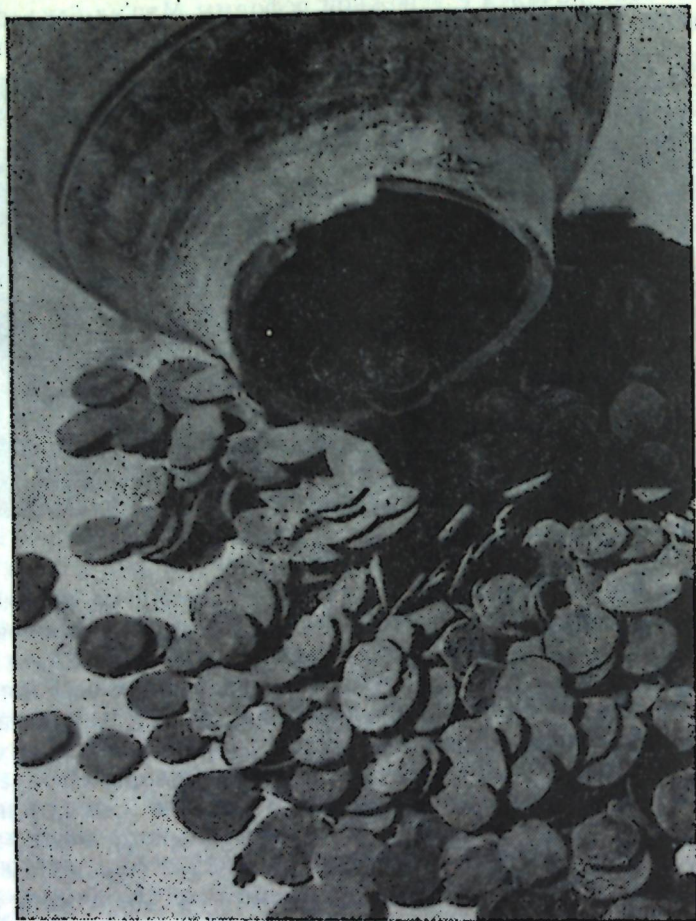
Вхождение южноказахстанских городов в состав Казахского ханства, стабилизация политической обстановки, подъем экономических сил — все это способствовало росту торговли.

Транзитная торговля XV—XVIII вв. характеризовалась налажива-

³³ См.: Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии (XIII в.). М., 1972.

³⁴ См.: Байпаков К. М., Насиц В. Н. Новые данные по истории Отрара X—XIII вв. / Изв. АН КазССР. Серия общ. наук. 1978. № 2. С. 49—50.

нием отношений Средней Азии со многими странами, в том числе с Россией, через казахские степи и туркестанские города, а через Ташкент и Фергану — с Кашгаром, который через Сайрам был связан с сырдарьинскими городами.

Один из кладов медных монет, найденных нашими археологами в 70-е годы XVIII в. (Отрартобе)

То, что возникли отношения с Московским государством, объясняется тем, что это был период его укрепления и оно стремилось к расширению экономических и политических связей с народами Востока, что и привело к организации новых торговых путей. К 90-м годам XVI в. Россия установила политические связи с казахскими ханствами. Через Казахстан в Среднюю Азию и сопредельные страны проходили два пути: через Иртыш на Ишим, а оттуда на Сарысу до Туркестана и далее через Кызыл-Кумы на Бухару; через Сузак на Сауран в Чимкент

и Ташкент. В это время наладились первые русско-казахские торговые контакты. Расширение торговых отношений и возникновение дипломатических связей России и Средней Азии через Казахстан происходят уже в XVII—XVIII вв. Русское государство получало из Средней Азии бумажные ткани, хлопок, шелк-сырец, драгоценные камни, восточное оружие. Через Среднюю Азию в Россию попадали китайские товары. Россия вывозила в Среднюю Азию сукно, атлас, зеркала, меха, серебро.

Торговые караваны шли через казахстанские города Сузак, Карачук, Туркестан, Карнак, Сыгнак, Отрар, Чимкент. Источники характеризуют некоторые из них как крупные центры транзитной торговли. Рузбихан называет Сыгнак гаванью Дашт-и Кыпчака. Он сообщает, описывая Сыгнак, что в эту страну «...со стороны Дешта, из Хаджи Тархана доставляет множество благ, жирных овец и другие ценные товары, как-то шубы из меха, киша и тина, то есть из соболя и белки, тугие луки, стрелы из белой березы, шелковые ткани и другие ценные изделия. Купцы областей Туркестана, Мавераннахра и с Востока до пределов Кашгара, Хотана привозят в Сыгнак товары этих стран и совершают с людьми Дашта торговые сделки и обмен». Город Ясы (Туркестан) Рузбихан характеризует так: «В город Иасы привозят товары и драгоценные изделия, и там происходит торг, и он (город) является местом развязывания грузов купцов и местом отправления толп путешественников по странам»³⁵. В туркестанских городах оседала часть товаров, о чем достаточно убедительно свидетельствуют письменные источники и найденные в городищах Отрар, Туркестан, Сауран такие предметы, как китайский селадон и фарфор XVI—XVII вв.

Сведения Рузбихана, которые выше приводились, свидетельствуют о торговле кочевых племен Дашт-и Кыпчака с городами. Из степи вывозили скот, кожи, шерсть, готовые изделия. Мы находим сведения о торговле казахов в сочинении Сейфи, написанном в 1582 г.: «У них много баранов, лошадей и верблюдов... Их кафтаны сделаны из овечьей кожи, они окрашиваются в разные цвета и становятся похожими на атлас, их привозят в Бухару и продают по той же цене, что и кафтаны из атласа, настолько они элегантны и красивы»³⁶. Из сырдарьинских городов в степь шли продукты городских ремесел, ткани.

Стремление казахов обеспечить постоянство торговых связей с земледельческим миром и городами было одной из причин, обуславливающих борьбу казахских ханов за города.

О размерах международной торговли и торговли между городом и округой, а также между отдельными сырдарьинскими городами можно судить по нумизматическому материалу, главным образом из раскопок Отрара, Туркестана, сборов на городищах.

Многочисленные находки медных монет XVI в. из Отрара можно условно разделить на две группы: чекан Ясы (Туркестана) и Ташкента,

³⁵ Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман наме-йи Бухара. 1976. С. 116—117.

³⁶ Султанов Т. М. Краткое описание сочинения Сейфи // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1970. № 1. С. 49.

и чекан среднеазиатских городов. Оказалось, что на Отраре в значительно меньшем количестве выявлен чекан среднеазиатских городов XVI в., чем чекан Ясы и Ташкента: он представлен в основном несколькими медными динарами Бухары и Самарканда первой четверти XVI в.³⁷ Данных об обращении в Отраре этого периода серебряной монеты нет. Преобладает медный чекан, по-видимому, игравший определенную роль на городском рынке Отрара. И такое положение характерно для всей Средней Азии XVI в.

Иную картину представляет монетный комплекс Отрара XVII в.

В 1972—1973 гг. на Отраре обнаружены два клада джанидских серебряных танга общим количеством 118 экземпляров. Еще несколько монет найдены на отдельных раскопках. Оба клада датируются серединой XVII в.

Каково было обращение медной монеты XVII—XVIII вв.? Этот вопрос не прояснен, так как большая часть позднесредневековой меди не имеет выходных данных — года и места чеканки. Поэтому возрастает роль монетных кладов, топография и качественный состав которых позволяют сделать это достоверно.

Один из таких кладов (978 экз.) обнаружен на Отраре в 1973 г., второй (214 экз.) — в 1974 г. Медные монеты первого клада с надписями в основном можно разделить на три основные группы, представляющие чекан Ташкента, Ясы и неопределенного пункта; последняя группа типологически близка двум первым. Самую многочисленную группу (475 экз.) составляют анаэпиграфные монеты: на одной их стороне изображен зверь, на другой — птица, у некоторых монет со зверем вторая сторона гладкая. Имеются монеты (или, может быть, заготовки монет) подквадратной формы без всяких надписей и изображений.

Другой медный клад отличается более однородным составом. Из 214 экземпляров 62 являются заготовками для монет, представляющими собой небольшие цилиндрики. На некоторых монетах имеются фрагментарные надписи, на оборотной стороне также не полностью оттиснуты изображения хищника, как на экземплярах из первого клада.

Аналогичные монеты имеются в ряде музейных коллекций, а также в кладах и отдельных находках, в основном на территории Ташкентской области.

Есть предположение, что одну из групп медных заготовок можно считать таким же средством денежного обращения, как чеканенную монету. В 1976—1977 гг. на городище найдены еще два медных клада. В первом из них весом свыше 3 кг почти одни «цилиндрики» и расплюснутые медные пластинки без следов штемпеля и лишь несколько десятков экземпляров — с фрагментарными изображениями и надписями. В другом кладе такие же заготовки и около 30 медных русских копеек с именем царя Алексея Михайловича, чеканенных в 1655—

³⁷ Другая компактная группа монет этого периода относится ко времени появления Абдаллаха II (1583—1598 гг.).

1663 г. Весь медный монетный комплекс явно мог быть в обращении в XVII в.³⁸

Что касается структуры денежного хозяйства XVIII в., она не ясна, так как нет находок, по которым это можно установить. В Отраре найдено лишь несколько медных монет с изображением зверя на одной стороне и двух рыб, повернутых головами в разные стороны, — на другой. Какую-то роль в денежном обращении, очевидно, продолжали играть медные монеты предыдущего столетия. Серебряные монеты этого периода вообще не обнаружены.

Нумизматический материал достаточно ярко рисует картину кризиса городской жизни в Казахстане XVIII в., выразившегося в резком сокращении торговли.

Гипотезы, гипотезы...

«Да,, скажет само время...

Поиски археологов непредсказуемы. Никогда не знаешь, что найдешь... Сами раскопки, этот сезонный монотонный труд, обыденны, приходится долго ждать тот праздник, которым оказывается удачная находка. Найдена, дополняющая недостающее звено в цепи исторических рассуждений, подсказывающая дату события или раскапываемого объекта, дающая подтверждение волнующей ученого гипотезе... Есть находки будто встречи с человеком, который жил много веков назад. Вглядываясь в нее, чувствуешь, как заработали в тебе ассоциативные связи, как затормозились мысли, перебирая догадки, сомнения, как приходит на память нужная информация из запасника знаний...

Эти два объекта раскопок, о которых пойдет речь, связаны с жизнью людей, когда-то, быть может, являвшихся для окружающих личностями высокой духовной силы... Один из них — реально историческое лицо — ученый, другой... он, возможно, был актером и радовал людей своим искусством.

...В 20 км от Отрартобе на левом берегу Сырдарьи в урочище Акжар находится городище Оксус. Вполне обыкновенное городище, типичное для Юга Казахстана — с цитаделью, шахристаном и рабадами, окруженными стенами. Бугор цитадели, круглый в плане, с площадкой наверху, диаметром 40 м, возвышается над окружающей местностью на 10 м. К шахристану, имеющему форму неправильного прямоугольника размерами 50×75 м, примыкает полуовальная в плане территория рабада... Однако для археологов он представлял интерес как развалины древнего города Весиджа, города, в котором в 870 г. родился один из крупнейших ученых средневековья — Абу Наср аль-Фараби³⁹.

Пристальное обследование Оксуса позволило наметить рамки

³⁸ См.: Бурнашева Р. З. Монеты из Отрартобе (1973 г.) // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977. С. 22—34; Она же. К вопросу об экономическом положении позднесредневековых городов Туркестана и области (XV—XVIII вв.) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С. 52—60.

³⁹ Годы жизни аль-Фараби — 870—950.

существования города Весиджа. Он возник в первые века нашей эры и достиг своего расцвета в IX—XII вв. Жизнь, однако, в нем не прекратилась и после монгольского завоевания. Керамика с голубой и синей поливой, найденная при раскопках, свидетельствует о существовании этого города в XIII—XIV вв. Есть предположение, что в начале XIII в. Весидж был известен под именем Зернука — города, который находился вблизи переправы через Сырдарью и от которого шла дорога в Бухару. Полагают, что здесь переправилось через реку войско многотысячное Чингисхана и двинулось затем в цветущие области Средней Азии...

Аль-Фараби был сыном эмира Весиджа, местного тюркского правителя. Он получил образование в Бухаре, Дамаске и Багдаде. Особый след в формировании этой личности оставил Багдад, город, который в VIII в. становится центром науки, где при дворе халифа Ал-Мамуна создается большая научная школа. Здесь встретились уроженцы Средней Азии и Хорасана, с сабиями — потомками вавилонских жрецов, персами из процветавшей при Сасанидах академии в Гундишапуре и учеными из сирийских христианских монастырей. Здесь преподавали такие выдающиеся ученые, как Мухаммед ибн Муса ал-Хорезми, создатель алгебры и астрономических таблиц; Ахмед ал-Фергани, астроном и математик; Якуб ал-Кинди, философ.

Аль-Фараби преуспел во всех науках и получил энциклопедическое образование. Человек больших способностей, он намного опередил эпоху, создав целый ряд замечательных философских, математических, медицинских, музыкальных трактатов. Велика роль выдающегося ученого как последователя Аристотеля, много сделавшего для освоения наследия этого мыслителя и других древнегреческих философов и передачи его современникам. Не случайно аль-Фараби часто именуют «Вторым Аристотелем». В своей книге «Об основных идеях философии» аль-Фараби осмысливает сущность человека, которого, по его мнению, отличает от животного мира «язык как средство общения». У людей, считал аль-Фараби, — единая натура; общее у них то, что они вместе образуют человеческое общество. Однако он допускал различия в характере людей, как есть различия «между льдом и кипятком, между черным и белым платьем...».

Широко известен аль-Фараби как астроном и астролог. Его трактат «Что правильно и неправильно в законах астрологии» привлек внимание известного астролога Исхака Ибрагима ибн Абдаллаха ал-Багдади. В предисловии к трактату он признается, что многолетние занятия астрологией не помогли ему найти в ней ключа тайны. И лишь после знакомства с рукописью аль-Фараби «стал для меня ясным путь к возможному и невозможному в астрологии». В области физики интересны рассуждения аль-Фараби о природе света.

Прославился аль-Фараби как врач. Ему пришлось некоторое время служить придворным лекарем султана Сайф-ал-Даула в Халебе. Занимаясь врачебной практикой, ученый много времени уделял ботанике, химии, фармакологии.

В литературе отмечается значительное влияние прогрессивных взглядов аль-Фараби на мировоззрение таких выдающихся ученых Востока, как Абу Али ибн Сина, Бируни, Хайям и др.

К сожалению, о жизни и судьбе аль-Фараби известно мало. Сохранилось лишь несколько полуполюгендарных рассказов о нем, в которых четко прослеживается доброжелательное отношение народа к этой личности как образованному и мудрому человеку, однако они не раскрывают в полной мере тот многогранный образ, который высвечивается через знакомство с трудами ученого. И можно понять археологов, их волнение, когда, ведя раскопки какого-нибудь оттарского городища, они думают и о находках, связанных с именем аль-Фараби.

А пока... Продолжают жить его идеи в новом, более глубоком качестве в развивающейся современной науке, и в этой преемственности — лучший памятник выдающемуся ученому.

Обратимся еще к раскопкам.

...При расчистке одного из домов X—XI вв. на городище Куйруктобе, отождествляемом с Кедером, была найдена керамическая маска.

Дом, где она была обнаружена, был построен в IX—X вв. и с перестройками, ремонтами существовал до середины XIII в. Стены его надстраивались, утолщались за счет прикладов, полы последовательно поднимались вверх вместе с ростом культурного слоя. Основных строительных периодов было три: первая половина IX—X вв., X—XI вв. и XII — первая половина XIII вв. Последний период жизни датируется находкой клада медных посеребренных дирхемов, чеканенных в Отраре в 50-е годы XIII в. Клад был найден в углублении у стены под полом. Строительный горизонт X—XI вв. датируется на основании находки двух медных монет в чиряге, покрытом зеленой поливой. Монеты принадлежат чекану караханидов. Выпущены они во второй четверти XI в. в Фергане, на одной из них читается имя Джелал-ад-дина. Этой датировке не противоречит комплекс керамики, в том числе и поливной, найденной в мусорных ямах, начинавшихся с уровня пола.

По нижнему строительному горизонту дом прекрасно сохранился, высота стен его достигает 0,5—2,2 м. Дом насчитывает три помещения, вытянутых по длинной оси. Вход в него вел с улочки, проходившей вдоль городской стены изнутри.

Описываемый дом состоял из входного помещения, большая часть которого была огорожена стеной и превращена в кладовую. Через оставшийся узкий коридор попадали в главное помещение площадью 20 кв. м. Вход в него был устроен в виде тамбура и отгорожен от площади комнаты стенкой-экраном.

Вдоль четырех стен помещения была устроена суфа шириной 1 м и высотой 0,3 м. В центре располагался открытый напольный очаг, прямоугольный в плане, с бортиком. Устье его оформлено двумя выступающими шишками-налепами. Один из углов рядом с входом был отгорожен стенкой: здесь находился заком. Рядом с ним расположена хозяйственная площадка, перед которой находилась уничтоженная

поздней мусорной ямой тumba, куда обычно, судя по интерьеру других помещений, вмазывался тандыр.

Проход из комнаты, устроенный в углу стены, расположенной напротив входа, вел в прямоугольное помещение площадью 12 кв. м, выполнявшее, видимо, роль кладовой. Такая планировка в основном сохранилась и в более позднее время, но в XI в. комната-кладовая уже не входила в состав дома.

Керамическая маска, найденная в доме X—XI вв. (Куйруктобе)

сообщает о постановке «Вакханок» Еврипида. Видимо, аналогичные спектакли игрались и в резиденциях парфянской знати. Известно, что в Кушанскую эпоху развивалась драма (в сохранившихся надписях упоминаются актеры, похоже, что некоторые из них были буддистами).

Облик древних актеров известен нам по памятниками изобразительного искусства.

К рубежу нашей эры относится постройка дворца в Халчае, богато украшенного пластическими композициями. Скульптуры изобра-

жали представителей первых кушан из рода Герая. Интересен фриз с изображениями участников театральных действий — девочек-танцовщиц, ряженных скоморохов, музыкантов, сатиров. Образы фриза пронизаны духом эллинизма, являя «своеобразное преломление вакхической сцены на бактрийской почве»⁴⁰. Зал «танцующих масок» был открыт в дворцовом комплексе Топрак-калы в первый период его существования во второй половине II—III вв. н. э. В числе барельефов на стенах зала, изображавших танцоров, были ряженные мужчины. По мнению С. П. Толстова, «зал был посвящен какой-то религиозной мистерии с культом дионисийского характера». Некоторые исследователи, присоединяясь к мнению С. П. Толстова, связывают изображенные ритуальные действия с сакскими вакхическими праздниками. Среди терракотовых фигурок и наделов, найденных на городище Афрасиаб и относящихся к первой половине I тысячелетия, имеются изображения комедийных актеров и масок «сатиров».

Маску, найденную в доме на полу X—XI вв., вы видите на снимке. Она представляет собой овальной формы, слегка выпуклый предмет высотой 20 см и шириной 12 см. Толщина стенки — 3 см. На внутренней стороне видны следы формовки пальцами, снаружи она покрыта красным ангобом. В маске прорезаны «глаза» в виде узких щелок и рот. Горбатый нос и брови даны выступами, уши наделами.

Как известно, история зрелищных представлений в Средней Азии уходит в эпоху античности: с III в. до н. э. здесь существовал театр «Масхара». Дальнейшее развитие театр получил в эпоху Парфянского и Кушанского государств. О характере представлений можно судить по описанию Плутарха. Последний, характеризуя празднества, происходившие при дворе армянского царя Артавазда, когда там присутствовал парфянский «царь царей» Ород,

жители представляли первых кушан из рода Герая. Интересен фриз с изображениями участников театральных действий — девочек-танцовщиц, ряженных скоморохов, музыкантов, сатиров. Образы фриза пронизаны духом эллинизма, являя «своеобразное преломление вакхической сцены на бактрийской почве»⁴⁰. Зал «танцующих масок» был открыт в дворцовом комплексе Топрак-калы в первый период его существования во второй половине II—III вв. н. э. В числе барельефов на стенах зала, изображавших танцоров, были ряженные мужчины. По мнению С. П. Толстова, «зал был посвящен какой-то религиозной мистерии с культом дионисийского характера». Некоторые исследователи, присоединяясь к мнению С. П. Толстова, связывают изображенные ритуальные действия с сакскими вакхическими праздниками. Среди терракотовых фигурок и наделов, найденных на городище Афрасиаб и относящихся к первой половине I тысячелетия, имеются изображения комедийных актеров и масок «сатиров».

В раннем средневековье (VI—IX вв.) искусство театра и зрелищных развлечений получило широко развитие в историко-культурных областях Средней Азии и Южного Казахстана. Письменные источники сообщают о высоком искусстве музыкантов и танцоров из Бухары, Самарканда и Чача. Не меньшей популярностью пользовались выступления акробатов и фокусников. В танском Китае, особенно в VIII в., славились актеры из Бухары, флейтисты из Самарканда, габоисты из Хотана, танцоры из Ташкента. Много иноземных исполнителей попадало в Китай в качестве подарков, торговых сделок, были и вольные музыканты, представители различных видов исполнительских искусств.

Из всех артистов Средней Азии наибольшей популярностью пользовались танцоры — юноши и девушки. Представления подразделялись на две группы — «гибкие» танцы и «энергичные» танцы. Вторые были более любимыми. Один из них — «западный скачущий танец» — обычно исполнялся мальчиками из Ташкента, одетыми в блузы иранского образца и высокие остроконечные шапки, обшитые бусами. Они были подпоясаны длинными кушаками, концы которых развеивались во время исполнения танцевальных движений. «Танец Чача» исполняли две юные девушки в прозрачных халатах, украшенных многоцветной вышивкой, с серебрянными поясами. На них были рубашки с узкими рукавами и остроконечные шапки с золотыми колокольчиками, а на ногах — красные парчовые туфли.

Танцоры исполняли также танец «Девы с Запада, кружившиеся в вихре». Согдийские девушки, облаченные в алые платья и зеленые шаровары, обутые в сапожки из красной замши, скакали, передвигаясь прыжками и вращались, стоя на шарах»⁴¹. Большой интерес представляет коллекция терракот танского времени из Китая, изображающая комических актеров, танцоров, актеров в масках, танцовщиц, акроба-

⁴⁰ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982. С. 51.

⁴¹ См.: Шефер Э. Золотые персики Самарканда: (Книга о чужеземных диковинках в империи Тан). М. 1981. С. 82, 84—85.

тов. Судя по физическому облику, многие из этих фигурок изображают представителей народов Средней Азии.

Изображения актеров дошли до нас в терракоте, налечах, рельефе. На многих согдийских и некоторых мервских оссуариях имеются наклепные головки, возможно, соответствующие рельефным маскаронам, входившим в оформление наусов. Видимо, это образы скорбящих. На одном из самаркандских оссуариев в нишах отпечатались изображения юноши, играющего на лире, с маской у ног. Возможно, это образ поющего «Аполлона-Мусаета» или «Умиряющего Александра». Театрализованное представление людей с масками и животными, в числе которых были коза и павлин, изображено в одной из стеновых росписей Пенджикента. Письменные источники сообщают о бухарских музыкантах и декламаторах, исполнявших «плачи магов» о жизни и смерти Сиявуша⁴².

Арабское завоевание Средней Азии и Южного Казахстана, распространение ислама не уничтожили древние традиции и культы, а также празднества с участием зрелищных представлений. Они продолжали существовать повсеместно. Как отмечает А. Мец, мусульмане наряду со своими справляли и христианские праздники, которые в сущности своей были отражением гораздо более древних обычаев. Так, в Египте христианский праздник — шествие к темнице Иосифа близ Джиды — отмечался и мусульманами. В этот день устраивались всевозможные развлечения. Представлялись мимические сцены и теневой театр. Уличные актеры, например, включали в свой репертуар подражание голосам и жестам евнухов.

Донисламский новый год — начало солнечного года — отмечался повсюду празднествами со взаимными подарками. В Багдаде давали представления в масках даже перед самим халифом⁴³.

Традиция зрелищных представлений с участием актеров в масках продолжалась и в позднем средневековье. При Тимуре в его столице Самарканде устраивались празднества с участием музыкантов, танцоров и танцовщиц, комедиантов. Театрализованные празднества происходили на дворцовых площадях или в пригородной части. В сочинениях Шерефеддина Али Иезди, Ибн Арабшаха, Клавихо имеются красочные описания празднеств и карнавалов, проводившихся в Самарканде. Изображения комических актеров в масках встречены на миниатюрах XV—XVII вв.

Народные представления с участием актеров сохранялись в Средней Азии до недавнего прошлого. О спектаклях под открытым небом в Ташкенте в начале нынешнего века сообщают очевидцы.

Находка керамической маски в одном из городских домов Кедера свидетельствует о том, что представления актеров в масках имели место и в городах Средней Сырдарьи, в частности, в городах округа Отар—

Фараб. Возможно, что дом, где была обнаружена маска, принадлежал актеру — человеку, связанному со зрелищным искусством.

Возможно, о таком человеке писал Алишер Навои: «Приклеив себе бороду, он (масхара) заставляет смеяться публику. И борода его вызывает смех. И чтобы показать себя еще более смешным, на голову надевает обезьяноподобную бурку, с которой приходит к публике для того, чтобы рассмешить ее, но публика смеется не только из-за его бурки»⁴⁴. Кстати, в Хорезме еще в начале XX в. сохранялись обряды ряжения в козлиные шкуры и рога⁴⁵.

Уже отмечалось, что зрелищные и театральные представления, имеющие древние традиции, восходящие к эпохе античности, были зачастую связаны с вакхическими празднествами. В связи с этим приобретает интерес находка в этом же доме обломка горла краснолощеного сосуда для вина (этот предмет вы видите на снимке). Горло сосуда выполнено в виде головы демона с козлиной бородой и рогами, большими ушами. Глаза процарапаны, вытянутые трубочкой губы выполняли роль слюва. Возможно и то, что оригинальный сосуд использовался и в качестве реквизита представлений.

Находки из раскопок Кедера заставляют задуматься о чертах жизни и быта горожан средневекового Казахстана, о людях, связанных с искусством зрелищных представлений. Однако, к сожалению, пока духовная жизнь горожан средневекового Казахстана остается малонизученной. Но все же находки археологов, подобные описанной маске, позволяют надеяться, что она не последняя в этом ряду и что когда-нибудь мы будем знать больше о духовной культуре народа, жившего в Отрарском оазисе.

⁴⁴ Навои Алишер. Собр. соч. Ташкент, 1965. Т. 4. С. 7.

⁴⁵ См.: Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 33.

Обломок горла кувшина в виде головы демона, найденный в доме X—XI вв. (Куйруктобе)

⁴² См.: Наршахи Мухаммед. История. Бухары / Перев. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897. С. 25, 33.

⁴³ См.: Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. М., 1966. С. 332, 280, 320.

Как „с миром утвердилась связь,,

Многие стороны жизни древних и средневековых обитателей Отрарского оазиса, их хозяйства, быта, политической истории, материальной культуры становятся все более ясными благодаря историческим и археологическим открытиям. Но реконструкция религиозных верований затруднена. И не только скудостью письменных источников, но и трудностью проникновения в духовный мир давно ушедших поколений людей только на основе археологических находок.

И тем не менее наметились существенные сдвиги в познании и этой загадочной сферы человеческого сознания. Причем нельзя не отметить важную роль этнографических исследований, которые позволили выявить многие пережитки домусульманских верований и обрядов, бытующие в Средней Азии и Казахстане, установив происхождение отдельных реликтовых явлений, и выдвинуть на первый план вопрос о зороастризме как религии, предшествующей исламу.

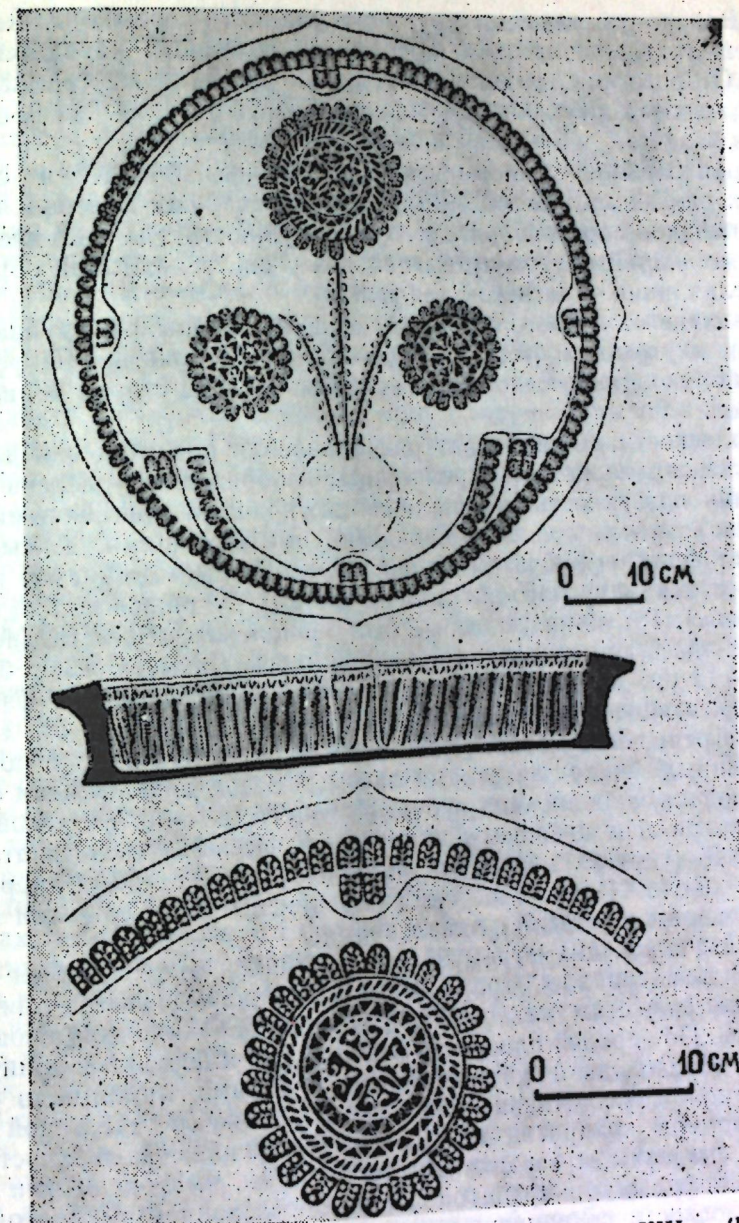
Как сейчас выясняется при анализе конкретного материала, довольно широко в Отрарском оазисе были распространены верования, связанные с сверхъестественными свойствами огня, животных, птиц. Хуже или пока совсем не известны археологические материалы, свидетельствующие о других верованиях и культах: о демонологии, шаманстве, магии семейно-бытовой обрядности. И здесь остается надеяться на дальнейший поиск.

Как уже отмечалось, за время раскопок накоплены разнообразные коллекции предметов материальной культуры и в первую очередь керамики. Некоторые группы керамических изделий — помимо своих утилитарных функций несут определенную смысловую нагрузку. Раскрытие семантики самих изделий, а также орнамента на них позволяет глубже понять и оценить духовный мир давно ушедших поколений. К таким изделиям относятся так называемые очажки. Сейчас можно выделить несколько их типов.

Первый тип очажков — это сосуды в форме тазика с прямыми стенками, сделанными из рыхлого с примесью шамота теста, покрытые снаружи красным, розовым, белым, зеленоватым ангобом и украшенные внутри архитектурным, растительным и геометрическим орнаментом. Раньше такие изделия были известны в обломках. И лишь раскопки домов XII — начала XIII вв. на городищах Отрар и Куйруктобе позволили обнаружить со всей очевидностью очажки на полу — почти в центре жилых помещений.

Вот как выглядели очажки с городища Куйруктобе. Первый очажок⁴⁶ был вмазан в пол заподлицо. Плоские бережки венчика находятся на уровне поверхности пола. Внутренняя поверхность стенок украшена следующим образом. Четыре полуколонки членят плоскость стенок на четыре части. Налепом выделена нишка — загнеток для огня (сохранилась лишь часть). Поверхность стенок между колонками укра-

⁴⁶ Диаметр — 80 см, высота стены — 10,5 см.

Напольный очаг-алтарь с тремя розетками на дне, XII — начало XIII в. (Куйруктобе)
шнена фризом из метоп, в центре которых находится наклепная гофрированная шишка, имеющая в плане вид многолепесткового цветка. Выше пояса метоп идет зубчатый пояс, образованный выемчатой резьбой.
В центре дна очажка оттиснут медальон диаметром 13 см, в который вписана семиугольная розетка, внутри которой шестилепестковый

цветок. Вокруг розетки идет круг из пятнадцати сережковидных фигур, обрамленных горошинами, а еще по две горошины находятся внутри сережек. От розетки отходят две полосы из таких же сережковидных фигурок по семь штук в ряду, между которыми ряд из Х-образных оттисков.

Второй очажок⁴⁷ был вмазан в пол жилого помещения соседнего дома. Он сделан из рыхлой глины, покрыт снаружи красным ангобом. Четыре полуколонны разбивают его окружность на четыре части. В одной из частей внутри путем налепов у внутренних стен образована полукруглая ниша — загнеток для углей.

В отличие от первого очажка, где полуколонны, выступающие на плоскости внутренних стен, образованы глубокими надрезами, у второго полуколонны выполнены налепом с двух сторон — внешней и внутренней.

По плоскости венчика идет ряд вдавлений штампом в виде щитка с закругленным верхом и барельефным изображением дерева внутри. Внутренняя поверхность стенок очажка украшена нанесенными штампом вертикальными полосками, видимо, имитирующими камыш, а по верху идет фриз из зубчатой линии, образованный выемчатой резьбой.

Три оттиска круглого штампа (розетки) украшают дно очажка (см. рисунок). Тот из них, который был расположен в загнетке, не сохранился, ибо здесь дно прогорело и крошилось. Диаметр самой большой розетки — 12 см; в центре ее в медальоне диаметром 8 см — барельефный оттиск в виде перекрещивающихся парных завитков. Он, если его разбить на отдельные мотивы, состоит из четырехлепестковой розетки и расположенных между лепестками пальмет. Затем идет двойная с одной стороны полоса, заполненная зубчатой линией, и полоса с косой штриховкой внутри. По внешнему диаметру нанесены оттиски «штампа с деревом». Два других медальона несколько меньше по размерам (их диаметр — около 11 см). Все розетки соединены растительными побегами, выполненными резьбой и вдавлениями.

Третий очажок диаметром 61 см сохранился хуже. Он был найден в слое XII в. на рабаде Отрара. Осталась ниша — загнеток для углей, выделенная фигурным налепом, и три полуколонны, выступающие на 2 см внутрь. По верхней плоскости венчика его, имеющего ширину 5 см, в полосе, образованной двумя concentрическими линиями, в районе нишки расположены оттиски квадратного штампа со свастикой (всего их 14). Размеры квадратов 3,5×3,5 см. Внутренние поверхности стен украшены спаренными вертикальными линиями, имитирующими растительность, и фризом из зубчатой линии, образованной выемчатой резьбой. На плоскости сохранившегося дна ряд таких же оттисков (их четыре) и три оттиска, расположенные треугольником, имеют в поле фигуру четырехлепестковой розетки, между лепестками которой расположены кружки.

Обломки очажков, как отмечалось, — один из распространенных типов керамики. Создается, однако, впечатление, что каждый из очаж-

⁴⁷ Диаметр — 72 см, высота — 11, толщина стенок — 3 см.

ков был индивидуален. Мастера, используя наборы различных штампов, а также варьируя такими деталями, как полуколонны, гофры, создавали оригинальные, не повторяющиеся красочные изделия. Среди наиболее распространенных мотивов украшений очажков встречены изображения дерева, солярных знаков, медальонов, Ж- и Х-образных фигур, оттисков в виде ремennых блях, зооморфных фигур. В целом, набор штампов тот же, что использовался гончарами Южного Казахстана для украшения дастарханов (столиков) и крышек. Видимо, очажки, дастарханы и крышки следует рассматривать как один комплекс, связанный с огнем, приготовлением пищи и трапезой.

Очаги-жаровни первого типа принадлежат наиболее совершенной форме обогрева — сандали, получившей широкое распространение в Средней Азии и Казахстане. Основой этого любимого способа отопления служила неглубокая выемка в полу с жаровой ямкой в центре. Над углублением ставили табурет, сверху покрываемый одеялом. Известны и древние формы сандали, когда вместо табурета использовали деревянные колышки, а в жаровую ямку вмазывали большую миску. Последняя является, как нам представляется, реминисценцией богато украшенных керамических жаровен, открытых в средневековых городских домах Южного Казахстана. Интересно отметить, что в одном из домов Куйруктобе в полу имелось углубление диаметром 75 см и глубиной 12 см с ямкой на дне. Ее, видимо, можно считать гнездом для установки керамической жаровни.

Очаги второго типа представляют собой подпрямоугольной формы керамические корытца с прямыми стенками высотой до 10 см. Такой очаг приведен на снимке. Верхняя часть корытца имеет выделенный выступ — загнеток, где располагалась жаровая ямка. В плане длинные стенки корытца могут быть прямыми или вогнутыми, но в целом абрис плана очага имеет антропоморфный характер. Один из таких хорошо сохранившихся очажков⁴⁸ был обнаружен на полу помещения на Отраре. Очажок был вмазан в пол до уровня верхних плоскостей стен. Внутренние плоскости стенок украшены выемчато — резным орнаментом в двух поясах. Верхний состоит из ряда разновеликих треугольников, второй — из идущих в ряд чередующихся стреловидных фигур и прямых веток или деревьев с листьями.

Дно оформлено следующим образом. Жаровое отверстие диаметром 18 см окружено пояском, заполненным розетками в виде кружков. От него идет двойная прочерченная полоса, по обе стороны которой расположены попарно нанесенные штампом медальоны (всего их шесть) диаметром 4 см. Внутри них в круге — изображение четырехлепестковой розетки, окруженной имитацией арабской надписи.

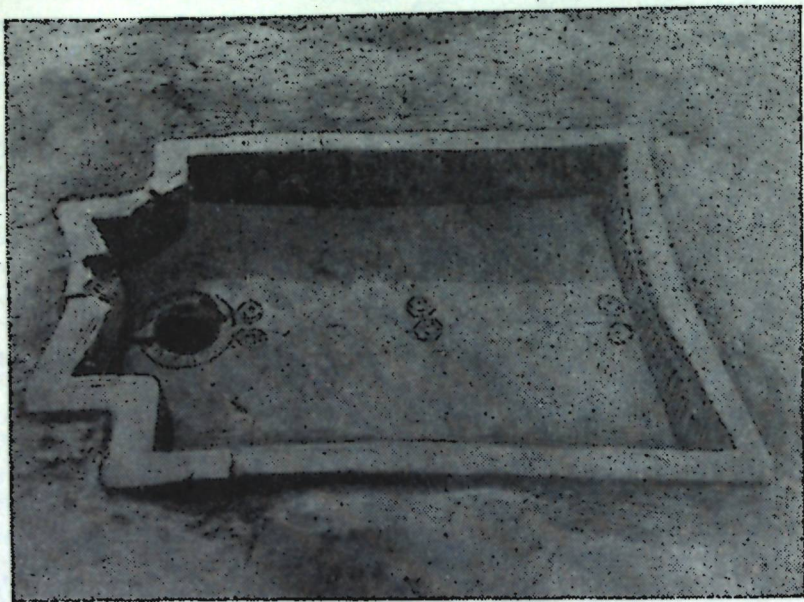
Еще один алтарь второго типа, встреченный при раскопках, был украшен семилепестковой розеткой (на рисунке это хорошо видно) на

⁴⁸ Общая длина — 160 см, наибольшая ширина в основании — 130, ширина плечиков, отделяющих узкую часть загнетка, — 20, толщина стенок — 5—7, высота — 10 см.

⁴⁹ Размеры различны, но в целом укладываются в такие параметры: ширина — 20—30, высота — 25 см.

дне с ямкой для углей. Стенки его орнаментированы геометрическим узором, а на плоскостях их, в углах и по центру, нанесены трилистники.

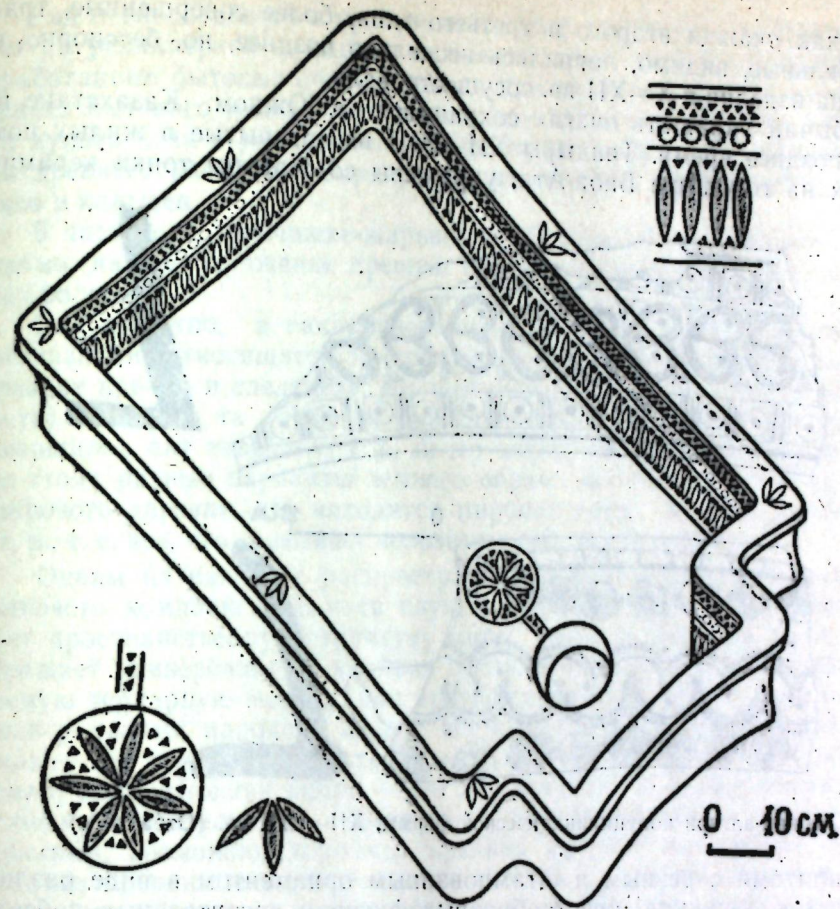
К третьему типу очажков относятся изделия в виде цилиндриков с выступами в нижней части, служившими для устойчивости. По сути дела, это — те же жаровни-тазики, но без дна. Такой очажок уже не устанавливался стационарно, он легко переносился в любое место помещения. Это прообраз манкала или алаудона — переносной металлической жаровни с горящими углями, широко использовавшейся в XIX—XX вв. в Средней Азии.

Образец прямоугольного очага-алтаря, XII — начало XIII в. (Отрартобе)

Архетипом манкала были керамические приспособления, найденные на Отраре и Куйруктобе. Они сделаны в отличие от стационарных жаровен из хорошо отмученного теста, ровного обжига. Толщина стенок — 2—3 см. Диаметры несколько меньше, чем у жаровен — от 30 до 40 см. Внутренние поверхности их украшены штампованным и наlepным орнаментом. Один из фрагментов манкала украшен оттисками в виде рядов прямоугольных блях, между которыми расположены сердцевидные, тоже штампованные, фигуры. У второго фрагмента сверху и снизу идут два ряда наlepных гофрированных шишек, а между ними — волнистая полоса, гребни которой обозначены серповидными вдавлениями с рубчатым заполнением внутри. Очажки третьего типа на юге Казахстана появляются не раньше X в.

Четвертый тип — это очажки, имеющие полуцилиндрическую форму с широкими, выходящими на фасад плоскостями, устойчиво стоящими на расширяющемся книзу основании. Лицевая поверхность

Прямоугольный очаг-алтарь, XII — начало XIII в. (Отрартобе)

очажков⁴⁹ украшалась рельефным орнаментом, оттиснутым штампами. Элементы орнамента — геометрические, растительные, архитектурные (они изображены на рисунке). О богатстве и многообразии декоративного убранства очажков, их вариантах можно судить по самаркандским очажкам IX—XII вв., давно привлекающим внимание археологов, архитекторов, историков искусства.

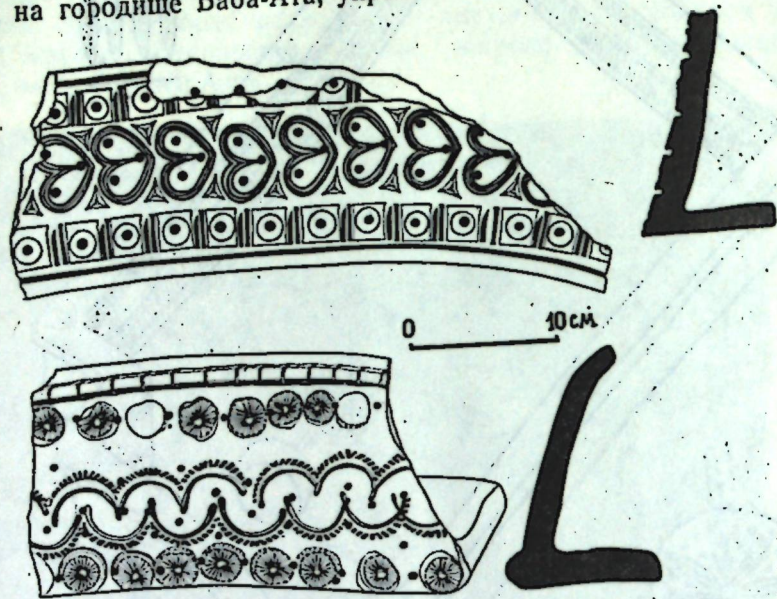
Ю. Якубов сравнивает самаркандские очажки с бытовыми очагами, открытыми в домах городского и сельского населения раннесредневекового Согда и сохранившимися до недавнего времени в традиционном жилище Верхнего Зеравшана. Очажки, по мнению исследователя, использовались как переносной очаг — манкал, выполнявший роль сандала (санда).

Скорее всего наиболее ранними в рассматриваемой группе изделий были очажки-жаровни, выполнявшие роль стационарных сандалов,

⁴⁹ Размеры различны, но в целом укладываются в такие параметры: ширина — 20—30, высота — 25 см.
12—8

тогда как очажки второго и третьего типа, более совершенные, транспортабельные, видимо, появились несколько позднее, но, бесспорно, все три типа изделий в X—XII вв. сосуществовали.

Обычай украшать очаги сохранился в Южном Казахстане и в более позднее время. Тандыры XII—XIII вв., открытые в жилых помещениях на городище Баба-Ата, украшены со стороны топки керамиче-

Очажки-алтари полуцилиндрической формы, XII—XIII вв. (Отрартобе)

скими плитами с резным и штампованным орнаментом в виде различных розеток, кружков, крестообразных фигур и растительных побегов. Небольшие плитки с рельефным растительным и геометрическим орнаментом обнаружены на тандырах в некоторых домах XVI—XVII вв. Отрара.

Исследователи, изучавшие очажки, по-разному трактуют их назначение. Преобладает мнение о связи очажков с культом огня. Г. В. Григорьев предполагал, что очажки являются своеобразными зороастрийскими иконами, перед которыми возжигался жертвенный огонь, а в орнаментике очажков он видел символы четырех стихий зороастризма⁵⁰. Наиболее обстоятельно культовая семантика очажков обоснована Г. А. Пугаченковой и Л. М. Ремпелем, образно написавшими об отсветах великих огней маздеизма, которые «продолжали теплиться в особых очажках в домах согдийцев, даже тех, в которых уже утвердился ислам и принята была арабская письменность»⁵¹.

⁵⁰ См.: Григорьев Г. В. Тус-тупи. Искусство, 1937. № 1. С. 136.

⁵¹ См.: Пугаченкова Г. А., Рempel Л. М. Самаркандские очажки // Из истории великого города Ташкента, 1972. С. 234.

Ряд исследователей в противоположность этой точке зрения настаивает на утилитарной функции очажков, видя в них художественно-бытового назначения. Однако, думается, не отрицая их хозяйственной функции культа огня в реминисценции религиозно-мифологической концепции древнего населения сырдарьинского региона, восходящего к эпохе саков и кангюев.

В частности, на очажке-жаровне из Куйруктобе с розетками на дне, видимо, нашла отражение древняя структура организованного космоса в мифологии.

Как известно, в сакрализованном мире известны правила его организации, относящиеся к структуре пространства и времени, соотношения причин и следствий. Высшей целостностью (максимум сакральности) обладает та точка в пространстве и времени, где и когда совершился акт творения, т. е. центр мира, где проходит мировая ось, где стоят разные варианты земного образа космической структуры — «мирового дерева», где находится мировая гора, башня, алтарь, очаг и т. п., т. е. все, что связывает человека с небом и творцом.

Одним из наиболее распространенных воплощений универсального знакового комплекса космоса служит мировое дерево. Оно символизирует пространственную структуру мира. Тройное членение по вертикали отражает универсальную картину организованного космоса, так называемую тернарную модель, или триграмму. Аналогичные космограммы были у разных народов мира. На куйрукской жаровне три сферы мира — это три круга, выстроенные по вертикали: подземный мир, земля, небо. Нижняя сфера — это дно жаровни с медальонами, заполненными растительным орнаментом, соединенными растительными побегам, возможно, корнями. Средняя сфера — это стенки жаровни, орнаментированные растительными побегам, ветвями деревьев. И, наконец, третье кольцо, третья сфера — это зубчатый фриз, символ гор или горной цепи, на которой растут деревья, размещенные на плоскости венчика внутри штампованных щитовидных полей.

Образом, отражающим идею мирового дерева, столба, движения огня, полета вверх и прочих символов, а также идею связи противопоставленных сфер Вселенной и единства мира, являются четыре вертикальные башни на стенках жаровни. Они же предполагают четвертичное членение схемы Мирового древа в горизонтальной трактовке (передний — задний, правый — левый; север — юг — восток — запад; четыре бога, четыре мифологических героя; четыре ветра). Горизонтальная композиция схемы мирового дерева образуется также круглым дном жаровни с тремя розетками и пятном мерцающих углей, каждый из символов расположен напротив башен, указывая направление стран света. Аналогичным образом можно расшифровать структуру почти всех очажков и украшений их орнаментики. Так, дно очага, стенки и венчик — это три сферы мира, три круга, иерархически выстроенные по вертикали. Нижний мир — дно с растительным орнаментом, средний — стенка с символами деревьев и верхний мир — венчик с символами гор,

неба, солнца, деревьев. Показательно, что самый верхний пояс орнамента и украшения плоскости венчика — в виде зубчатой линии (это символ гор, деревьев) или заменяющих их знаков свастики и ромба.

Таким образом, — идея четырехугольности пространства реализовывалась через четыре башни, четыре изображения.

Поиски прототипов средневековых жаровен и их семантики приводят к сакским курильницам из Семиречья, которые, как убедительно показал А. К. Акишев⁵², хорошо связываются с представлением о Мировом Древе, Мировой Горе. Курильницы так же, как и средневековые жаровни, соотносились с культом огня. Ученые обратили внимание на сходство орнаментальных мотивов и архитектурных деталей очажков с реальной архитектурой раннесредневековых замков. Л. И. Ремпель⁵³ связывал один из очажков с «домом огня». Это, видимо, справедливо и в свою очередь позволяет искать сходство очажков и Вары (обители бессмертия), где выполнялась первая магическая ритуальная функция, присущая огню и приобщавшая к вечности. Образ квадратной Вары очень древний и восходит к периоду индоиранской общности. Квадратная Вара — это священная ограда против сил смерти, обитель огненного бессмертия. Земными подобиями ее были культовые, ритуальные алтари священного огня и погребальные сооружения, предаваемые огню. В средневековье эти далекие истоки культового назначения очага-жаровни, видимо, были забыты и вряд ли осознавались современниками в повседневной жизни, но связь очагов с культом огня была живой. Об этом свидетельствуют солярные знаки — розетки, косые кресты, свастика.

Очажки, конечно же, были связаны с культом домашнего очага. Идея священности жилища и домашнего очага имела древние истоки. Культ очага переплетался в свою очередь с культом предков, который отождествлялся с Родом. Исследователи, проанализировав широкий круг источников о Роде, пришли к выводу, о том, что Род является всеобъемлющим божеством Вселенной со всеми ее мирами: верхним, небесным (откуда идет дождь и летят молнии), средним (природы и рождения) и нижним (его «огненным родством»)⁵⁴. Отмечается также, что старославянское «Родъ» является новым использованием индоевропейских морфем и отвечает метатезе: *род—ард—арт*. Это — одно из важнейших религиозных понятий иранского мира, означающего «божество», «солицетворение света».

Б. А. Рыбаков доказал, что с культом Рода связан определенный символ, которым было колесо Юпитера с шестью спицами — в виде круга с шестилепестковой розеткой внутри, аналогичного изображению на дне одного из куйрукских очажков-жаровен. Этот знак был полисемантический и выражал идею солнца, неба, небесного божества Рода⁵⁵.

⁵² См. Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. С. 20—23.

⁵³ См.: Ремпель Л. И. Изображение дома огня на двух терракотовых плитках с Афрасхаба: (Доклады АН ТаджССР). Душанбе, 1953 Вып. 9. С. 25—30.

⁵⁴ См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 442—453.

⁵⁵ См.: Там же. С. 295—301, 456.

Таким образом, южноказахстанские очажки отражали, с одной стороны, идеи древних представлений об организации космоса, а с другой — духовно-религиозные представления, бытовавшие на юге Казахстана задолго до распространения здесь ислама.

Култ огня был распространен у саков и кангюев Средней Сырдарьи, но вообще обращение к огню при погребальных обрядах было известно здесь еще с эпохи бронзы. Култ огня отмечен в сакских захоронениях VII—V вв. до н. э. в низовьях Сырдарьи, где он проявлялся в обряде трупосожжения, которое обычно рассматривалось как средство перенесения души умершего к небесному огню и великому божеству солнца. При раскопках погребений каунчинской культуры, сопоставляемой с Кангюем, отмечено посыпание трупов угольками, наличие могильных сосудов с золой и угольками, а также специальных курильниц.

На городище Кок-Мардан, как отмечалось, в жилищах V—VII вв. имелись выступы-алтари в углах комнат, покрытые толстым слоем золы. Светильники, найденные здесь, явно использовались для возжигания огня. На поселении Актобе Каратауском, датированном первой половиной I тысячелетия, раскопано помещение с очагом, где совершались обряды, связанные с поклонением огню.

Среди тюркского населения, которое стало преобладающим в регионе в эпоху раннего средневековья, култ огня был широко распространен. Об очищении огнем у тюрков сообщает византийский посол Земарх. Сюань Цзянь писал, что тюрки «служат огню».

Култ огня, судя по присутствию очажков в домах южноказахстанских и среднеазиатских жилищ, продолжал сосуществовать с исламом. В этом отношении показательно то, что дома с культовыми очагами-жаровнями на Куйруктобе находятся рядом с соборной мечетью X—XIII вв. Это еще одно из подтверждений жизнестойкости древних традиций в культуре населения Средней Сырдарьи, в том числе и в религиозных воззрениях. Такое явление было характерно и для Средней Азии. Так, в XI в. Бируни отмечал, что в Мавераннахре существовала тайная секта последователей зороастрийца Муканна⁵⁶. Поэт Дакики, пребывавший при дворе чаганианского эмира, открыто из всех благ мира избрал для себя четыре: вино, музыку, уста красавицы и веру Зороастра⁵⁷.

Небезынтересен факт почитания очага в суфизме, получившего широкое распространение на юге Казахстана, где существовал и действовал один из наиболее могущественных суфийских орденов — Ясавия. У суфиев ордена Кубравийа в Хорезме этнографы зафиксировали пережитки культа очага. В общежитиях дервишей — каландархоне имелись большие круглые очаги, где постоянно и днем и ночью полыхало пламя. Перед уходом из каландархоны дервиши совершали поклонение очагу, прикасаясь к нему руками, после чего проводили ими по лицу, глазам, шептали молитвы.

⁵⁶ См.: Абу Райхан Бируни. Памятники минувших поколений: (Избранные произведения). Ташкент, 1957. Т. 1. С. 217.

⁵⁷ См.: Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960. С. 163.

Кульм огня и домашнего очага дожил до недавнего прошлого.

Казахи называют огонь *аулие* (святой), а также *мать*. Огонь считают покровителем жилища, домашним святилищем. Огнем сопровождают брачный обряд. Невеста при входе в юрту свекра становится перед очагом на колени, затем ее сажают возле очага и льют в очаг жир. Невеста в это время падает несколько раз ниц, приговаривая: «Мать-огонь и жир-мать, награди меня милостью». Женщины, нагрев руки на огне, водят ими по лицу невесты. При рождении ребенка огню тоже приносили жертвы. Казахи боялись гнева огня, поэтому клялись огнем. В жертву огню приносили жир и жертвенные свечи, сделанные из пропитанной салом ваты или материи, обернутой вокруг чия⁵⁸.

Описанные ритуальные действия с огнем и невестой у казахов удивительно близки культу огня, почитаемому у горцев Памира. Исследователи считают, что памирский свадебный обряд сохраняет связь с мифопоэтическими концепциями прошлого и в определенных элементах воспроизводит космическую свадьбу божественных жениха и невесты⁵⁹. Ученые соотносят подобные обряды также с приобщением невесты к родовому культу мужа. Этот вывод весьма интересен, так как показывает связь, уже отмечавшуюся выше, культа огня и культа очага с культом Рода.

В данном контексте вспоминается, что у древних тюрков существовал культ Умай, полисемантического божества, тесно связанного с культом огня. Это выражалось в олицетворении огня в образе женского божества, именуемого «мать-огонь». В позднее время шаман хакасов обращался к Умай, призывая огонь. Женщина, пришедшая в чужой дом с грудным ребенком, обращалась со словами уважения и защиты к огню-очагу дома, а хозяин дома в это время угощал огонь пищей. При сговоре и свадьбе телеуты одновременно угощали «мать-огонь» и «мать Умай». У киргизов культ огня переплетается, а иногда просто сливается с культом Умай. На этнографических материалах прослеживается тесная взаимосвязь народных представлений об Умай и Кут. Кут выражает понятие души как жизненной силы, присутствия духа, плодородия, счастья. В этом отношении символ Умай — Кут сближается с всеобъемлющим божеством Вселенной — Родом, связанным с огнем, который «вдувает» жизнь в людей...

Зооморфные символы...

Что кроется за ними?

При раскопках Отрара и других городищ оазиса собраны изделия с изображением барана и бараньих рогов. Такие изделия найдены и на раннеземледельческих поселениях, и в слоях Отрара, Куйруктобе, Куяк-

⁵⁸ См.: Валиханов Ч. Ч. Следы шаманства у киргизов: (Избр. произв.). Алма-Ата, 1958. С. 151—153.

⁵⁹ См.: Литвинский Б. А. Семантика древних верований и обрядов памирцев (1). // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. С. 91.

Мардана. Наиболее поздние из них — ручки от крышек в виде барана — датированы временем позднего средневековья.

Почти две тысячи лет этот образ был популярен у населения Сырдарьи. Не случайно гончары «тиражировали» его в пластике и стилизованных рисунках, процарапанных на тулове еще сырого сосуда.

Самая ранняя группа изображений датируется в пределах первых веков — до начала VIII в. Выделено несколько их типов: реалистические фигуры животного, стилизованные фигурки, налпы в виде бараньих рогов.

Наиболее интересны как произведения корoplastики протома баранов, выполненные в реалистической манере. Примером может быть слив водолея в виде головы барана, найденный на городище Томпак Асар на Нижней Сырдарье. У барана горбоносая морда в обрамлении спиралевидных рогов с насечками, имитирующими кольцеватость. Глаза исполнены круглыми налпами с проколами вместо зрачков.

На Средней Сырдарье при раскопках раннесредневекового поселения Караултобе в слое первых веков была поднята фигурка барана, служившая ручкой крышки котла. Мощная напряженная шея, на которую посажена голова, как бы отогнута назад под тяжестью закрученных рогов, пасть полуоткрыта.

Протома баранов венчают края подставки под вертел с городища Актобе, недалеко от Чардары.

Фигурки барана выполняли роль ручек кружек. В научной литературе даже существует термин — керамика с зооморфными ручками, которые бывают натуралистичными или же схематизированными (иногда до такой степени, что признаки животного передаются лишь налпом в виде рогов). Налпы обычно располагаются в верхней части ручки. Имеют различную форму — в виде знака S, спиралевидные, конические шишечки, V-образные. Иногда подобные налпы встречаются с прочерченным орнаментом, имитирующим руно.

В группе изображений, датированных VIII—XII вв., выделяются реалистически выполненные фигурки баранов — протома баранов, в том числе покрытые поливой, бывшие навершиями крышек. Налпы оформлены в виде бараньих рогов или прочерченных изображений бараньих рогов. Например, представляет интерес найденная на Куйруктобе в доме, датируемом VI—VIII вв., стилизованная фигурка барана с головой, выполненной в реалистическом стиле. Подобные предметы использовались в качестве очажных подставок или как образы культового поклонения.

Очажной подставкой была другая фигурка барана (см. снимок ниже), образ которого угадывается по стилизованным спиралевидным рогам.

Уникальны крышки, богато украшенные штампованным и налпным орнаментом в виде перистых листьев, солярных знаков, налпных гофрированных шишечек, налпных выпуклых листьев. Навершия, которые венчают эти крышки, имеют форму протом барана. Одна из них имеет высоту 7,5 см. Морда животного горбоносая, на голове кони-

ческий выступ. Закрученные в полтора оборота рога с насечками обрамляют миндалевидные глаза, выполненные в виде калачевидных налепов, шея покрыта резными вертикальными линиями.

Следующая фигурка изображает барана с открытым ртом и раздутыми ноздрями. Вместо глаз — калачевидные налепы, еще один налеп на лбу и три на висках создают впечатление крутых рогов. Плоская в сечении ручка соединяет затылок барана с шеей.

Очажная подставка в виде головы барана, найденная в доме VI—VIII вв. (Куйруктобе)

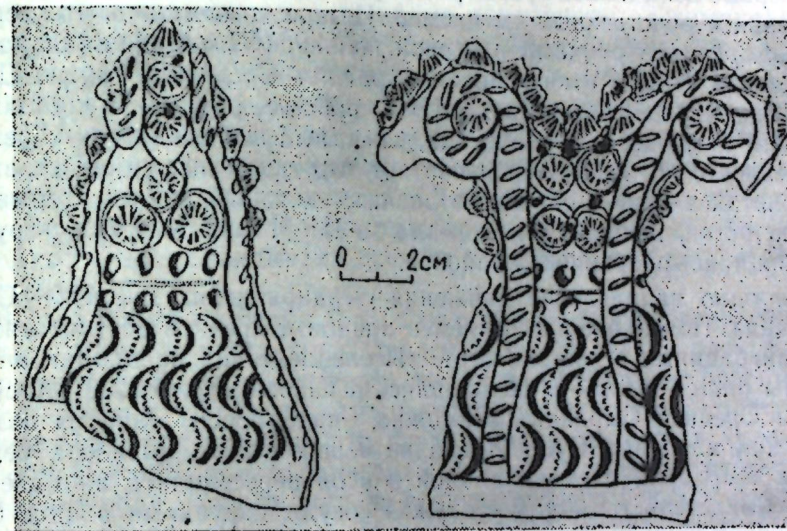
Второй тип изображений характеризуется условностью передачи образа. Подчеркнут лишь основной признак — свернутые в спираль рога, прилепленные к коническому навершию ручки. Среди таких предметов встречено навершие в форме необычного барана: две его головы обращены в разные стороны (см. снимок). Ручка украшена налепами в виде гофрированных шишечек и скобчатыми вдавлениями.

Ручки, как было сказано, венчают сферические крышки. Одна из них выглядит так. Поверхность ее украшена орнаментом, расположенным в четырех поясах, разделенных резными концентрическими линиями. Край крышки волнистый, затем идут полосы из каплевидных вдавлений, с оттисками солярных знаков, с оттисками стилизованных веток и поясом каплевидных вдавлений. Конической формы ручка имеет налепы рогов, которые на тыльной стороне почти соприкасаются, придавая навершию характерный абрис бараньей головы.

Фигурки, покрытые поливой и подглазурной росписью, служили наклепными ручками крышек, а также могли быть и самостоятельными поделками. У одной из подобных скульптурок (длина ее 11 см, высота в холке 6 см) сохранились завитки рога и глаза в виде наклепных калачиков. Подобные изделия покрыты прозрачной поливой поверх белого ангоба с росписью на тулове в виде широких коричневых полос.

По-прежнему в это время бытуют украшения на ручках сосудов в виде налепов бараньих рогов. Появляется керамика с прочерченным или процарапанным орнаментом, в основе которого бараний рог.

В группе находок XIII—XV вв. — три фигурки: две из них были ручками крышек и одна оформляла слив кумгана. Первая длиной 10, высотой 5 см сильно повреждена, у нее отбиты ноги и часть головы. Баран изображен с массивной горбоносой мордой, с тяжелыми закру-

Навершие ручки к крышке сосуда, выполненное в виде двухголового барана, найденное в доме VI—VIII вв. (Куйруктобе)

ченными в полтора оборота спиралью рогов. Туловище поджарое, с подчеркнутым курдюком. Фигурка покрыта темно-зеленой поливой. Рога разрисованы коричневой подглазурной краской, имитирующей кольцеватость. Длина второй фигурки — 9, высота без ног, которые отбиты — 5 см. У барана горбоносая морда и закрученные рога, красиво обрамляющие голову. Тулово мощное с широкой грудью. Фигурка покрыта коричневой поливой. И, наконец, третья фигурка, оформлявшая носик кумгана, дана как бы в проекции сверху, покрыта темно-зеленой поливой.

Самая поздняя хронологическая группа изображений, датированных XV—XVIII вв., наиболее многочисленна. Сохранность большинства фигурок плохая, в ряде случаев осталась передняя часть, головки, обломки туловища. Закрученные в спирали рога, туловища с курдюками не оставляют сомнения в отнесении их к одному типу. Это ручки крышек, покрытые прозрачной голубой, синей поливой и расписанные черной и фиолетовой краской.

Для объяснения появления именно такой керамики остановимся на характеристике этнополитической ситуации, складывавшейся в Отрарском оазисе в этот период.

Наиболее ранние изображения барана найдены на поселениях каунчинской, отрарско-каратауской и джетыасарской культур, сопоставляемых с Кангюем. Как мы знаем, Кангюй являлся наследником сакского объединения на Сырдарье и, видимо, именно у саков кангюйцы заимствовали образ одного из наиболее почитаемых животных — барана, изображение которого было широко распространено в предметах искусства саков.

В первые века нашей эры образ барана стал своеобразной эмблемой кангюйских и родственных им племен. Интересно отметить, что керамика с зооморфными ручками в первой половине I тысячелетия распространилась в южные и юго-западные районы Средней Азии, на Дон, в Прикубанье, на Северный Кавказ. Этот процесс, видимо, связан с передвижением кангюйских племен. Так, известный исследователь хорезмийских древностей Б. И. Вайнберг считает, что тамги на ранних хорезмийских монетах в виде S-образного значка, который является символом бараньих рогов, появились в Хорезме в III—IV вв. вместе с группой населения присырдарьинских районов.

Еще одно направление движения сырдарьинских племен — Северный Кавказ. Появление здесь племен аланов и предков осетин связывается с миграциями с востока асов. Исследователи предполагают, что этнонимы *алан* — *аорс* — *ас* сохранились в названии р. Арысь (Арс). На Арыси и Средней Сырдарье, возможно, находилось одно из поздних кангюйских владений Сусе. И вполне вероятно, что именно с берегов Арыси и Сырдарьи племена аланов и асов переселились на Северный Кавказ. Свидетельством этому служат сосуды с ручками в виде баранов, сопутствовавшие памятникам Северного Кавказа VII—IX вв.

Преемником Кангюя стало племенное объединение кенгересов — (печенегов). В VIII в. оазисы Средней Сырдарьи, именовавшейся тогда рекой Канга, входили в единую политическую конфедерацию, объединенную общим союзенитетом кочевых печенежских племен. Но вскоре огузы, объединившись с карлуками и кимаками, напали на печенегов. Остатки разгромленных печенегов откочевали на запад, а оседлые и полuosедлые группы остались на месте и были ассимилированы огузами.

Этнический состав огузского объединения был неоднородным, в его состав входили также печенеги, асы, аланы. Огузская держава просуществовала недолго, в XI в. кыпчаки подчинили себе племена юга Казахстана, в том числе канглы. Родство кыпчаков и канглы подтверждается сообщениями авторов XII — начала XIII вв., которые употребляли этнонимы *кыпчак* и *канглы* как синонимы.

Таким образом, на протяжении VIII—XII вв. на Сырдарье сохранялся этноним *кангюй* — *кангар* — *канглы*. И хотя изменился этнический облик племен, многие традиции в материальной и духовной культуре сохранялись, например, оставалось прежним украшение посуды изображениями барана. Фигурки животных на крышках IX—XI вв. живо напоминают изображения баранов, встреченных на изделиях Томпак-Асара, Караултобе и Актобе. Продвинувшись на запад, печенеги, огузы

и кыпчаки принесли туда обычай украшать керамику изображениями барана: на горшкообразных сосудах из Саркела — Белой Вежи, города на Дону, прорезной и штампованный орнамент, в котором узнается знакомый мотив бараньего рога.

Монгольское нашествие, превратившее в руины города Сырдарьи, прервало более чем полуторатысную преемственность «Великой Кангхи». Прервало, но не уничтожило окончательно: во второй половине XIII в. Отрар, Сыгнак, Сауран, Яссы возродились. Прежний этнический массив в них сохранился, а пришлые компоненты ассимилировались. Поэтому традиция изображения баранов продолжилась, это подтверждают фигурки, которые обнаружены на Отраре в слоях XIII—XV вв.

В период позднего средневековья канглы жили среди населения Отрара, подтверждение — их тамги обнаружены на поливных чашах. И, конечно, сопоставление казахов племени канглы с древними племенами Кангюй не лишены оснований. В качестве одного из аргументов этому служат все те же ручки крышек, стилизованные под барана.

Какой смысл вкладывали древние в изображения на посуде барана или его рогов?

В свое время археолог Г. В. Григорьев связывал появление таких ручек с тотемическими представлениями древних племен. Затем зооморфные ручки, а также изображения на них рогов и розеток знаменовали замену тотема-животного космическим тотемом-солнцем. Другие исследователи считали, что ручки барана «являются художественным образом барана — охранителя сосуда». По мнению третьих появление такого рода изображений на сосудах у кангюйских и родственных им сарматских племен было связано с распространением зороастризма⁶⁰, в котором образ барана мог быть воплощением божества фарна. Последний выступал в нескольких ипостасях — обеспечивающий обилье, гарантирующий здоровье, силу, защиту от злых сил.

Интересные наблюдения о пережитках культов животных сделаны этнографами. По их мнению, многие элементы ранних форм религии на периферии зороастризма, в том числе и религии, основанной на обожествлении животного мира, были очень живучи. Так, культовое значение барана объясняется сакральной связью его с идеей тотемизма⁶¹, и представление о слиянии душ человека и животного в похоронном ритуале восходит к этой категории явлений.

В качестве культового животного баран выступал у огузов: его называли покровителем рода или племени. С его почитанием связывают происхождение названия огузского племени *барани*.

В пережиточных верованиях баран и его образ являлся прежде всего

⁶⁰ Зороастризм — древнеиранская дуалистическая (признающая существование двух противоположных субстанций — материальной и духовной) религия, возникшая в X—VII вв. до н. э. и распространившаяся в Иране, Средней Азии и Азербайджане. Ее основателем считают пророка Заратустру (Зароастра).

⁶¹ Тотемизм (букв. — *его род*) — первобытное представление о существовании родственной связи между членами человеческого коллектива и тем или иным видом животных и растений (реже — с неодушевленными предметами). Объект поклонения животных и растений (реже — с неодушевленными предметами). Объект поклонения (тотем) считался предком-покровителем племени, рода; древнейшая ступень и форма религии.

оберегом. Рога барана-кошкара нейтрализовали, по мнению хорезмийских узбеков, «дурной» взгляд. Кошкараров держали в домах для охраны детей. Считалось, что баран покровительствует и взрослым. Так, в Хиве мужчины для успеха дела дотрагивались до головы животного. Сверхъестественной магической силой обладало само слово *баран*, оно зачастую выступало в качестве личного имени, которое охотно давали человеку. Оберегами служили части этого животного. У узбеков, каракалпаков овечья шерсть была амулетом. Гадали на овечьей лопатке. В обычае вошло вывешивание рогов барана над входом в жилище, прикрепление к головным уборам детей и девушек изображения рогов, вырезанных из дерева. На старинном головном уборе каракалпаков саукеле имеются посеребренные пластинки, изображающие рога. Мотив этот присутствовал в рисунках на хлебных печах, в орнаменте на кошке, коврах, вышивках и имел назначение оберега. Вообще многочисленные амулеты-обереги, входившие в состав костюма, были связаны с культом барана. Даже косточки барана включали в различного типа ожерелья...

Широко был распространен культ барана у туркмен. Считалось, что человеку, который находился вблизи стада баранов, были не страшны злые духи. Особым почитанием пользовались черные бараны. Бараньи рога выставлялись на священных деревьях и могилах предков. Кровь зарезанного барана как жертвенного животного использовал в своих обрядах шаман: он лил ее на больного.

Важное место было отведено этому животному в культовых воззрениях казахов: оно почиталось как жертвенное и выступало оберегом. Барана-кошкара, который должен быть белым с желтой головой или белым с лысиной, приносили в жертву с молитвой, в которой описывались его приметы: «О, аруах, для тебя именую лунорогого, раздельнокопытчатого с запахом мускуса и с ушами, подобными баурсакам...» По народным преданиям, каждое из домашних животных имело божественное происхождение: так, быстроногая, как ветер, лошадь была создана из ветра, чистые овцы и баран — из неба и огня. Многозначительным при жертвоприношении казахов выглядел выбор масти животного. Особенно ценился серый цвет как символ неба, которому тоже поклонялись. В связи с этим небезынтересно вспомнить об описанных фигурах баранов из группы изделий XV—XVIII вв.: все они покрыты именно серой или синей глазурью.

Таким образом, различного рода изображения барана на керамике Сырдарьи, присутствующие здесь на протяжении многих столетий, объясняются культом этого животного, игравшего важную роль в жизни племен и народов, начиная с древних кангюев, средневековых кангаров (печенегов), огузов, канглы и кыпчаков и кончая казахским племенем канглы. Конечно, на протяжении веков идеи, порожденные этим популярным образом, менялись: что-то забывалось, что-то появлялось новое. Сложные этнические процессы перемещения племен, смешение их тем не менее не привели к забвению культа барана-производителя — кошकारа с мощными закрученными рогами, образ которого воспроизводили многие поколения сырдарьинских гончаров.

...При раскопках Отрара и Куйруктобе были обнаружены изделия с изображением верблюда. В одном случае это — процарапанное до краснолощеного сосуда, в другом — водолей, выполненный в виде верблюда с головой и лицом женщины.

Образ верблюда был распространен в искусстве на юге Казахстана начиная с глубокой древности. Распространение культа верблюда и его изображений в Средней Азии достаточно убедительно связывается с передвижениями сако-юэчжийских племен и основанием ими Кушанской империи.

В Хорезм, в конце III — начале IV вв. и в начале VIII в., судя по нумизматическим материалам, из сырдарьинских районов пришли правители, принешие с собой корону в виде лежащего верблюда. Б. И. Вайнберг полагает, что это были кангюйские, а в раннем средневековье — кангарские племена⁶². Видимо, не случайно, впервые изображения верблюда на среднеазиатских монетах встречены в группе монет Кадфиза I, основателя государства Кушан. Надчекан в виде лежащего верблюда с комбинациями точек над горбом или перед мордой встречен и на эфталитских монетах Мерва.

Известны также монеты Бухары с изображениями шагающего вправо верблюда на одной стороне (на другой — алтарь огня), датируемые V—VI вв. При раскопках дворца на городище Куйруктобе в Отрарском оазисе найдена обгорелая доска от подпотоличного фриза с изображением божества на тронах. У одного из них трон был сделан в виде верблюдов с головами, повернутыми друг к другу. На росписях дворца бухар-худатов в Варахше встречено изображение правителя на троне, украшенном изображениями крылатых верблюдов. Сюжет росписи прямо перекликается со сведениями раннесредневековых хроник, сообщавших, что владетель Бухо, Буго (Бухари) восседал на троне в виде верблюда.

Изображение верблюдов известно на росписях Пенджикента и Афрасиаба. Из Афрасиаба и Пенджикента происходят детали бронзовых скульптур верблюдов. Оттиск шагающего влево верблюда с «царским знаком» над ним встречен на глиняном сосуде с городища Мунчактепе.

Династийная, царственная роль изображения верблюда проявляется достаточно четко. Интересен и подмеченный Л. И. Ремпелем факт наследования этого династийного знака владетелями. Тогда у эфталитов, которые в свою очередь заимствовали ее у кушан. То есть отмечается в изображении этого символа преемственность.

Аналогичная ситуация характерна и для Южного Казахстана. Здесь в коренной области бытования этого образа наблюдалась устойчивая традиция. Стремление возвести свою генеалогию к «дому Афрасиаба» и древнему Кангюю было характерно для тюркских правителей юга Казахстана. Так, в источниках караханидская династия именуется

⁶² См.: Вайнберг Б. И. Удельный чекан раннесредневекового Кердера: (Антропология и культура Кердера). Ташкент, 1975. С. 105, 115.

«домом Афрасиаба». У Абульгази сохранилось предание, возводящее сельджуков к «роду Афрасиаба».

Принятие кыпчаками имени канглы, восходящее к древнему Кангюю, по мнению исследователей, выражало стремление их связать себя с древней генеалогической традицией завоеванных земель и, прежде всего, на Сырдарье. Можно предположить, что «общее» для согдийской и тюркской феодальной верхушки происхождение из «дома Афрасиаба» было одной из причин тесных культурно-экономических связей Казахстана и Согда.

Образ верблюда играл важную роль в идеологии древних и средневековых народов Центральной Азии. В Авесте он сравнивается с мощным правителем, воплощением бога победы и грозы Веретрагны. Культ священного верблюда сохранялся в средневековье у тюркских племен.

У казахов верблюд считался самой дорогой жертвой. После смерти Манаса его быстроногий верблюд Джелмази 12 лет простоял на коленях у входа в мавзолей.

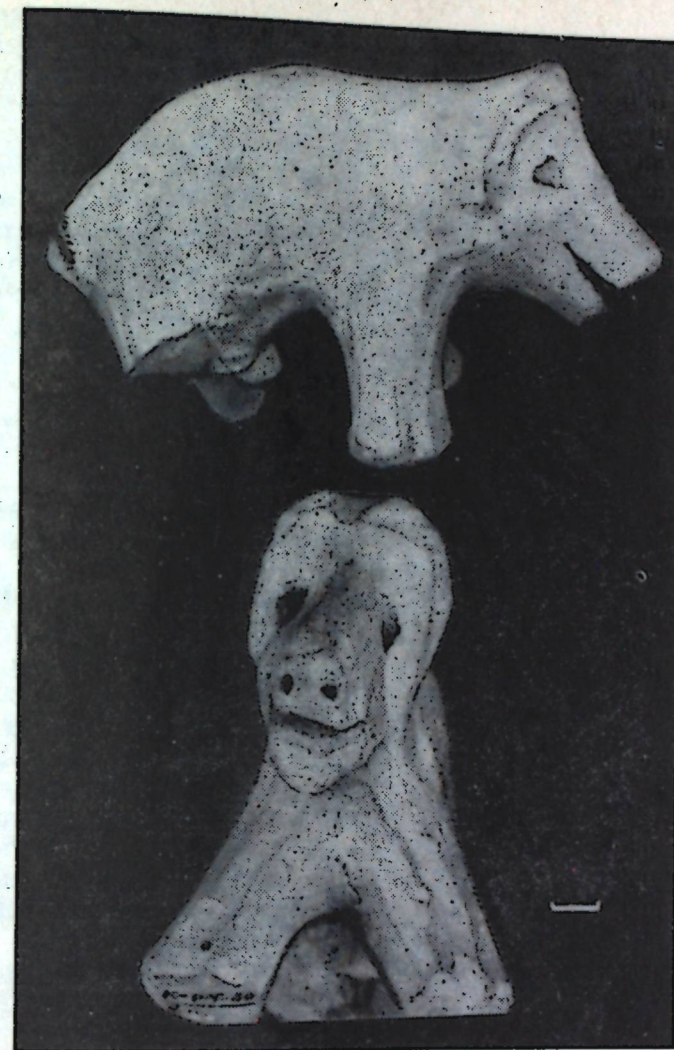
Таким образом, изображение верблюда на керамике Отрара и городищ оазиса свидетельствует о длительно сохранявшемся культе этого животного в среде городского населения эпохи средневековья.

Среди изображений на посуде можно встретить прочерченный рисунок бычьей или коровьей головы в фас на фрагменте хума и оформленные в виде бычьей головы носики водолеев IX—XI вв. Сакральное значение крупного рогатого скота известно хорошо.

В зороастризме коровье молоко считалось священным: от коровьего молока и священной хомы зачинает пророка мать Зороастры. Анализу образа первого человека Гайомарта-быкочеловека посвятила статью К. В. Тревер, показавшая важную роль быка в культовых воззрениях среднеазиатских народов. В зороастризме образ человека и быка лежит в основе всего сущего. Согласно этой религии, после смерти быка из его тела произросли 55 видов зерна, 12 видов лечебных растений, а из его семени — бык и корова. От Гайомарта произошли металлы, из семени — первые мужчина и женщина. Это — исходный момент, по мнению исследователей, позволяющий объяснить культовое значение быка и в пережиточных явлениях. Бесспорно, что в IX—XII вв. древнее значение образа коровы и быка были забыты, но реликты их продолжали существовать и изображения животного — этому доказательство. Живучесть традиции прослеживается и в исторических, и этнографических материалах. Так, еще недавно быка приносили в жертву водной стихии с целью обеспечения обилия воды в каналах и богатого урожая.

Видимо, изображение быка на сосудах-водолеех скорее всего связано со стремлением придать сосуду свойство быть всегда полным, а владельца наградить пожеланием благополучия.

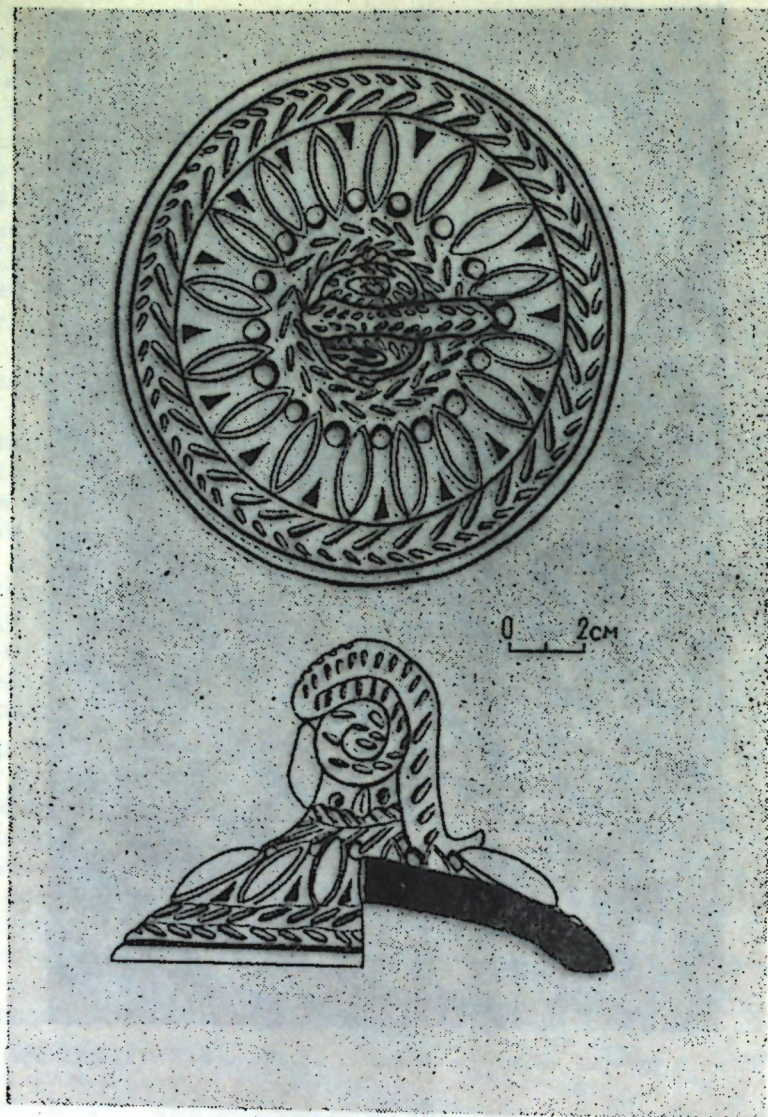
На городище Куйруктобе в комплексе керамики XI в., извлеченной из бадраба, была фигурка кабана. Ее вы видите на снимке. Изображение этого животного — достаточно распространенное явление на Сыр-

Глиняная фигурка кабана из комплекса керамики XI в. (Куйруктобе)

дарье. Известна, например, находка фигурки кабана на поселении каунчинской культуры в Ташкентском оазисе. Исследователи связывают этот образ с самым воинственным божеством авестийского пантеона Веретрагной, выступающего в различных ипостасях, в том числе и в виде кабана. Скорее всего фигурка вепря, найденная на Куйруктобе, является реминисценцией древних верований в регионе.

...При раскопках найдены изображения птиц, среди которых хорошо различаются петух и фазан. Изображения петуха встречены в виде оттисков на плоских крышках. На одной из них, найденной на раскопе, идущие в ряд петухи расположены по внешнему краю крышки.

Навершие крышки, украшенное ручкой в виде головы петуха, из комплекса керамики XI в. (Куйруктобе)

У птиц характерный хвост и гребень на голове, не оставляющие сомнения, что изображены именно петухи.

Похожее изображение встречено еще на одной крышке, найденной на небольшом поселении, расположенном в 2 км восточнее Отрара. У птицы трехпалые ноги, выпуклый абрис крыла, хохолок на голове и характерная петушиная «бородка».

Но наиболее часто встречаются объемные головки петухов, бывшие,

как и головки баранов, навершиями крышек от кухонных сосудов, судя по следам копти на них. Интересна массивная крышка с ручкой в виде головки петуха: зубцы гребня венчают голову, клюв в виде шишечек, оперение передано насечками.

Группа выпуклых крышек украшалась навершиями в виде стилизованных головок птицы (петуха или фазана) с характерным гребнем — налетом на голове и «бородкой». Перья также переданы вдавлениями и насечками. Интересна крышка с головкой петуха, клюв у которого выделен защипом, а гребень показан зубчиками насечки (см. снимок).

Петух, как достаточно хорошо известно, у многих народов олицетворял защиту от всякой нечисти, зла, хаоса. К. А. Иностранцев, ссылаясь на арабские источники, пишет, что у сасанидских персов крик петуха в неурочное время расценивался как предупреждение о надвигающейся беде. Петух в Авесте — ближайший помощник доброго бога Сраоши, защищающего людей от козней демонов, создан для борьбы с демонами и колдунами⁶³.

В пережиточной обрядности народов Средней Азии и Казахстана петух и курица играли важную роль. У узбеков Хорезма, например, петух использовался в шаманских камланиях, олицетворял плодородие в свадебных ритуалах, как элемент оберега.

В случаях изображения петуха на керамике и особенно в качестве навершия крышек кухонных горшков, видимо, следует видеть оберег, защиту пищи от всего нечистого.

Исследователи средневековой культуры отмечают, что для среднеазиатских народов ислам отнюдь не исчерпывал их духовнорелигиозных представлений. Яркое проявление доисламских культов прослеживается по археологическим материалам из средневековых городов и, в частности городов Отрарского оазиса. Изучение казахстанского «язычества» как части общечеловеческого комплекса первобытных воззрений, верований, обрядов, идущих из глубины веков, позволяет более полно понять культуру племен и народов, населяющих среднеазиатско-казахстанский регион.

О чем молчат боги на черных досках...

При пожаре, который уничтожил город, где ныне находится Куйруктобе, сгорел дворец VI — первой половины IX в. Однако случилось почти чудо — пожар «законсервировал» уникальные резные доски, украшавшие стены парадного зала. Доски успели обуглиться, «сползли» со стен на пол, а рухнувшая кровля сохранила их для истории. Так, огонь, разрушивший дворец, в то же время «пощадил» произведения художника, вырезанные полторы тысячи лет назад.

⁶³ См.: Иностранцев К. А. Материалы из арабских источников для культурной истории Сасанидской Персии: (Приметы и поверья) // Записки Восточного отд. Русск. археолог. о-ва. СПб., 1907. ТХVIII. Вып. 2—3. С. 203—204.

На девяти сохранившихся «картинах» изображены боги, а деревянные детали перекрытия, найденные в большом количестве, несут в себе украшения в форме растительного или геометрического орнамента, либо изображения мифических существ.

Ближайшие аналогии резному дереву из цитадели Куйруктобе происходят из Согда и Усрушаны. Названные выше орнаментальные мотивы резьбы встречались на резном дереве из Пенджикента, Шахристана, Урта-кургана. Например, к интересным деталям, украшавшим перекрытия балки или арки входов, относятся парные изображения сирен, т. е. широко распространенного в раннесредневековом искусстве сюжета. Сирены есть и на резном штуче Варахши, и в глиняных рельефах Пенджикента. Парные изображения сирен под аркой или по бокам от нее сохранились на ступах Санчи и Бхарутты, в гротах Бамнана, в резной кости Беграма. Эти мифические существа упоминаются в буддийских текстах в качестве мужской и женской пары под именем Кинара и Кинари⁶⁴.

К числу уникальных находок Куйруктобе относятся остатки досок от подпотолочного фриза, некогда украшавшего парадный зал постройки на цитадели. У стены, находившейся напротив центрального входа в зал, было расчищено, законсервировано и поднято девять фрагментированных досок.

Лучше других сохранилась доска⁶⁵ (ее вы видите на снимке) с изображениями божеств на зооморфных тронах. В арках показаны восседающие на тронах божества. Можно проследить по схематичному рисунку, что слева — мужское божество на троне в виде фигур двух крылатых верблюдов (?). Сохранилась голова одного из них с характерной удлиненностью и торчащим ухом. Мордами верблюды повернуты друг к другу. Божество изображено в фас, в правой руке, согнутой в локте, с кистью на уровне груди, бог держит предмет с тремя изогнутыми побегам (?). В левой руке у него чаша с зубцами по краю, на голове — зубчатая корона. Божество справа, видимо, супруга, сидит на троне из двух горных баранов. В правой руке, согнутой в локте и поднятой вверх, треугольный предмет, в левой — жезл, на голове — повязка с бантом на лбу и развевающимися концами.

Найден и сохранился фрагмент еще одной доски фриза, которая стыковалась снизу (см. снимок). На ней изображения подножий тронов в виде зооморфных существ с крыльями. Видны изображения ковров или попон, которыми были покрыты троны. У подножий трона с горными баранами изображены маленькие фигуры двух коленопреклоненных людей. (Эти детали помогает рассмотреть приведенный схематичный рисунок).

Арки внутри заполнены четырехлепестковыми розетками, в межарочных пространствах — изображения сидящих персонажей.

Изображения богов на тронах известны в раскопах Согда. В Варах-

⁶⁴ См.: Ольденбург С. Ф. Гандхарские скульптурные памятники. Л., 1925. Т. 5. С. 175.

⁶⁵ Размеры: 122×25 см.

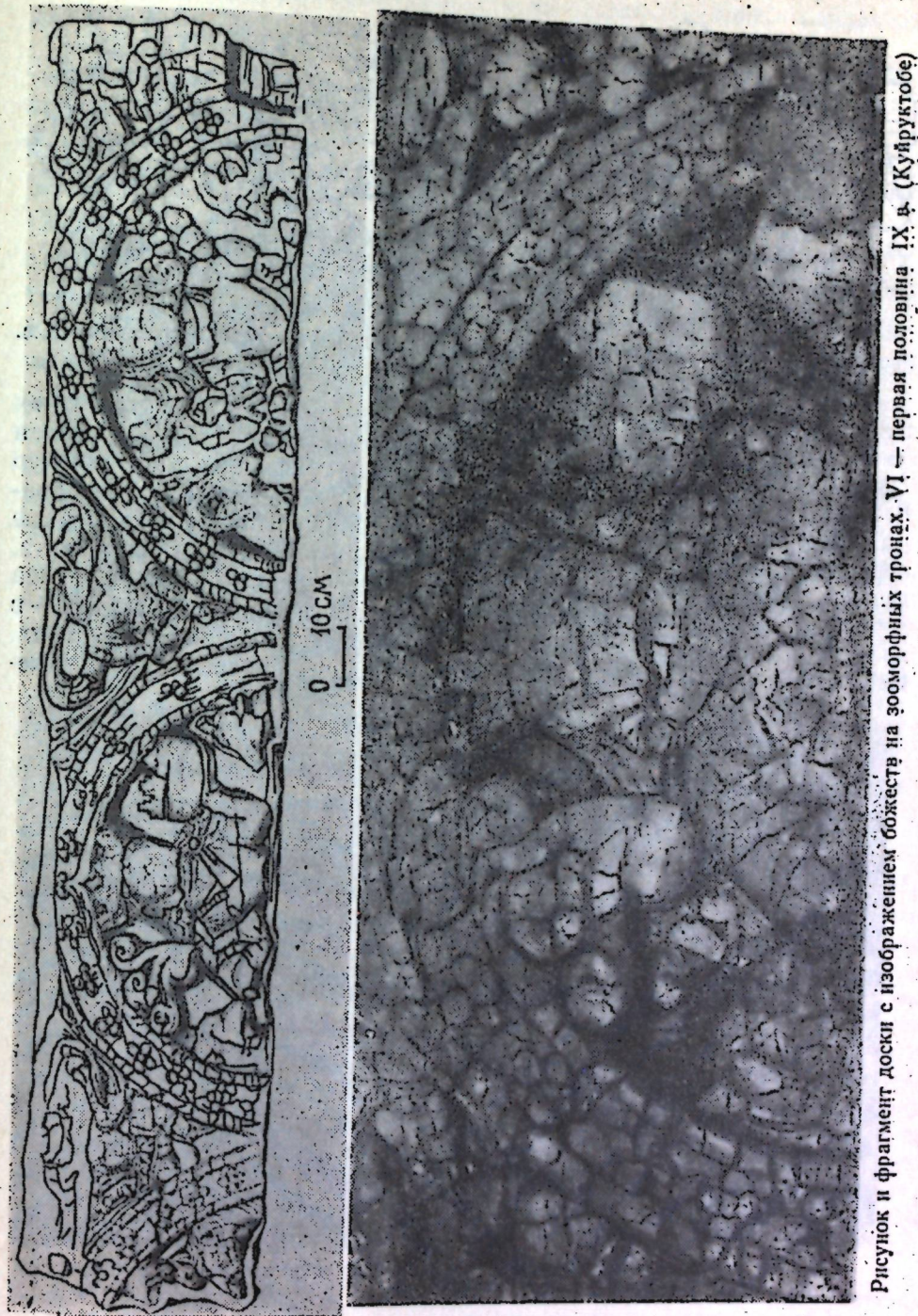

Рисунок и фрагмент доски с изображением божеств на зооморфных тронах. VI — первая половина IX в. (Куйруктобе)

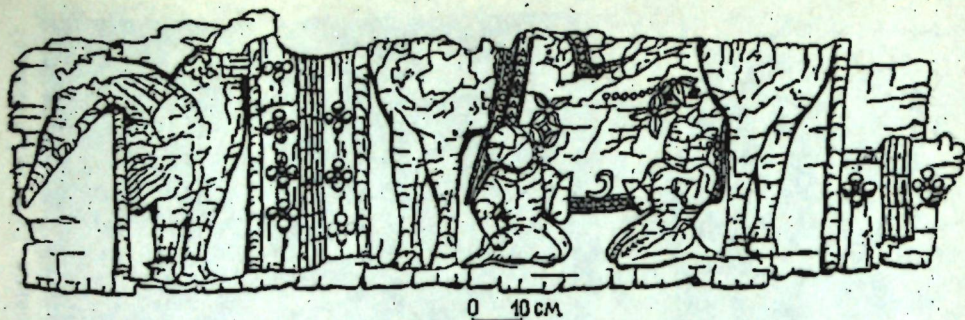

Рисунок доски с изображением коленопреклонных людей, VI — первая половина IX в. (Куйруктобе)

ше на стенах Восточного зала дворца бухар-худатов центральная фигура восседает на троне с опорами в виде крылатых верблюдов. Они так же, как и куйруктобинские, похожи на грифонов. Не случайно В. А. Шишкин назвал их «желтыми грифонами с верблюжьими головами, шеями и ногами»⁶⁶. У подножия трона тоже коленопреклоненные персонажи. Близки куйруктобинским сцены на росписях Пенджикента, где показана чета божеств. Мужское божество сидит на троне, опора которого оформлена в виде верблюда. У супруги опора на троне — в виде горного барана. Бог держит в поднятой руке фигурку верблюда. Особенно близкое сходство прослеживается при сравнении изображе-

Фрагмент с изображением коленопреклонных людей

⁶⁶ Шишкин В. А. Варахша. М., 1963. С. 160.

ния мужского божества с зубчатой чашей (или алтарем) из Куйруктобе и штампованным рельефом на одной из стенок оссуария, найденного в Южном Согде, в предгорьях Гиссарского хребта.

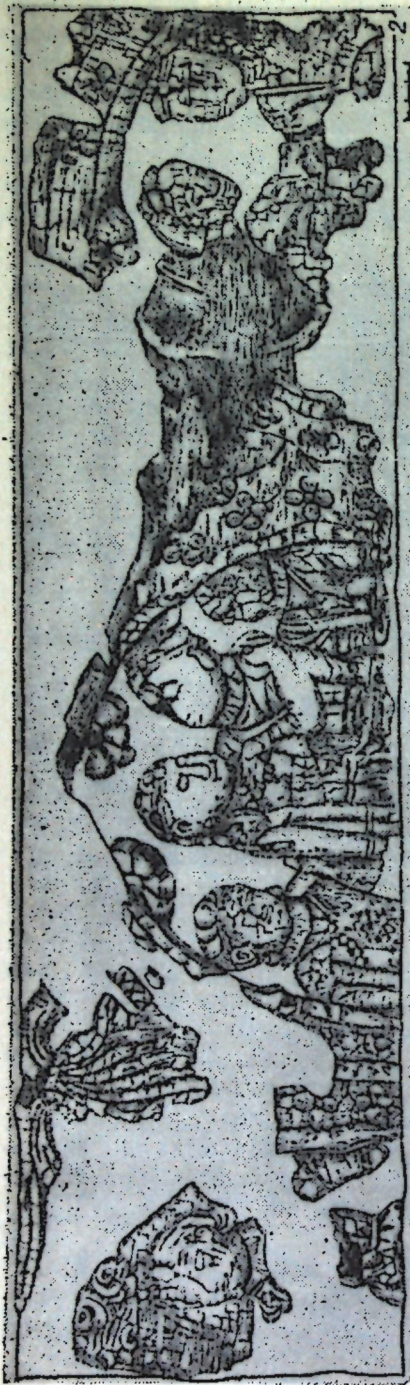
Еще одна доска от фриза со сценой «Осада замка» сохранилась фрагментарно. Центральная часть доски⁶⁷ занята композицией, где в арке, украшенной четырехлепестковыми розетками на стенах (видимо, замка или города), увенчанных пирамидальными зубцами, изображены два лучника. Здесь же на переднем плане стоит божество с поднятыми

Рисунок фрагмента доски с изображением сцены «Сватовство»

руками (в одной из которых он явно держал круглый предмет). На голове — корона с крыльями. Межарочные пространства заполнены изображениями стоявших персонажей, сохранность которых крайне плохая. Божество, судя по сохранившимся деталям, имело четыре руки, две из них, как отмечалось, были подняты вверх, вторая пара рук опущена. Возможно, сцену осады замка или города следует сопоставить с отрывком из согдо-манихейского текста, в котором рассказывается о падении города, осажденного врагами. В нем упоминается имя Наны-госпожи. По мнению В. Б. Хеннинга, это имя богини Анахиты. Анализ культа Наны (Анахиты) в Согде, предпринятый Н. В. Дьяконовой и О. И. Смирновой, приводит исследователей к выводу о том, что Нана-Анахита была одним из основных божеств Согда, а в Пенджикенте, вероятно, культ Наны — богини — матери, бывшей покровительницей

⁶⁷ Размеры: 93×23 см.

Доска с изображением сцены «Свадьба», IV — первая половина IX в. (Куйруктобе)

города, был главным⁶⁸. Судя по сходному изображению на доске из Куйруктобе, и на Средней Сырдарье этот образ был почитаем.

На одной из досок⁶⁹, схематический рисунок которой приводится, читается светская сцена — «Свадьба». В центре доски под аркой изображены стоящими вполоборота друг к другу знатные мужчина и женщина.

У женщины округлое лицо с широким плоским носом и миндалевидными глазами. На голове — шапочка, на лбу — диадема. Из-под шапочки на правое плечо спускается косичка, перехваченная в нескольких местах завязками. В правом ухе — серьга в виде овального шарика, на шее — ожерелье из крупных бус. Сверху на женщине накидка.

Лицо мужчины сохранилось плохо. На голове — шапочка с околышем, одет он в халат, под которым рубаха со стоячим воротником. Правой рукой мужчина обнимает женщину, а левая ладонью кверху поднесена к лицу женщины, которая сжимает левую руку мужчины у локтя. Слева и справа от пары стоят еще два персонажа.

Похожие изображения встречены в росписях Афрасиаба. Видимо, подобные сцены с характерными «жестами рук» можно отнести к сценам «Сговор жениха и невесты», «Свадьба». Это мнение высказывает ряд исследователей.

Полная характеристика и анализ резного дерева из Куйруктобе еще не сделаны, но уже сейчас ясно, сколь богата в нем информация

⁶⁸ См.: Дьяконова Н. Н., Смирнова О. И. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде // Советская археология, 1967. № 1. С. 71—83.

⁶⁹ Размеры: 125×135 см.

о духовной жизни прошлого. Бесспорно и то, что на Сырдарье получила развитие согдийская культура, которая прослеживается в керамике, архитектуре, причем изобразительные сюжеты на резном дереве уходят в античные традиции. Так же, как и в Семиречье, в городах Южного Казахстана, видимо, наряду с тюркским, проживало согдийское население. А поэтому в идеологию турок, в частности, кангаров, проникали и согдийские культы, которые, скорее всего, переосмысливались и приспособлялись к религиозным представлениям тюрков.

И становились города ареной борьбы за веру...

Период развитого средневековья в Казахстане связан с интенсивным распространением и утверждением ислама. Арабские отряды неоднократно вторгались в пределы юга Казахстана и Семиречья. В 751 г. они дошли до Таласа и вблизи города Атлаха разбили китайскую армию, а в начале IX в. совершили поход на Отрар. Однако ни Сырдарья, ни Семиречье не были завоеваны и не вошли в состав Халифата. Интенсивная исламизация области началась, видимо, после утверждения в Средней Азии династии Саманидов с их политикой к востоку и северу от центральных владений. Образование в середине X в. Караханидского государства и завоевание им Средней Азии сблизил Казахстан с нею, что не могло не способствовать распространению ислама в Семиречье и на юге Казахстана.

Исследованиями советских археологов установлено значительное внутреннее единство средневековой городской цивилизации Средней Азии и Южного Казахстана, которая является одной из составляющих обширной системы городских цивилизаций мусульманского мира.

В 840 г. Нух ибн Асад подчинил себе Испиджаб, а в 859 г. его брат Ахмед ибн Асад совершил поход на Шавгар, где было произведено истребление нескольких тысяч человек.

Карлуки, захватившие с 766 г. политическое господство в Семиречье и на юге Казахстана, подверглись наибольшему влиянию мусульманской культуры. Есть мнение о том, что они приняли ислам еще при халифе Махди (755—785 гг.). Однако, видимо, это относилось лишь к какой-то части их, так как только в 893 г. после того, как Исмаил ибн-Ахмад взял Тараз, он «обратил главную церковь этого города в мечеть».

В начале X в. ислам принял родоначальник династии Караханидов Сатук, а его сын Богра-хан Харун, б. Муса в 960 г. объявил ислам государственной религией.

В первую очередь мусульманство распространялось в городах. В письменных источниках сохранились указания на процесс исламизации населения. Так, ибн Хордадбек сообщает об отрядах мусульман в главном городе округа Фараб Кедере. Ибн Хаукаль пишет про город Сюткент, находившийся на левом берегу Сырдарьи на границе с Шашем: «...в нем есть мечеть и в нем собираются тюрки из (разных)

племен гузов и карлуков, которые уже приняли ислам». Он же сообщает, что главный город Южного Казахстана — Испиджаб был «местом войны за веру».

Постепенно новая религия распространялась и в среде кочевников. Тот же Ибн Хаукаль говорит о тюрках-мусульманах, кочевавших между Фарабом, Кенджидой и Шашем.

Есть указания в источниках о распространении ислама в XI—XII вв. в среде кыпчаков: ханы Кыран (Икран) Алп-Дерек приняли ислам и носили мусульманские имена Кадырхан, Гайирхан. Однако ислам оставался у кыпчаков религией феодальной верхушки.

В XI—XII вв. в Средней Азии и на юге Казахстана распространилось мистическое течение ислама — суфизм. Он получил популярность у народных масс из-за проповеди воздержания, аскетизма, отречения от мирских благ и стяжательства. Со временем суфизм привлекал все большее число последователей. Суфийские шейхи приобретали известность и становились реальной исторической силой. Особенно успешной была миссионерская деятельность отдельных суфийских проповедников на границах «мусульманского мира» с целью обращения в ислам «неверных».

Среди горожан и кочевников присырдарьинского региона особенно успешно вел проповеди Ахмед Ясави, основавший уже упоминавшийся выше орден Ясавийа. Он смог приспособить мусульманскую догматику к местным обрядам и верованиям. К примеру, в его «Хикметах» имя Аллаха нередко заменялось именем верховного божества тюрков Тенгри. После смерти Ахмед Ясави был возведен в ранг святого, а на месте его захоронения был построен мавзолей. В эпоху Тимура, как мы уже говорили, здесь же был возведен грандиозный комплекс, включавший мавзолей, мечеть и ханаку, поражавший современников. «Мавзолей Ахмеда Ясави», — писал историк XVI в. Рузбихан, — одна из самых монументальных построек во всем мире, в архитектуре мавзолея проявлено человеческое искусство до поразительности и восхищения».

Географ X в. ал-Макдиси, у которого содержатся наиболее обстоятельные сведения о городах Южного Казахстана и Семиречья, называет в качестве обязательного элемента городской застройки мечеть.

Археологические раскопки памятников IX — начала XIII в. свидетельствуют о проникновении элементов мусульманской культуры в города Средней Сырдарьи.

Первоначально функции мечети, видимо, выполняли отдельные жилые дома, у которых в центральных, наиболее крупных по площади, помещениях в юго-западных углах устраивались михрабы, представлявшие собой обозначенный по периметру глиняным наклепом участок стены, ориентированный на Кыблу. Два таких дома, бывшие наиболее крупными в своих кварталах, раскопаны на городище Куйруктобе, отождествляемом, как уже отмечено, со столицей округа IX—XI вв. Фараб — городом Кедером. Дома имеют типовую планировку и состоят из небольшого вестибюля, куда вел вход со стороны улочки, и жилого помещения площадью до 30 кв. м с суфами по периметру и большим

напольным очагом в центре. Показательно: по соседству с одним из этих домов, в завале жилого помещения был обнаружен обломок глиняного сосуда подчетырехугольной формы (6×11 см), на котором черной тушью записана первая сура Корана (см. фото).

Черепок с арабской надписью (первая сура Корана), IX—XI вв. (Куйруктобе)

В старых городах поначалу, когда число верующих было небольшим, под мечети приспособляли старые культовые постройки, как это было в Таразе, где христианские церкви превратили в мечети. По мере роста населения, исповедывающего ислам, в городах стали строиться соборные мечети. Про одну из них, возведенную в Кедере, сообщает ал-Макдиси. Остатки этой мечети, как отмечалось, были обнаружены при раскопках отождествляемого с Кедером городища Куйруктобе.

Мечеть находилась в центре на пересечении магистральных улиц.

Близкое сходство с соборной мечетью Кедера обнаруживает мечеть, открытая на Саполтепа в Сурхандарьинской области Узбекистана. По размерам она несколько больше — $50 \times 25 - 30$ м. Датируется XII в. Из более поздних построек этого типа близки Кедерской мечети XVIII в. Хивы и Хазараспа, мечеть начала XX в. в Ургенче⁷⁰.

К X—XI вв. относится постройка мечети в одном из крупнейших городов Семиречья — Баласагуне. Сама постройка не сохранилась, однако минарет (высота — 21,6 м) возвышается на развалинах города до сих пор. Он сложен из жженого кирпича, имеет вид конического утончающегося кверху ствола на восьмигранном основании. Ствол минарета расчленен системой поясов: широких орнаментированных и зауженных гладких.

К постройкам, которые появились в городах Средней Азии и Казахстана в период распространения ислама, относятся общественные бани. При раскопках Отрара выявлены две бани XI—XII вв. Они имеют крестовидную планировку и состоят из стандартного набора помещений. Центр бани занимал обычно восьмигранный зал с лоджиями для массажа. Кроме того, в числе помещений имелись раздевалки, горячие и прохладные моечные, комната для отдыха. Отопление бань осуществлялось подпольной системой жаропроводящих каналов, соединенных с топкой. Водоснабжение осуществлялось при помощи колодцев, сточные воды системой кубуров выводились за пределы постройки в поглощающие ямы. Планировка бань, набор помещений, система отопления имеют аналоги с банями Средней Азии, Кавказа, Ближнего и Среднего Востока. Крестообразная планировка была характерна для бань XI—XII вв., тогда как бани более раннего времени еще не имели устоявшегося плана.

Бани X в. с иной планировкой раскопаны в Таразе. Для них был характерен богатый интерьер, в частности, росписи на стенах.

Менялся, как установили исследования некрополей, и погребальный обряд. Домусульманские захоронения VI—IX вв. хорошо известны по раскопкам некрополей городищ Красная Речка, Тараз и Костобе в Семиречье, Борижарского могильника в Южном Казахстане, отдельных погребений кочевого населения. Они дают представление о сложности религиозных представлений в среде горожан и кочевников. Открыты погребения в наусах, на площадках, в оссуариях, захоронения в виде кучек костей, костей в хумах, совершенные местными зороастрийцами; погребения, совершенные по христианскому обряду с эпитафиями; тюркские погребения с конем; поминальные оградки с каменными изваяниями.

Погребальный обряд менялся во второй половине IX—X вв. Он характерен для мусульман и совершался по определенным канонам — в грунтовых ямах, склепах из сырцового кирпича. Умершие ориентированы головой на северо-запад, лицом на юг. Инвентаря в погребениях

⁷⁰ См.: Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии: (IX—начало XX в.). Ташкент, 1980. С. 108—112.

нет. Наиболее ранние мусульманские некрополи открыты в Отрарском оазисе и датируются IX—X вв. К X в. относится некрополь Буранинского городища.

В XI—XII вв. на некрополях появились монументальные мемориальные сооружения. Ранняя группа мусульманских мавзолеев открыта на Буранинском городище. Мавзолеи были расположены неподалеку от минарета. Они характеризуются богатым внутренним убранством — использованием росписей, выполненных с использованием растительных мотивов, резного штука, фигурных кирпичиков. Форма мавзолеев, по мнению исследователей, относится к так называемому «башенному» типу, характерному для культовой архитектуры Средней Азии и Казахстана в XI—XII вв. Два мавзолея сохранились вблизи с. Головачевка, в 18 км восточнее Тараза. Один из них — Бабаджихатун — относится к типу беспортальных мавзолеев и датируется X в., второй — Айша-Биби, от которого сохранилась лишь западная стена, характеризуется богатым оформлением плоскостей стен с использованием неполивных изразцов с растительным и геометрическим орнаментом, датируется XI—XIII вв.

Мавзолей XII в. Сарлытам сохранился на Нижней Сырдарье. Он имеет высокий портал, украшенный резными терракотовыми плитами датируется XI—XII вв.

Инновации, связанные с формированием новой городской культуры, наблюдаются в массовом керамическом ремесле. Широкое распространение получает поливная керамика. В Средней Азии, по мнению О. Г. Большакова⁷¹, она появляется во второй половине VIII в. как заимствование из Ирана. В городах Южного Казахстана и Семиречья она проникла из Средней Азии в IX—X вв.

Большую группу из глазурованной посуды представляет керамика с использованием декоративных возможностей арабского шрифта. Часть надписей носит чисто декоративный характер, они не читаются, но некоторые содержат различного рода благопожелания, назидания, имеют религиозный смысл.

В производстве изделий из металла — меди и бронзы — распространилась мода на изделия, также украшенные благопожелательными надписями и надписями религиозного содержания. Прежде всего следует отметить большую группу светильников и подставок под них в виде высоких своеобразных цилиндров на ножках. В городах в результате торговли распространились кувшины, украшенные благопожелательными надписями. Вскоре было налажено и их местное производство.

В коллекции высокохудожественных кувшинов, хранящихся в Центральном музее Казахстана, имеется прекрасный кувшин из Семиречья. Он имеет реповидное тулово, переходящее в горло с раструбом. Опирается кувшин на торовидный поддон. Венчик отогнут под прямым углом. Ручка соединяет венчик и тулово, она украшена шестью объемными бусинами. На верхней части имеется выступ в виде плода граната.

⁷¹ См.: Большаков О. Г. Город в конце VIII — начале XIII в. // Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 275.

На площадке плода изображены гравировкой и инкрустацией красной медью сирены.

Горло кувшина украшено орнаментом, расположенным в трех поясах, разделенных полосами из красной меди. Верхний и нижний пояски заняты арабской благопожелательной надписью на фоне растительных побегов. Верхний ярус написан разновидностью эпиграфического сульса, нижний — куфи. Есть два перевода: «Слава и счастье, и богатство, и мир» и «С благополучием и благославлением, и миром». Кувшин по аналогии с кувшинами из других музеев датируется XII — началом XIII в. Подобные кувшины были найдены в слое XI в. на городище Куйруктобе.

Однако следует подчеркнуть, что ислам в Казахстане распространялся в компромиссе с прежними религиями — христианством, зороастризмом и языческими верованиями, такими, как культ Неба, Земли Воды, и теми, о которых говорилось выше: культом огня, животных, птиц. Но влияние ислама на культуру народов Южного Казахстана было весомым, и это отражение постоянно прослеживается при глубоком изучении литературных источников и археологического материала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрождению
Забывтый гул погибших городов.

А. Блок

Подошел к концу рассказ о городах Отрарского оазиса — Кок-Мардане, Куйруктобе, Куюк-Мардане, Отраре и других. Еще недавно он мог быть только кратким — так мало мы знали о них да и о многих других центрах древнего ремесла, торговли и культуры Казахстана. Теперь положение изменилось. Систематические, целенаправленные исследования археологов Академии наук Казахской ССР открыли неизвестные страницы истории. Все более зримым становится облик древних городов.

Раскопки выявили своеобразную цивилизацию первой половины I тысячелетия. Многочисленные поселения, окруженные стенами, располагались на берегах горных рек, в поймах Арыси, Келеса, Сырдарьи, объединялись в группы, центрами которых были наиболее крупные из них — те, которые постепенно перерастали в феодальные города. Их жители занимались земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством, были искусными ремесленниками. В их духовной жизни важную роль играли многочисленные культы: огня, животных, предков... Они верили в загробный мир.

Многочисленные кочевые и полукочевые племена, жители оазисов входили в состав государства Кангюй, контуры истории которого благодаря раскопкам пока только намечены.

Новая эпоха в жизни племен была связана с утверждением феодализма. Крупные ставки феодальной знати с укрепленными цитаделями, где строились дворцы с парадными залами, украшенными росписью и резьбой по дереву, открылись археологам при раскопках городов не только Отрарского оазиса, но и Согда, Шаша, Семиречья. По Великому Шелковому пути распространялись украшения, драгоценности, шелка. Феодалы Казахстана стремились к представительности так же, как и европейские, византийские и среднеазиатские. «Одежда, оружие, сбруя должны быть украшены как можно пышнее и богаче. Золото, позолота, броские и яркие самоцветы, обилие драгоценного металла должны были

громко заявлять о богатстве, а, следовательно, и о силе данного феодала», — так писал о феодальной верхушке академик Б. А. Рыбаков.

В условиях перехода от первобытности к феодализму формировались прогрессивные элементы феодальной культуры. Изящная поливная керамика, стеклянная посуда, великолепные изделия из бронзы, найденные при раскопках, — яркое тому свидетельство. Мастера гордились своими изделиями, иногда подписывали их своими именами.

Постепенно в среде городского населения, а затем и кочевников стал распространяться ислам: в городах и в степи появлялись проповедники — миссионеры, строились мечети, в медресе изучался арабский язык. Тогда-то на поливных чашах гончаров появились изречения из Корана и благопожелания; в одном из домов X—XI вв. при раскопках найден глиняный черепок с надписью тушью первой суры Корана. Однако продолжали существовать культы огня, барана, пережитки зороастризма, особенно среди осевших кочевников, число которых в городах и селениях особенно выросло в X—XII вв.

После монгольского нашествия, принесшего разрушения и приостановившего развитие городской культуры, все же Отрар, Сайрам, Сыгнак, Джент, Янгикент и другие вновь отстраиваются. Подъему городской жизни здесь способствовало, в частности, перемещение международного торгового пути с Запада на Восток.

Показателем усиления международной торговли стал отрарский серебряный клад, содержащий вещи и монеты из городов, когда-то расположенных на трассе международной торговой артерии. Отрар стал в то время одним из крупнейших экономических и торговых центров.

Раскопки дают нам материалы по самому позднему периоду существования города — XVI—XVII вв. Из 20 га, которые занимал Отрар в это время, раскопана почти треть. Открыты городские кварталы, улицы и тупики, базарчики и площади. Полное представление мы имеем о городском жилище. А одно из них, сгоревшее в огне пожара, сохранило не только остатки интерьера, но весь инвентарь, который был «консервирован» рухнувшей камышевой кровлей. Теперь мы имеем представление о занятиях жителей Отрара, в том числе о развитии ремесла. По изделиям мастеров-гончаров удалось проследить развитие ремесла, смену стилей в керамике на протяжении 2 тысяч лет. Сделан важный вывод: столетия, несмотря на политические изменения, этнические перемещения в Отраре, сохранялся местный пласт населения с устоявшимися традициями материальной и духовной культуры. Важен вывод исследователей и о том, что многое из того, что было создано народом, населявшим берега Сырдарьи в древности и средневековье, вошло в традиционную культуру казахского народа, в сокровищницу мировой культуры.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
«ВЕРСТОВЫЕ СТОЛБЫ» ИСТОРИИ ОТРАРСКОГО ОАЗИСА	10
Там, за вратами народной памяти, Канжуй...	10
Фараб... Отрар?	15
Кыпчаки и Отрар: есть ли связь? Есть	19
«Вот — срок настал. Крылами бьет беда...»	22
Смутное время... Но Отрар возрождается	26
Последний поход хромого эмира	31
От Отрара к Отрартобе — путь в три столетия	35
«КАМНИ» ГОРОДИЩ — КОНТУРЫ ПОСЕЛЕНИЙ ПРЕДКОВ	39
Бугры на древних протоках Арыси	39
Тайны Куюк-Мардана, «горелого холма»	56
Куйруктобе — отчетливые следы города Кедера	64
Сквозь толщу временных слоев Отрартобе	72
Силуэты отрарских бань	80
Поздний, более близкий нам Отрар	92
И другие позднесредневековые города Отрарского оазиса	101
ЧЕРЕЗ ОТРАРСКИЕ НАХОДКИ — К ПОЗНАНИЮ МАТЕРИАЛЬНОГО И ДУХОВНОГО	109
У земли и воды брал силу народ	109
«Не боги горшки обжигают»	113
По раскопкам мастерских ремесленников	134
Отрарский оазис — «место стечения купцов»	145
Гипотезы, гипотезы... «Да» скажет само время	165
Как «с миром утвердилась связь»	172
Зооморфные символы... Что кроется за ними?	182
О чем молчат боги на черных досках	193
И становились города ареной борьбы за веру	199
Заключение	205

Научное издание

Карл Молдахметович Байпаков

ПО СЛЕДАМ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ КАЗАХСТАНА

(Отрарский оазис)

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории, археологии и этнографии
им. Ч. Ч. Валиханова
Академии наук Казахской ССР*

Рецензенты: канд. ист. наук
В. Д. Горячева, Б. Е. Кумекоев

Зав. редакцией Л. И. Дробжева
Редактор А. Е. Орловская
Художественный редактор В. А. Ващенко
Оформление художника Э. Ф. Ким
Технический редактор В. М. Муромцева
Корректор З. А. Кинасова

ИБ № 3230

Сдано в набор 14.12.89. Подписано в печать 28.04.90.
УГ11047. Формат 70×90^{1/16}. Бум. тип. № 1.
Литературная гарнитура. Высокая печать.
Усл. п. л. 15,21. Усл. кр.-отт. 15,43. Уч.-изд. л. 15,43.
Тираж 2000. Заказ 8. Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР
480100, Алма-Ата, ул. Пушкина, 111/113
Типография издательства «Наука» Казахской ССР
480021, Алма-Ата, ул. Шевченко, 28